

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

4 '88

Борислав

ГИДЕЛЬ КОММУНАРОВ

До глухого предуральского села Усть-Икинска весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции дошла в конце ноября 1917 года. Крестьянство восторженно встретило революцию, декреты II Всероссийского съезда Советов о мире, о земле, подписанные В. И. Лениным.

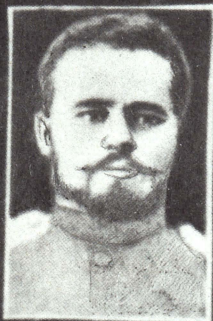
При активном участии трудового крестьянства прошли выборы в волостные Советы крестьянских депутатов.

Весной 1918 года волостной Совет при поддержке бедняков начал перестройку старого уклада жизни.

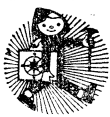
9 апреля состоялось первое собрание бедноты, где была организована Усть-Икинская трудовая коммуна и принят ее Устав.

Очерк В. Сундеева читайте на стр. 12.

На снимке (слева направо): Андриян Ильич Жильцов, Иван Егорович Жильцов, Тимофей Никифорович Филиппов, Степан Дмитриевич Иусов, Петр Никанорович Филиппов, Тихон Алексеевич Онкин, Михаил Иванович Запольских, Кирилл Кириллович Баталов; памятник на окраине села Большебурьянского.

В НОМЕРЕ:

В НОГУ С ЭПОХОЙ	2
С. Мешавкин	
ИТОЖА ТРИДЦАТИЛЕТИЕ...	4
Ю. Курочкин	
ИЗ ПЛЕМЕНИ СЛЕДОПЫТОВ	5
С. Захаров	
НАШ АВТОР — МАРШАЛ ГОЛИКОВ	7
А. Шмаков	
ЛЕНИНИАНА В. П. БИРЮКОВА	8
С. Гарязев	
ТЮМЕНСКИЙ МАВЗОЛЕЙ ИЛЬИЧА	9
А. Артамонов	
КАК НАШЛИ РЕЛИКВИЮ	10
В. Маргвелашвили	
ПАМЯТНИК ВОЖДЮ	10
Э. Цейслер	
ПРЕДКИ НАШИХ КОРАБЛЕЙ	11
В. Максимцов	
ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ	11
В. Сундеев	
ГИБЕЛЬ КОММУНАРОВ	12
Г. Дробиз	
СМОТРИТ ПРОШЛОЕ НА НАС. Стихи	14

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

О. Ларионова	
ЗВЕЗДОЧКА-ВО-ЛБУ (ЧАКРА КЕНТАВРА)	
Космическая опера. Окончание	15
А. Чуманов	
16 КОПЕЕК. Рассказ	33
Л. Куклин	
ЗАПОВЕДНИК. Рассказ	36
А. Стругацкий	
«ЗАГОВОР-87»	37
К. Булычев	
ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!	39

* * *

Ю. Шинкаренко	
ПЕТР КРАСНОВ: «ЖАРГОН НИЗВОДИТ ВСЕЛЕННУЮ	
К ПОДВОРОТНЕ...	45
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	48
В. Крапивин	
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман.	
Книга вторая ГРАНАТА. Начало	49
Е. Солдаткин	
В ПОИСКАХ МОНСТРОВ	73
Б. Рябинин	
ОСУЖДЕНИЕ ЗЛА	76
РАЗГОВОР ВПЕРЕДИ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78
КВН: «СЛЕДОПЫТ» — УПИ	79
Н. Широкова	
БАТАЛИИ, КАКИХ НЕ БЫЛО В ИТАЛИИ	80

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в

Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии),
51-53-20 (науки и техники, публицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 20—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений. Индекс 73413. Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.
По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечать».

Сдано в набор 07.01.88.
Подписано к печати 19.02.88.
НС 15001.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл.-печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 12,0.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 480 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 459.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветное фото Игоря Горячева, рисунок Евгении Стерлиговой.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ЖУРНАЛОВ

Продолжается подписка на единственный в СССР ежемесячный журнал путешествий, приключений и научной фантастики «Всемирный следопыт».

Подписчики «Всемирного следопыта» на 10 мес. получают: 10 №№ богато иллюстрированного журнала типа «Вокруг света» в многокрасочных обложках американского типа, содержащих романы, повести, очерки и рассказы путешествательно-приключенческого характера и увлекательной научной фантастики.

Ввиду огромного наплыва подписки, №№ 1 и 2 журнала «Всемирный следопыт» разошлись полностью. Издательство имеет возможность принимать новую подписку, начиная только с № 3.

(1926 г.)

В понедельник 9 мая в помещении цирка Мюзик-Холл состоялась конференция-концерт московских подписчиков «Следопыта».

Аплодисментами зал приветствует представляемых редакцией сотрудников журнала: В. Попова, А. Беляева, Е. Бывалова, В. Голицына, Л. Гумилевского, Н. Лебедева, С. Полтавского, А. Шпира и др.

Стол президиума усыпан белыми лепестками записок. Один за другим появляются на трибуне учащиеся, пионеры, красноармеец, рабочие-транспортники, химики, печатники.

Тов. Левин.—И внешний вид журнала, и форма его изложения удовлетворяют читателя. Плюс «Следопыта» — это занимательная, увлекательно поданная фантастика. Минус — слабое освещение современности.

Тов. Чернецкий (от читателей союза транспортников).—Журнал можно читать, можно и отчитывать. На кого рассчитан «Следопыт»? Отвечаю: ни на рабочего, ни на крестьянина. Журнал затрагивает чуждые рабочие темы; грузчики, которые являются читателями нашей библиотеки, не понимают его. Под видом научной фантазии «Следопыт» преподносит читателю белиберду, да еще за дорогую цену...

Тов. Головчнер горячо протестует против этого утверждения. Достоинство фантастических рассказов «Следопыта» в том, что он облакает в легкую беллетристическую форму последние научные достижения. Желательно в «Следопыте» пускать большие вещи с продолжениями.

— Слово принадлежит то... товарищу Горлову,— говорит председатель.

— Мне уж восемь лет, и я полгода подписываюсь на «Следопыт». «Следопыт» очень хороший журнал, и мне очень нравится. Тодько он мало пишет про индейцев...
(«ВС» № 6, 1927 г.)

Через пять дней после нашего отправления из Тренгану мы добрались до кампоңга Мата. Мы прибыли в кампоңг утром, а к вечеру для нас уже построено три дома.

В этот же вечер, когда мы сидели на веранде старшины Ван Мата, Тунку Юсуп передал ему приказание султана. Ван Мат склонил голову в знак покорности, но было замечено, что приказание отправиться на страшную Гору Духов не очень-то улыбалось ему. Я сообщил ему план, составленный мною для преодоления трудностей, встретившихся мне при моей предыдущей попытке, и заявил, что при помощи даяков, не боявшихся ни человека, ни зверя, ни привидений, мы неминуемо должны были довести дело до конца.

(Чарльз Майер «В малайских джунглях», «ВС» № 1, 1927 г.)

Вам всем уже известно из газет о той волне воодушевления среди трудящихся СССР, которую вызвала Неделя Обороны. Но создание мощной обороны страны не является делом одной недели,—она должна быть лишь толчок к планомерной и упорной работе по укреплению обороны нашего Союза.

Вот почему издательство «Земля и Фабрика» поставило себе целью собрать необходимые средства на постройку военно-спортивной авиэтки или разведочного аэроплана своего имени.

Редакция «Всемирного следопыта» считает долгом каждого внести свою лепту в общее дело. Поэтому личный состав редакции «Следопыта» отчисляет в фонд постройки аэроплана «Земля и Фабрика» («ЗИФ») свой однодневный заработок и привлекает к пожертвованиям всех своих авторов и художников.

Каждый гривенник и полтинник, присланный на это дело, ускоряет взлет самолета «ЗИФ» в общем строю «Нашего ответа Чемберлену».

(«ВС» № 8, 1927 г.)

Ворон, лежа, повернулся в их сторону и с поразительной быстротой выпустил пять патронов подряд. Еще три всадника грохнулись на песок, но Ворон этого не видел. В воздухе плавно развернулся аркан, и мягкая петля захлестнула тело командира.

— Ворон, Ворон,— кричали бойцы, обстреливая удалявшихся чабанов.

— Командир бросил свою жизнь на Весы Жажды, и наша Чаша опустилась вниз,— сказал Магома, но его никто не понял.

(А. Сютин «Весы Жажды», «ВС» № 11, 1927 г.)

Нью-Йоркская газета «Эхо дня» напечатала сенсационное сообщение о том, что ракета профессора Годдарда закончена и готова к полету на луну. Требуется одиннадцать человек, желающих полететь на луну. По сведениям газет, желающих быть «выстреленными» на луну нашлось пятьдесят два человека; из них будут выбраны наиболее выносливые. Оллет «должен состояться 10 августа».

Поскольку, однако, дальнейших сообщений в прессе не появляется, а 10 августа уже прошло, нужно считать эту «сенсацию» по меньшей мере преждевременной.

Тем не менее существование проекта Годдарда — вовсе не газетная утка: профессор серьезно работает над проблемой межпланетных сообщений, и научное обоснование идеи его ракеты является неоспоримым.

В № 2 «Всем следопыта» за 1925 год был помещен очерк «Осада неба», где уже давалось описание этой ракеты и разбирались ряд других проектов. (См. также заметку «Полетим ли мы все-таки на луну» в № 3 «Следопыта» за тек. год.)

(«ВС» № 9, 1926 г.)

— Итак, вы сегодня отлетаете на Марс?

— Да, я командирован Медицинским Обществом для изучения появившейся среди переселенцев на Марсе странной психической болезни, угрожающей распространиться и на Земле...

(И. Окстон «Межпланетные Колумбы», «ВС» № 9, 1926 г.)

Постоянным сотрудником «Всемирного следопыта» Н. К. Лебедевым 5-го марта с. г. было получено открытое письмо из Норвегии от знаменитого полярного путешественника Роальда Амундсена. Эта открытка переплыла весь Северный Ледовитый океан и чуть-чуть не побывала на полюсе. В путешествии она была с 13 сентября 1918 г. до августа 1925 года, что видно по имеющимся на ней почтовым штемпелям.

На той стороне открытки, где написан адрес, изображена фигура Амундсена в одежде полярного исследователя и находится надпись на четырех языках. Эта надпись гласит:

«Настоящая карточка, взятая на борт «Фрама» (Амундсен в 1914 г. хотел было отправиться на «Фраме» Нансена, но затем, ввиду того, что «Фраму» было более 20 лет, Амундсен построил новое судно такого же типа, назвав его «Мод»), переедет с ним Ледовитый океан и затем будет послана по почте адресату.»

Под этой надписью, имеется подпись самого Амундсена.

(«ВС» № 12, 1926 г.)

Редакция нашего журнала решила присоединить своего сотрудника-краеведа т. Смирнова к экспедиции помощи Кулику, снаряженной Академией наук.

Последняя телеграмма т. Смирнова, полученная редакцией 17 октября из Тайшета, гласит:

«Выяснились следующие подробности оставления Кулика в тайге. Сытин расстался с Куликом у фактории Вановар на расстоянии двухсот километров от метеорита. Отсюда Кулик должен был, наняв рабочих и купив продукты, вернуться к метеориту. Как Кулик дошел до метеорита — неизвестно; других данных нет.»

(«ВС» № 9, 1929 г.)

Новый ежемесячный иллюстрированный журнал занимательной истории, географии и краеведения «Уральский следопыт» ставит своей целью содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Башреспублики, их истории и освещению жизни народов, населяющих их.

В «Уральском следопыте» принимают участие следующие сотрудники журналов «Всемирный следопыт», «Вокруг света», издававшихся в Москве: Вл. А. Попов, А. Беляев (научная фантастика), В. Бианки (биоохотничьи рассказы), М. Зуев-Ордынец (историко-революционные повести и рассказы), а также московские и ленинградские писатели: А. Паустовский (краевые очерки), В. Тан-Богораз (краевые рассказы) и др.

(«УС» № 1, март, 1935 г.)

Мы идем по штреку гуськом: обочина для пешеходов тут очень узка. Рядом грохочет конвейер.

Поднимаю глаза и вижу:
навстречу идет собака.

Собака на полторы сотни метров под землей,— что за нелепости! Уж не кажется ли мне?

— Это что же такое?

— Это,— отвечает Виктор Степаныч,— это собака. А вы думали крыса? А если хотите, так даже не собака, а бригадир Джек — начальник над двумя бригадами. Идемте за ним.

— Здорово, здорово, товарищ командир! — весело здороваются с собакой молодые забойщики.— Так что все в порядке и прогульщиков нет!

Джек снисходительно помахивает хвостом. Он внимательно поглядывает на каждого из рабочих. Потом три раза оборачивается вокруг себя и ложится.

— Дьявол-собака,— смеется белозубый молодой забойщик.— Чуть штаны мне вчера не порвал. Я забыл, что он тут, схватился закурить. А он как зарычит, как прынет на меня. Я и сигарку выронил.

(В. Бианки «В подземном городе», «УС» № 2, 1935 г.)

В мае месяце с/года отправился в поездку по Южному Уралу и Предуралью тов. РЯВИНИН Б. С.— фото-очеркист «Уральского следопыта».

Наиболее интересные фотоочерки его поездки будут систематически помещаться на страницах нашего журнала.

(«УС» № 3, 1935 г.)

...В Новый порт самолет идет! — эта весть в несколько дней облетела весь Я-мал. Сера-Пива торопился в Новый порт. Два года назад, когда еще Сера-Пива не был колхозником, к нему в чум заехал русский из Салехарда. Он много рассказывал о железной дороге, фабриках, тракторах и самолетах. Тогда самолеты уже летали над Салехардом.

С тех пор мысль о самолете не выходит из головы Сера-Пива. Уж как только он ни приспособлял мысленно самолет для своих нужд: вот сядет и поедет в гости... Летом оленей донимают овода, и животные разбегаются по тундре. Собрать их на нарте тяжело — надо впрягать шестерку оленей. Сел бы на самолет и в миг догнал, окружил и собрал оленей. Самолет годится для охоты, езды на факторию. Да мало ли для чего Сера-Пива мог бы его приспособить!

Теперь в колхозе самолет стал для него особенно необходимым...

(И. Панов «Универсальный экипаж тундры», «УС» № 4, 1935 г.)

...Долго не могли выбрать маршрут.

Куда направить бег наших стальных коней? В Крым, на Кавказ, в красную Москву или в Среднюю Азию, к гробнице Тамерлана, в страну солнца и хлопка? А нас тянуло на наш родной уральский север. Но добровольные советчики с ужасом восклицали:

— Северный Урал? Вы с ума сошли? Да ведь это же terra incognita! Ни дорог, ни тропинок! Это равносильно путешествию в Центральную Африку во времена Ливингстона!..

Когда мы доложили о своей поездке И. Д. Кабакову, он сказал нам:

— Прежде всего надо исследовать Урал. Поезжайте на Уральский Север!..

Итак, маршрут выбран: Уралмаш — Ивдель — Уралмаш.

(«Уральские велосипедисты», «УС» № 8, 1935 г.)

Зовет, зовет заря в поход,
Весь мир тебе открыт,
Шагай настойчиво вперед,
Уральский следопыт!

Лев Сорокин.
(«УС» № 1, апрель, 1958 год)

ИТОЖА ТРИДЦАТИ- ЛЕТНЕ

В апреле 1958 года вышел первый номер возрожденного журнала «Уральский следопыт». Перемены за тридцать лет значительные. Начать с того, что в первые годы редколлегия была крайне озабочена тем, что журнал выпускается в количестве всего 50 тысяч экземпляров и, что еще огорчительнее, 3/4 тиража оседало в пределах Свердловской области. Короче говоря, «Уральский следопыт» был даже не региональным, а областным изданием. Не одно поколение журналистов потрудились над тем, чтобы вывести «Следопыт» на более высокую орбиту. К рубежу тридцатилетия журнал подошел, имея в своем активе 475 тысяч подписчиков. Урал как регион по-прежнему остается надежной базой, и число читателей с уральской пропиской выросло вдвое, но к общему тиражу это составляет уже только треть. Журнал успешно оправдывает звание российского и даже претендует на более высокий статус: в последние годы активно растет отряд подписчиков в других союзных республиках, особенно в Казахстане и на Украине.

Растет тираж — растет рентабельность. Об этом как-то не принято говорить вслух, но нынче есть особый повод отбросить стеснительность. По итогам 1988 года «Уральский следопыт» станет журналом-миллионером: чистая прибыль от издания составит порядка миллиона рублей. Чтобы исключить могущие быть недоразумения, поясним предельно четко — деньги идут не в копилку журнала, а в государственную казну. Так что наше с вами, читатель, общее удовлетворение от миллиона — чистое альтруистическое чувство.

С высот тридцатилетия можно с известным основанием сделать заглядя и в ближайшее будущее. За годы своего существования «Уральский следопыт» сложился как литературно-художественный ежечасник с сильными направлениями фантастики и краеведения. Именно это, думается нам, и выделяет его в журнальном мире страны, и нет надобности, по-видимому, резюмировать мудрую пословицу «От добра добра не ищут», тем более что об этом нам постоянно и настойчиво напоминает редакционная почта. Традиционные направления таким образом сохраняются, но они приобретут новое звучание — об этом мы уже не раз писали, и о начавшихся переменах каждый может составить свое мнение по номерам, вышедшим в этом году. Если говорить коротко — идет омолаживание, активизация старых рубрик.

А вот освоение новых территорий дается редакции, надо честно признать, нелегко. Скажем, годами журнал, издающийся для юношества, не касался музыки. Мы, конечно, знали, какое большое место она занимает в жизни подростка, но словно закрывали на это глаза. В прошлом году, наконец, рискнули и выдали на-гора целых три «рок-блока». Получили более тысячи писем.

Разных. Но реакция во многом негативная, начиная от недоуменной: «Зачем это нужно «Следопыту»?» — и кончая гневной: «Не умеете писать о роке — так лучше не беритесь». В ближайших номерах намерены вынести эти письма на суд читателей. Тех, кто не успел откликнуться, убедительнейше просим об одном. Редакция, поверьте на слово, отчетливо видит сама плюсы и минусы этих публикаций. Но нам сейчас, как никогда раньше, нужен прежде всего товарищеский конструктивный подсказ.

Именно в опоре на читательское мнение мы видим перспективы развития журнала. Редакция убедилась в этом на собственном опыте. Преимущественно на письмах основаны и здравствуют по сию пору ряд рубрик, посвященных фантастике, и «О братьях меньших». И, напротив, отсутствие диалога «редакция — читатель» суживает горизонты и действительность многих выступлений на публицистические и научно-популярные темы. Вывод из этого ясен...

Среди многих направлений есть у журнала и такое — массово-организационная работа. Редакция не почтовый ящик и не почтовая контора, механически сортирующая поступающую к ней корреспонденцию. В числе ее функций одна из важнейших — организаторская. Итожа тридцатилетия, творческий коллектив может кое-что поставить себе в актив: всеуральские слеты юных следопытов, «Операция Чусовая», агитперелет по уральским промышленным центрам, восхождение на безымянную гору, после чего на карте Советского Союза появился пик «Уральский следопыт», премия-приз «Аэлита». Но шкатулка медленно наполнится, особенно за последние годы. Даже по тем немногим публикациям «Всемирного следопыта», которые приводятся в этом номере, легко убедиться: наши предшественники были смелее на подобном рода акции.

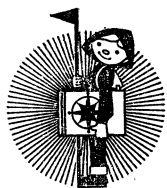
Острое недовольство редакции вызывает концовка номера. Ряд читателей справедливо требует восстановления «Мира на ладони» в прежнем виде — этот некогда популярный раздел постепенно скатился к простой перепечатке сообщений из иностранной и отечественной периодики. Активизацией старой рубрики и введением новой «Кто во что горазд» редакция ставит своей целью помочь читателю в решении проблемы свободного времени.

Мы словно постоянно озабочены тем, как бы поинтенсивнее «озадачить» читателя. Между тем личность человека, ее душевное здоровье и богатство, во многом определяется тем, как она использует свое свободное время. Чтение, живопись, театр, кино, самодеятельность, удивительно разнообразный мир увлечений, коллекционерская страсть — все это и многое другое редакция если и затрагивает, то вскользь, мимоходом. Не о всеядности речь — всеядность губит самобытность издания! — а о том, чтобы смелее использовать эти тематические пласты применительно к духу и направленности «Следопыта». И здесь мы опять-таки рассчитываем на заинтересованную помощь читателя.

Как видно, в день тридцатилетия редакция отнюдь не чувствует себя стоящей на Олимпе, у подножия которого толпятся тысячи восторженных почитателей. Ей по душе другой символ — следопыт, карабкающийся в гору. Восхождение трудное, но его осилит идущий.

Станислав МЕШАВКИН,
главный редактор журнала

ИЗ ПЛЕМЕНИ СЛЕДОПЫТОВ

30
лет

Юрий КУРОЧКИН

Автор с Твербуля

Николай Алексеевич Ловцов стал одним из первых друзей «Уральского следопыта», кажется, еще до выхода в свет его первого номера. Узнал о новом издании из газетной информации. Да и как было ему не стать другом журнала, принявшего такое дорогое для него имя, ему — истинному следопыту, искателю и романтику, бывалому человеку, увлеченному природолюбю, многолетнему автору популярнейшего некогда «Всемирного следопыта», другу его основателя и бессменного редактора В. А. Попова, ставшего потом основателем «Уральского следопыта» 1935 года, к сожалению, недолговечного.

Осенью 1958 года, когда уже вышли несколько первых номеров журнала, редакция направила меня в Москву — познакомиться с авторами писем, заявившими о своем желании сотрудничать с нами.

Тверской бульвар, 25 — адрес очень литературный. Здесь за решеткой старинной ограды стоит «дом Герцена», где родился этот выдающийся русский человек — революционер, философ, писатель. Вскоре после Октября дом стал резиденцией многих организаций, одна из них — Литературный институт имени Горького — и поныне базируется там. А в приусадебных флигелях, где когда-то размещалась многочисленная барская дворня, с начала 20-х годов квартировали писатели, многие из которых вошли в историю советской литературы. Так, в квартире, куда я шел, когда жил Виктор Кин, автор известного романа «По ту сторону», знакомый уральцам как Виктор Суровкин, редактор молодежной газеты «На смену!». А рядом квартировал Алексей Иванович Свирицкий, автор очень популярного еще с дореволюционных времен «Рыжика».

За дверью квартиры № 3 меня встретил чуть полноватый, добродушный и доброжелательный человек с живым, заинтересованным взглядом, как-то не вязавшимся с несколько флегматичным внешним обликом «человека на покое».

Пятнадцатилетним гимназистом Николай Ловцов удрал на фронт

первой мировой войны. За что воевать — толком еще не понимал. Несколько ранений, контузия, солдатские разговоры в окопах и в госпиталях заставили задуматься и кое-что понять. И когда пришла революция, солдаты избрали его командиром дивизиона. В той же должности вступил в гражданскую войну на Восточном фронте. Но в драматический ее момент — в разгар «пермской катастрофы» — его часть была разбита, и он оказался в плену. Затем — тяжелый двухмесячный путь в «эшелоне смерти» до Иркутска, где восстание рабочих и крах Колчака открыли двери вагона — тюрьмы на колесах.

И, хоть еще плохо держали ноги от слабости, — снова в бой: легендарный переход через Яблонувый хребет к партизанам Забайкалья. Среди сибирских таежников с дрововиками он выглядел опытным воякой, почти «военспецом», и его назначили начальником штаба партизанской бригады. Сражался с остатками колчаковщины, с каплепльцами, интервентами, прошел «штурмовые ночи Спасска», боролся по заданию Блюхера с чумой на китайской границе. А в передышках между боями... охота и рыбалка. Увлечение природой, зародившееся еще в детстве, как бы омывало душу после кровавых буден войны.

Лишь в 1924 году приехал в Москву. И хоть не стар был, едва исполнилось 26, груз впечатлений от прожитого ощутило давил, требовал выхода. Решил «выпустить пар» — стал писать, помня, что его гимназический учитель Василий Григорьевич Янчевецкий, известный впоследствии автор популярных исторических романов В. Ян, всегда одобрял его классные сочинения. Мастерству литературному, как и военному делу в свое время, учился на ходу, методом проб и ошибок.

Его пробы — романтические остросюжетные рассказы и повести о гражданской войне на Дальнем Востоке, о природе этого удивительного, но малоизвестного края — охотно печатали популярные тогда журналы «Вокруг света», «Всемирный следопыт», «На суше и на море», «Мир приключений». Стали выходить книги, хорошо встреченные читателем, особенно юным.

В конце 20-х годов поехал на Урал, с которым было связано детство в доме у деда, мотовилихинского рабочего. Приехал «поглядеть», да и увлекся краем, где тогда начала разворачиваться небывалая стройка. Как представитель Центрального совета Общества пролетарского туризма и экскурсий организовал конвейер рабочих экскурсий и самостоятельных туристских походов для знакомства с горнозаводским Уралом. Писал путеводители, сделал фильм о реке Чусовой — «Хозяева извилистой реки». И, конечно, много поездил в походил сам, собирая материал для романа о строителях.

Роман, правда, не удался, но он успел полюбить атмосферу стройки и саму профессию. И... решил пойти в строители. Строил мосты и железные дороги на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

В начале 30-х годов он поехал на БАМ, который тогда только-только начинался. Приехал (кстати, в места, знакомые ему еще по гражданской войне) не просто наблюдателем, стал заместителем начальника участка. Не забывал и охоту в свободные часы: организовал бригаду охотников, чтобы снабжать строителей мясом и рыбой.

За те годы, что пробыл там, обратилась в настоящего таежника: с Геонкой Сунцаем (проводником В. К. Арсеньева) искал, и безуспешно, жень-шень, а с братьями Козинными, знаменитыми охотниками на тигров, ловил для зоопарков «хозяина тайги».

Конечно, пера не бросал, продолжал писать. Но теперь уже больше о природе. Это сблизило его с Пришвиным, Арамулевым, Пермитиным и другими писателями-природолюбями, с которыми дежурил на зорьке в охотничьих шалашах и просиживал часы клева на Пахре, Клязьме и других подмосковных речках.

В 1934 году был участником Первого съезда писателей, стал членом Союза, получил билет, подписанный самим М. Горьким.

Обо всем этом я услышал от Николая Алексеевича во время наших встреч в Москве. То сидя на диване в его кабинете, то прохаживаясь перед сном по Твербулю,

как московские литераторы называли Тверской бульвар.

Но только я, все наши редакционные следопыты побывали в гостеприимной квартире Ловцовых, отдавали вкусных пирогов, испеченных хозяйкой Ольгой Адагальевной. И вообще дом этот стал чем-то вроде московского представительства журнала. Николай Алексеевич разыскивал старых литераторов, близких по духу «Следопыту», обращал в следопытскую веру подающих надежды студентов Литинститута. Частенько печатался и сам.

А в апреле 1959 года, в первую годовщину журнала, он привез в Свердловск группу старых авторов «Всемирного следопыта», чтобы вместе с ними порадоваться возрождению близкого им журнала.

Дружба наша оборвалась неожиданно, до обидного рано — осенью 1962 года Ловцов скоропостижно скончался.

У меня на полках остались подаренные им книги. В том числе и редкие наши издания об Ураде начала 1930-х годов: «Путеводитель по горнозаводскому Уралу», «В горах Северного Урала» и «К большому Уралу», изданные «Библиотечкой пролетарского туриста».

Последний из могикиан

Редкий из юных (да и не только юных) книжечек конца двадцатых-начала тридцатых годов не знал писателя с неординарной, несколько экзотичной фамилией Зуев-Ордынец. Его приключенческие романы, повести и рассказы, печатавшиеся в «Вокруг света», «Всемирном следопыте» и других многочисленных в те годы подобных журналах и сборниках, были любимым чтением читателей такой литературы.

Писатель много поездил по стране, многое повидал. Как он позднее писал в автобиографии, «шагал тропой приключений. Шел сибирской тайгой, каракумскими песнями, белорусскими болотами, казахскими степями и ямальской тундрой. Каравкался по горным тропам Урала, Кавказа и Ала-Тау. Избродил четыре моря, плавал по Иртышу, Чусовой, Волге и Аму-Дарье, Шед пешком, ехал на лошади, на верблюде, мчался на оленях и на собаках. Летал на самолете, плавал на пароходу, на каспийском туристическом паруснике, на сибирском батике и на амударьинском каюке... Жадно смотрел, слушал и здесь находил сюжеты для своих произведений». Добавлю, что на Урале он побывал дважды. И не бесцельно — на уральском материале построены многие

(и, пожалуй, лучшие) его произведения.

В середине 30-х годов имя Зуева-Ордынца неожиданно и как-то сразу исчезло со страниц журналов, не появлялось больше и новых книг. Да и старых не стало в библиотеках. Пришли новые приключенцы, уже иного склада, и имя его позабылось.

Но он не сгинул. «Жив курилка!», писал он, откликаясь на известие о выходе «Уральского следопыта». Отлученный от литературы, безвинно проскитавшийся по лагерям около двух десятков лет и наживший там злую чухотку, он остался верен своему призванию и, как только стало возможно, в середине 50-х годов поехал на целину, мерз в палатках, мок под дождями, месил сапогами целинную грязь и написал книгу о первоотходцах забытых земель. И не какую-нибудь конъюнктурную поделку, а честную, искреннюю книгу о романтике целины.

Конечно, он стал нашим автором. За восемь лет своего сотрудничества (до самой смерти) напечатал в «Следопыте» помимо новых рассказов еще и новые редакции своих давних романов и повестей, сделанные по «заказам» читателей, слышавших о популярности этих вещей еще в далекие 30-е годы. Так появились в журнале роман «Сказание о граде Ново-Китеже», повесть «Хлопушин поиск», рассказ «Колокольный омут» и другие — все на уральском материале. Письма читателей, старых и молодых, свидетельствовали, что Зуев-Ордынец снова стал одним из любимых авторов приключенческого жанра.

Летом 1965 года Михаил Ефимович пригласил сотрудников журнала на свой юбилей «ровесника века» (он родился в 1900 году) в Караганду, где тогда жил. Поехали два члена редколлегии — Захаров и я. Встретаться нам до этого не приходилось. Хотя могли. Весной 1935 года редактор тогдашнего «Уральского следопыта» В. А. Попов пригласил меня рецензировать журнал «Техника — смене», где я тогда работал, в редакцию его журнала. Зная, что летом предыдущего года я руководил походом ребят по самоцветным местам Среднего Урала, Владимир Алексеевич рассчитывал, что я помогу ему в организации похода по Чусовой, к участию в котором он пригласил Зуева-Ордынца. Предложение было заманчивым, но я не решился изменить своему журналу, в котором начал работать еще юнком.

Несмотря на то, что мы не встречались ранее, встретились так, будто были если не всегда, то давно-давно знакомы. И узнал я его среди многочисленных гостей сразу, хотя... мое представление о нем ни-

как не вязалось с настоящим: он должен был выглядеть этаким бывалым «морским волком» с внушительной фигурой и непременной бордой, а оказался невысоким худощавым человеком с профилем иудейского вождя из майнридовских романов. Воспоминания об общих знакомых, о событиях, свидетелями которых довелось быть обоим, довершили сближение. В частности, история с одной из его книг.

В 1927 году по командировке ленинградского (был еще и московский) журнала «Вокруг света» Михаил Ефимович прошел и проехал по Уралу с юга на север по маршруту Уфа — Златоуст — Челябинск — Свердловск. И уже в середине следующего года «Вокруг света» издал книгу его путевых очерков «Каменистый Пояс». Книга, не такая уж маленькая (148 страниц), была написана в зувеском ключе: живо, увлекательно, давала множество интереснейших сведений о крае, о котором со времен Мамина-Сибиряка многие просто и не знали.

Местные рецензенты, обычно в те годы ревниво относившиеся к каждой книге об Урале, вышедшей где-то (доставалось и В. Катаеву, и Е. Полонской, и И. Эренбургу), и на этот раз не удержались от критики. Но, перечитывая очерки сегодня, видишь, что ругали в общем-то зря: серьезные обвинения явно несправедливы, а мелочные придирки несущественны. Главная претензия сводилась, пожалуй, к досаде на... живость и легкость изложения, на увлечение «экзотикой», что критикам казалось свидетельством легковесности. Конечно, литератор-романтик воспользовался случаем, чтобы сообщить читателю побольше занимательных сведений из истории и географии Урала, почерпнутых из легенд и преданий, из сочинений старых писателей и из рассказов старожилов края, по, думается, сделал это в меру. Книжка и сейчас хорошо читается.

Несмотря ни на что, она у меня сохранилась, и я прихватил ее с собой в Караганду. Помню, Михаил Ефимович бережно взял книжицу в руки, как-то нежно погладил ее потрепанную уже обложку и задумался с грустинкой в глазах. Кивнул головой на лежащий на столе номер старого «Вокруг света» со списком авторов на титуле и тихо обронил: «Последний». И в самом деле, в этом списке он был «последним из могикиан».

Потом он решительным жестом взял ручку и нарисовал своим четким и красивым почерком: «Дорогому Юрию Михайловичу Курочкину — грехи молодости... Не судите, да... Мих. Зуев-Ордынец. Караганда. 4 июля 1965 г.».

Какой уж тут суд — время расцудило!

НАШ АВТОР — МАРШАЛ ГОЛИКОВ

Стефан ЗАХАРОВ

В мае 1961 года меня делегировали в Москву на совещание по научной фантастике. Товарищи из «Уральского следопыта» дали и еще одно задание: встретиться с Маршалом Советского Союза, нашим земляком Филиппом Ивановичем Голиковым — в то время начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и попросить его написать в номер, посвященный XXII съезду партии.

Легко сказать: встретиться с маршалом. А как это сделать? И тут кто-то посоветовал обратиться к Михаилу Васильевичу Водопьянову.

Известный полярный летчик, один из первых Героев Советского Союза, получивший это высокое звание за спасение команды парохода «Челюскин», М. В. Водопьянов приехал в Свердловск и передал редакции «Следопыта» рукопись своей повести. Просил обращаться к нему без стеснения, если возникнет надобность. Вот мы и решили воспользоваться.

В Москве я позвонил Михаилу Васильевичу по телефону. Он долго расспрашивать не стал, произнес:

— Жду немедленно!

Жил Водопьянов по улице Серафимовича, 2. Выслушав просьбу, запросто сказал:

— Хорошо! Сейчас отправимся в управление Главсевморпути и оттуда по «вертушке» (то есть по прямому проводу) объяснимся с Голиковым.

В кабинете начальника Главсевморпути Марка Ивановича Шевелева, который в 1937 году вместе с Водопьяновым летал на Северный полюс, мы получили разрешение поговорить с маршалом. Я, признаться, оробел, когда Михаил Васильевич, соединившись с Голиковым, сказал ему пару слов и передал трубку мне. Но много говорить не пришлось. На просьбу о встрече он ответил:

— Завтра в двенадцать ноль-ноль вас устроит? Пропуск будет в особом окошечке, приглашайте и Водопьянова...

На другой день мы явились в Главное политическое управление. «Особое окошечко» в бюро пропусков было

предназначено для генералов и адмиралов. Водопьянов генеральское звание имел, а я... Но пропуск вручили и мне.

Филипп Иванович встретил нас приветливо. Написать для «Следопыта» согласился, подробно расспрашивал о наших редакционных делах.

Статью мы получили вовремя. Называлась она «Видеть героическое, великое в простом, будничном». Поместили в сентябрьском номере 1961 года. Были там такие строки: «...Помню, как при выполнении одной из боевых задач между Режевским заводом и станцией Егоршино, мы, бойцы 1-го Крестьянского Коммунистического полка, оказались в тяжелом положении. Перед нами были белогвардейцы, озлобленные, сытые, хорошо вооруженные Антантой. По численности они превосходили нас в десять раз. Что же помогло нам выстоять? Сознание революционного долга, вера в правоту ленинского дела. Тогда мы своеобразно выразили волновавшие нас чувства. Осколком щебня написали на внутренней бетонной стенке большой водосточной трубы, проложенной под полотном железной дороги, такие слова:

«Сегодня здесь был бой с белыми.

Мы победили.

11 сентября 1918 г.»

Память о боевой молодости, о гражданской войне на Урале Филипп Иванович Голиков пронес через всю свою жизнь. Когда в Свердловске переиздавали книгу П. П. Бажова «Бойцы первого призыва», рассказывающую о формировании полка «Красные орлы» и Камышловского полка, он написал к ней предисловие.

В мае 1962 года по состоянию здоровья Голиков был переведен на другую ответственную работу в Министерстве обороны СССР. А осенью 1964 года он приехал в командировку в Свердловск. И, конечно, не забыл редакцию «Уральского следопыта».

Тогда и была сделана на память эта фотография.

ЛЕНИНИАДА

В. П. Бирюкова

Александр Шмаков,
писатель-краевед

С первых дней Великого Октября и первых декретов Советской власти о земле и мире запал в душу краеведа В. П. Бирюкова образ Владимира Ильича. Но только с 1921 года он начал собирать все, что связано с именем Ленина.

Его Лениниана включала прижизненные книги вождя, изданные в центре и на местах, связанные с Лениным документы и свидетельства, письма Владимиру Ильичу, воспоминания людей о встречах с Лениным и многое другое.

Собирательская многогранность была в характере ураловеда. Ее масштаба хватило бы целому коллективу собирателей, а Владимир Павлович справлялся один. Помогали, правда, участники студенческих экспедиций в Челябинске, Свердловске и Шадринске.

Собранное Владимир Павлович тщательно изучает, публикует в периодике. В сборнике «Урал советский» — статьи о Ленине и его соратниках в устном народном творчестве, в другом сборнике — воспоминания уральцев, встречавшихся с Лениным, в частности Уфимцева — «С Ильичем в одном вагоне» и Пянькова — «С фронта в Смольный» и другие. В книге «Записки уральского краеведа» — статья-поиск «За автографом Ленина». Прежде чем появиться в печати, рассказы и были Бирюкова — «Ильич в ссылке», «Сказ о Ленине», «Карамель», «Как пересылали «Искру» — звучали по радио.

Известно, что более 200 тысяч книг, журналов, подшивок газет, собранных Бирюковым, хранятся ныне в научной краеведческой библиотеке Свердловского объединенного историко-революционного музея. Среди них прижизненные издания В. И. Ленина, в том числе изданные «Уралкнигой».

Скажу подробнее об одной ленинской брошюре. Она называется «Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству». Это доклад В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б), прочитанный 23 марта 1919 года, со вступительной статьей В. Карпинского и приложенными к ним решениями съезда. Брошюра издана в Шадринске в 1919 году — сразу же после освобождения города от белогвардейщины.

Эта ленинская брошюра — редчайшее издание. Чтобы убедиться в этом, пришлось тщательно изучить «Книжную летопись» тех лет. Доклад В. И. Ленина издавался в ряде городов и губернских центров России: Москве, Воронеже, Томске, Туле, Самаре, Тамбове. Сохраненное Бирюковым издание в их числе не упоминается. Не вошло оно в библиографические указатели ленинских произведений. Шадринская брошюра, таким образом, дополняет список прижизненных изданий В. И. Ленина.

Пока не удалось установить причастность к изданию ее самого В. П. Бирюкова, хотя в это время с его участием вышло в свет несколько работ Шадринского научного хранилища, которое он возглавлял.

Ленинская брошюра несомненно имела большой резонанс среди крестьянства Шадринского уезда. Не случайно здесь в 1919 году зародилась одна из первых сельскохозяйственных коммун, названная «Сквемар» (по первым буквам фамилий ее организаторов). О коммуне увлекательно рассказывал В. Карпинский в очерке «Письмо Ленина», опубликованном в «Правде» в январе 1965 года. Речь шла о письме, присланном Лениным коммунарам в 1920 году.

Многое из собранного Бирюковым осталось в рукописях. Например, записи устных рассказов уральцев о Ленине и его сподвижниках, собранные в папке «Вожди Октября»: свидетельства и воспоминания очевидцев: «Имя Ленина мне известно», «Как Ильича хоронили», чувашская сказка «Дорога к счастью», рассказы о М. Калинин, С. Кирове, С. Орджоникидзе, Я. Свердлове, И. Сталине, А. Жданове и других, хронологически охватывающие работу краеведа почти за три десятилетия.

Собраны у Бирюкова материалы о советском фотолетописце А. Оцуце, оставившем нам несколько ленинских документов-фотографий. В годы Великой Отечественной войны Оцуп был на Урале, организовал четыре фотовыставки.

Огромные фонды В. П. Бирюкова безвозмездно переданы им в 1965 году Свердловскому госархиву и составляют свыше 3200 дел. Сам Владимир Павлович до последнего дня жизни был общественным куратором этого архива и продолжал его пополнять.

Свердловская коллекция краеведа — это его второй дар государству. Первый он сделал еще в 1935 году, передав Челябинской областной библиотеке 80 тысяч книг, брошюр и годовых комплектов различных газет, которые собирал на протяжении 32 лет.

Расскажет бирюковская коллек-

ция и о монументальной пропаганде, связанной с образом вождя. Краевед брал на учет памятники, записывал историю их создания. В его книге «Уральская копилка» рассказана предыстория памятника В. И. Ленину, созданного известным советским скульптором И. Д. Шадром. Сохранилась переписка Бирюкова с И. Шадром, раскрывающая их большую дружбу, начавшуюся в Шадринске еще в 1918 году.

От Владимира Павловича я впервые услышал историю создания памятника Ильичу на Алом поле в Челябинске, а также яшмового знамени, изготовленного камнерезами екатеринбургской мастерской по постановлению первого областного съезда горнорабочих Урала в начале 1924 года. Это самобытное произведение камнерезного искусства было высечено из шестипудового монолита редкой южно-уральской сургучной яшмы. Доставленное в Москву делегацией рабочих, яшмовое знамя было установлено первоначально в Мавзолее, а теперь хранится в Центральном музее В. И. Ленина.

В дневнике Владимира Павловича есть запись, сделанная 3 февраля 1924 года: «Утром у меня окончательно сформировалась давняя мысль. Она заключалась в том, что я... предлагаю создать в Шадринске Дворец науки имени Ленина, чтобы этот Дворец был бы уже готов к 21 января 1934 года, т. е. к десятилетию. В этот Дворец должно потом перейти научное хранилище».

Владимир Павлович брал обязательство отчислять в фонд строительства пять процентов от своего заработка и десять — от всяких случайных доходов, а также целиком жертвовать весь журналистский гонорар в течение десяти лет. Заявление было передано в окрисполком, одобрительно встречено, но Дворец науки так и не был построен.

В этот же период Владимир Павлович начинает активно собирать иконографический материал о Ленине. Это подтверждает дневниковая запись от 27 февраля: «Г. А. Куренков принес в дар научному хранилищу фотографическую карточку с В. И. Ленина-гимназиста (1887 г.). Карточка переломлена пополам, т. к. носилась зашитой в пиджак при белых».

Была у Бирюкова мечта издать библиографический указатель «Ленин и Урал». В 1972 году усилиями Челябинской областной публичной библиотеки и Института культуры она осуществилась. В «Указатель», охватывающий всю литературу, касающуюся В. И. Ленина, вышедшую с 1917 по 1969 год, естественно вошли и публикации Бирюкова.

г. Челябинск.

ТЮМЕНСКИЙ МАВЗОЛЕЙ ИЛЬИЧА

Сергей ГАРЯЕВ,
краевед

В 1924 году по всенародному желанию был построен Мавзолей Ленина и проведено бальзамирование его тела. Оно обеспечило сохранность тела и внешнего облика Владимира Ильича на долгие десятилетия, возможно — на века.

Бальзамирование тела В. И. Ленина ученые всего мира оценили как научный подвиг, не имевший прецедентов в истории. «Это первый и единственный в мире случай, когда тело сохраняется после смерти в прижизненном виде, на воздухе,— писал академик А. И. Абрикосов.— Приятно сознавать, что это огромное научное достижение связано с именем величайшего человека в мировой истории, с именем Ленина» (Известия, 1940, 21 января).

Сооруженный в январе 1924 года временный Мавзолей Ленина в мае того же года перестроили, а в октябре 1930-го был воздвигнут гранитный Мавзолей, который стал одновременно и гробницей-усыпальницей, и памятником-трибуной.

В начале Великой Отечественной войны в связи с угрозой воздушного нападения Мавзолеев Ленинна решено было эвакуировать из Москвы. Работа предстояла непростая. Ведь в стационарном Мавзолее действовали специальные термальные установки. Предстояло найти тихий тыловой город, однако же надежно связанный с Москвой, выбрать помещение, установить оборудование.

Таким местом стал первый русский город за Уралом — Тюмень. Областные и городские организации выбрали для тюменского Мавзолеев здание дореволюционной постройки, бывшее реальное училище. Сотрудники лаборатории Мавзолеев, которую возглавлял профессор Б. И. Збарский, одобрили выбор.

Стоял знойный июль 1941 года. Вагон оборудован был особыми аппаратами, а внутри — установками, создающими оптимальный микроклимат.

Вместе с телом В. И. Ленина в путь за Урал отправился и «Государственный пост № 1» — почетный караул, что стал неотъемлемой частью Красной площади.

Произошло своеобразное обособление функций: Мавзолей как па-

мятник-трибуна остался в Москве, а Мавзолеев как гробница-усыпальница переехал в Тюмень и пребывал там почти весь период войны.

Коллектив Мавзолеев в эвакуации продолжил подвиг, начатый в 1924 году. В Тюмени, как и в Москве, отмечал нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев, контроль за состоянием тела Владимира Ильича осуществляли ежедневно, ежедневно. Научный метод, примененный при бальзамировании тела вождя, предполагает не обычное его хранение (как хранятся, например, в музеях мумии египетских фараонов), а именно сохранение, то есть систематическое проведение необходимых биохимических процедур.

Зимой 1944 года создается правительственная комиссия во главе с наркомом здравоохранения СССР Г. А. Митеревым. Она сделала авторитетное заключение о состоянии тела Владимира Ильича и возможности дальнейшего его сохранения. В документах комиссии сказано, что научным коллективом Мавзолеев в эвакуации «задание партии и народа — сохранить тело Владимира Ильича Ленина на длительное время с сохранением сходства и в доступном для обозрения виде — полностью выполнено... При обозрении в саркофаге создается впечатление как бы сияющего Владимира Ильича» (Правда, 1944, 22 января).

Вместе с тем в докладе Б. И. Збарского комиссии говорилось о желательности вернуть тело В. И. Ленина в Москву. К тому времени была разработана более удобная конструкция саркофага и новая осветительная аппаратура. Внедрить новшества в условиях эвакуации было трудно. В апреле 1945 года, когда Советская Армия вела победоносные бои на Одере и Эльбе, тело В. И. Ленина было возвращено в столицу.

По итогам исследований в экспериментов, проведенных в годы войны, Б. И. Збарский опубликовал в 1944—1946 годах ряд научных статей. Три издания выдержала написанная им в эвакуации брошюра «Мавзолей Ленина», явившаяся вкладом в научную Лениниану.

В январе 1944 года четверо сотрудников лаборатории Мавзолеев, в том числе и Б. И. Збарский, были награждены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. За успехи в разработке и совершенствовании методов бальзамирования Б. И. Збарскому в 1945 году присвоено звание Героя Социалистического Труда.

«Тюмени,— писал Г. А. Митерев,— выпала честь стать на годы войны местом хранения самой драгоценной реликвии советских людей и всего трудового человечества. Ведь тело Ленина принадлежит и грядущим поколениям».

г. Тюмень.

КАК НАШЛИ РЕЛИКВИЮ

Альфред АРТАМОНОВ,
главный редактор
Удмуртского телевидения

У народного художника РСФСР Алексея Павловича Холмогорова есть большое полотно.

На нем — три женщины, сидящие на летней веранде: Мария Александровна Ульянова — мать Ленина, Анна Ильинична — его сестра и Мария Андреевна Грачевская — племянница Марии Александровны, принимавшая в 1912 году своих родных в Ижевске.

Магь и сестра Ильича пробыли в Удмуртии девять дней. Приезжали они сюда «отдохнуть после недавних волнений с обыском и арестами».

Долго шел художник к этой теме. Чуть ли не впервые ему предстояло воссоздать образы людей, которых никогда не видел сам. И каких людей!

Алексей Павлович просмотрел несколько документальных фильмов, изучил литературу об Ульяновых, иллюстрированную фотографиями. Побывал в Центральном музее Ленина, в квартире Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой на Манежной улице в Москве. Изучал детали быта. А когда решил «посадить» героинь на веранде и начал писать пруд и заводскую башню, видную из дома Грачевских, — возникла потребность воссоздать столик, за которым должны сидеть женщины. Он, казалось художнику, должен быть круглый, с резными ножками, плавными изгибами — украшение интерьера.

Как-то в мастерскую зашел научный сотрудник музея изобразительных искусств Александр Васильевич Золотухин. Смотрел на картину и вдруг спросил:

— Где вы такой столик видели?

— А что?

— Да у нас в доме точно такой же. Похоже, что из дома Грачевских. Бабка бережет.

Обомлел художник. Не может быть!

До сих пор о Грачевских он знал только по моей книжечке «Поиск не кончается», выпущенной местным издательством. Знал, что уже четверть века в Удмуртии ведется сбор материала об этой семье и о пребывании здесь родных Ильича.

Недолго думая Алексей Павлович позвонил мне:

— Не теряй времени. Бабушке 99-й год. Вероятно, она знала и о

приезде Марии Александровны с Анной Ильиничной. Поговори...

В один из воскресных дней я и поехал на улицу Молодежную, к бабушке Анастасии Петровне Соловьевой.

На всякий случай взял с собой несколько фотографий Грачевских, их дома и улицы.

Анастасия Петровна встретила меня настороженно. Но, увидев на фотографии дом Грачевских, даже прослезилась:

— Это он! А вот и липа с нашего двора...

— Так вы были соседи? — спрашиваю.

— Конечно! С Грачевскими рядом и жили. В доме № 207 по улице Карла Маркса.

Память у Александры Петровны еще хорошая. Да так, видимо, устроен человек: молодость всегда вспоминается подробно, без особых усилий.

Ее муж, Николай Максимович Соловьев, был оружейным техником. А в 30—40-е годы — руководителем группы цен и начальником сектора госплана Удмуртии.

Анастасия Петровна приехала в Ижевск из Самары. Работала машинисткой в замочной мастерской. После революции — в «Ижевской правде».

Помнила, что муж дружил с руководителем ижевских большевиков Иваном Дмитриевичем Бастуховым. До сих пор в семье хранится большая фотография 1907 года, на которой нетрудно узнать будущего первого председателя горсовета.

С Грачевскими жили как добрые соседи. Свекровь Анастасия Петровна, Агриппина Тихоновна, часто бывала у Марии Андреевны.

— И она к нам приходила, — вспоминает Соловьева. — Мы держали корову. Молоком делились и с соседями. Тем более что Грачевская воспитывала не только своих детей, но и приемных дочерей...

— А нет ли у вас каких-то вещей, связанных с Грачевскими? — осторожно спрашиваю я.

— Есть. Как же... — взволнованно отвечает Анастасия Петровна. — Столик, за которым вы сидите...

— А как он у вас оказался?

— В восемнадцатом году, когда Ижевск переходил то к красным, то к белым... Вспоминать и то страшно... Что творилось здесь! Геннадия Ивановича Грачевского несколько раз хотели лишить жизни. Перевертывали весь дом. Из окон книги летели, мебель всякая. Выкинули и столик. Я подобрала его и унесла к себе.

В 1959 году снесли наши дома. Из Грачевских никого уже не осталось. Мария Андреевна умерла от тифа в гражданскую. Чуть позднее скончался Геннадий Иванович.

Построили на месте наших до-

мов большой каменный корпус. А потом обнаружилось, что Мария Андреевна принимала у себя мать и сестру Ленина. Вот такая история!

Взволнованы мы были в этот вечер. Стол, сохранившийся Анастасией Петровной, оказался тем самым, за которым сидели родные Ильича. И предстоит ему со временем занять свое место там, где тысячи людей знакомятся с историей своего края.

г. Ижевск.

ПАМЯТНИК ВОЖДЮ

Вахтанг МАРГВЕЛАШВИЛИ,
краевед

2 марта 1924 года в селе Юрьево Сухиничского уезда Калужской губернии был установлен крестьянами памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Решили сделать памятник из традиционного материала — дерева. Выбрали самый стройный дуб, срубили его и привезли в село. Умельцы обтесали ствол дуба в виде четырехгранника с тремя опоясками. На гранях памятника-обелиска вытесали надписи:

«В. И. Ульянов (Ленин).

Родился в 1870 году.

Умер в 1924 году. 21.1.»

«Великому вождю революции и учителю социализма от граждан села Юрьево. 1924 г. 2.11.»

«Покойся, гений, в земле сырой, Тебе мы память воздадим. Твое имя, вождь великий, детям и внукам затвердим. И то, что от ига адекого царизма и капитала нас освободил.»

Сейчас удалось установить, что в сооружении памятника принимали участие Егор Хрисанфович Сидоров, Иван Прокофьевич Хотеев, Федор Андреевич Костромин, Иван Иванович Пучков, Илья Иванович Петрушкин, братья Иван и Егор Егорушкины.

Когда к селу Юрьево осенью 1941 года подошли гитлеровцы, крестьяне спрятали памятник, а после изгнания фашистов снова поставили обелиск на прежнее место в центре села перед сельсоветом.

Недавно памятник В. И. Ленину из села Юрьево был перевезен в Калужский областной краеведческий музей. Реставраторы работают над тем, как сохранить его на века.

А в центре села Юрьево установлена точная копия памятника Ильичу.

г. Москва.

ПРЕДКИ НАШИХ КОРАБЛЕЙ

Эдвард ЦЕЙССЛЕР,
краевед

После присоединения к России Западной Сибири начинает усиленно развиваться речное судоходство. Волго-Камскую и Обь-Иртышскую водные системы соединили притоки великих рек. Правда, не все притоки были пригодны для судоходства, кое-где на водоразделах грузы перетаскивались волоком, но транспортная связь с Сибирью была.

Наиболее удобным был путь с Вишеры на Лозьву и Тавду. Ежегодно по нему сплавливались десятки тысяч пудов различных грузов под присмотром земских целовальников. С ними обязательно плыли рабочие-плотники, они занимались постройкой судов.

На Лозьвинской верфи-плотнице строили два типа судов — струги и дощаники. Для основания струга брали чаще всего липу. Ствол выдалбливали. Получалась так называемая струговая труба. Для окончательной отделки корпуса внутри его устанавливали еловые округи, или ребра, шпангоуты. По бортам нашивали доски в несколько поясов.

Длина обычного струга была 16—20 метров, ширина два-три метра. Осадка не превышала одного метра. На судах полагалось иметь одно кормовое весло, или кормило, и от шести до 20 пар загребных весел.

Дощанки — суда плоскодонные. Строили их разных размеров. Больше судно, длиной до 20 метров и более, так и называлось дощаником, меньшее по размерам — насадом, а еще меньше — кладной лодкой.

Кроме этих судов на Лозьве строили лодки специального назначения — завозни и паузки. Завозня, до шести метров длиной, была с расхою (шесть с развилкой) с кормы к носу. По ней ходил канат от завозного якоря.

Паузок — мелководное судно. Он служил для перегрузки клади с больших судов на мелководье.

Дощаник мог везти 200 тонн груза, насад — около 60, а кладная лодка — три-восемь тонн. Большие суда использовались только в один конец — в нижнюю пугину. После этого суда шли на слом. Они отличались грубой постройкой. Крепились только отдельные части обшивки. И использовались для этого деревянные гвозди и деревянный же набор шицов.

Суда, предназначенные для повторного плавания, были более прочными. Для их крепления применялись железные гвозди и скобы.

Особую роль в судоходстве тех лет играли все-таки струги. Из них состояла флотилия Ермака. На них ходили за Урал царские воеводы, основавшие первые русские крепости. Они были самыми подходящими судами для перевозки грузов.

На суда ставили паруса только при попутном ветре. Помогало передвигаться течение реки. Использовали также шесты и весла. Когда шли против течения, гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкой. Если же берегом невозможно было пройти, судно передвигалось с помощью завозных якорей. Для этого якорь закладывали впереди судна и вытягивали к нему судно. Таким образом, хоть и медленно, но оно двигалось против течения.

В 1597 году началась прокладка нового пути в Сибирь — Бабиновой дороги. Основали здесь город Верхотурье. Бабинову дорогу, сухопутную, которой можно было пользоваться почти круглый год, объявили правительственным трактом взамен отменного водного «тракта» по Лозьве и Тавде.

г. Тавда.

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Владимир МАКСИМЦОВ,
журналист

Был когда-то в Чебаркульском районе Мариинский золотой прииск. Принадлежал он братьям Покровским. В 1896 году управляющим на прииске стал профессиональный революционер Н. Н. Кудрин. Собрав вокруг себя бежавших из ссылки и тюрем революционеров, он организовал кружок социал-демократического направления. Бывая по делам в Челябинске, сумел установить связь с кружком Балашова.

В Челябинске, на совещании представителей Златоуста, Перми, Екатеринбурга, Троицка, Уфы и Кунгура и было решено организовать на Южном Урале подпольную типографию. Так как Кудрин имел большой дом, стоящий в некотором отдалении от поселка, типографию решили устроить у него, в комнате, где хранилось золото (вход в нее посторонним был запрещен).

Печатный станок изготовили на Златоустовском заводе мастер А. Тютев и ученик Екатеринбургского горного училища Ф. Сыромолотов. Шрифт, бумагу и типографскую краску Кудрин достал в типографии своих хозяев — братьев Покровских. К середине 1897 года типография была оснащена всем необходимым, оенью выпустила первые листовки. Рабочие Златоуста требовали восьмичасового рабочего дня. Требования были удовлетворены.

Летом 1898 года в типографии скрывалась от царских ищек революционерка Мария Эссен. Она привезла из Самары рукопись сборника «Пролетарская борьба», который хотела напечатать.

«Днем работа в конторе, на фабрике, в шахте, а ночью опять и опять набор, корректура, выправка и т. д. изо дня в день». — вспоминал об этом периоде Н. Н. Кудрин. Работа в подпольной типографии началась ночью, когда рабочий люд прииска крепко спал. Растирали на зеркалах типографскую краску, набирали текст, корректировали и исправляли ошибки. Вручную делали около 600 оттисков, которые успевали просушить и к утру спрятать.

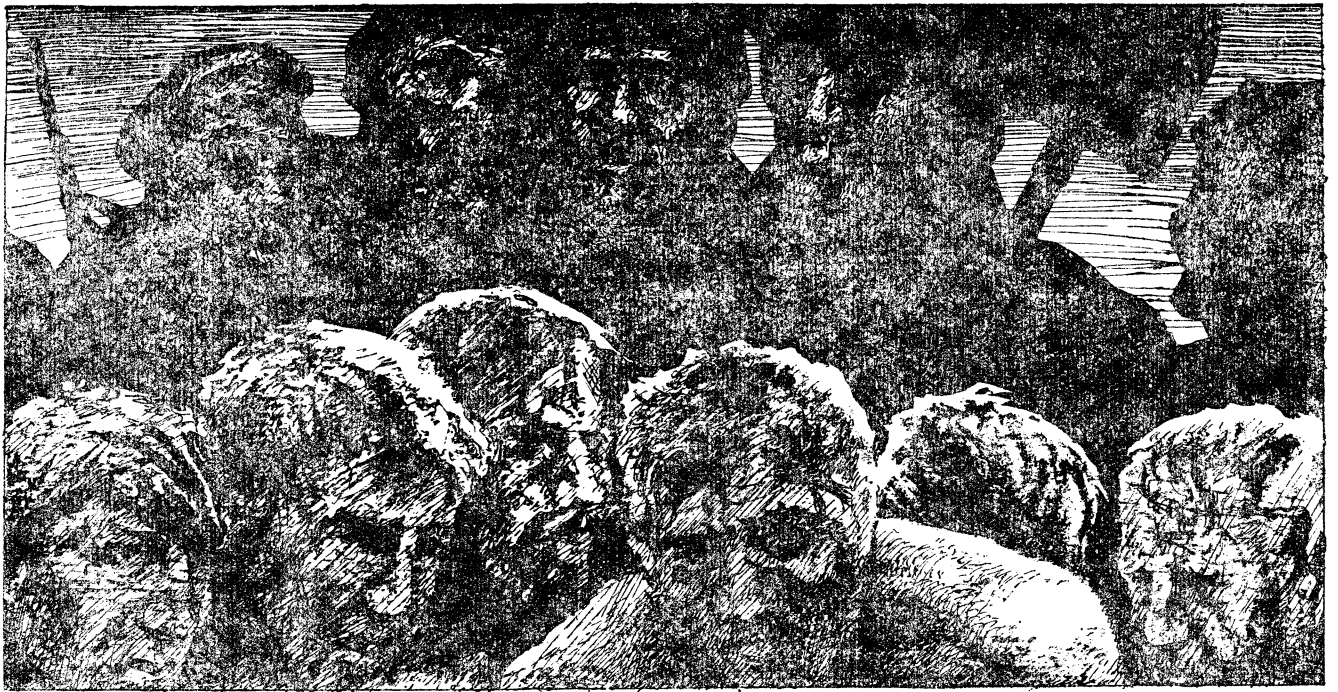
«В типографии мы работали без передышки более двух месяцев», писала М. М. Эссен. — Мы все трое (третьим был М. Г. Доменов) так набили себе руки, что потом я за графийей несколько месяцев работала в типографии «Искры».

Но допечатать сборник здесь до конца не удалось. Владельцы прииска что-то заподозрили и уволили Кудрина. Революционер становится компаньном золотопромышленника Часовникова на прииске в Верхних Карасях. Оборудование типографии тайно перевезли в новый дом, снятый Кудриным для жилья. Печатанье сборника возобновилось.

Летом 1899 года М. М. Эссен отвезла 500 экземпляров сборника в Петербург и вскоре была арестована. Взяли и Николая Николаевича Кудрина. Оба были сосланы на пять лет: Эссен — в Якутию, а Кудрин — в Восточную Сибирь. Встретились они за границей, в Женеве.

Материалы о Николае Николаевиче Кудрине и подпольной типографии хранятся в краеведческом музее города Чебаркуля.

г. Чебаркуль.

ГИБЕЛЬ КОММУНАРОВ

Вениамин СУНДЕЕВ

(Окончание. Начало на 2-й стр. обложки).

Рис. Евгения Охотникова

«Протокол собрания крестьян с. Усть-Икинского»

На собрание явилось 13 домохозяев, председателем избран односелец Петр Никанорович Филиппов, секретарем — Степан Дмитриевич Чусов. Где выслушали словесный доклад т. Петра Филиппова об организации в с. Усть-Икинском коммуны. Причем пришли к убеждению, что действительно поодиночке нам бороться с нуждой и бескормицей невозможно, а особенно в отношении обработки земель и их удобрения. Само собой понятно, что в одиночной работе — или без лошади, или без земли — деревенский пролетарий никогда не сработает с прибылью, а обыкновенно, — с убытком. И как ни вертись, как ни работай всей своей семьей «от мала до велика», в конце концов в течение года ни сыты, ни голодны, дивиденд иногда — последние лапты с ног долой. Тяжела и безотраднa доля бедняков. Другое дело, учитывая наши средства, главное — живую силу, в общей, объединенной, тесной и дружной работе, во взаимном отношении здоровья; этот путь — «трудовая коммуна». В единении — сила. Пусть «многомыслящие» толстосумы осмеют это священное начало равенства и братства — мы твердо решили идти тернистым путем навстречу грядущему социализму.

Постановили:

1. Образовать в нашем селе общину, назвав ее: «Усть-Икинская трудовая коммуна».

2. Коммуна занимается хлебопашеством, огородничеством, садоводством, семеноводством, птицеводством, рыболовством и вообще всяким трудом, видоизменяя то или иное, что окажется более полезным для общины, а равно какой-либо промышленностью при нашем хозяйстве независимо — ручного или машинного производства.

3. Коммуна производит все работы только личным трудом своих членов; наемный труд на первое время допускается только специалистов по каким-либо отраслям работ, по которым не окажется своих членов.

4. Коммуна ставит своей обязанностью проводить в жизнь общереспубликанский план монополий и товарообмена всех продуктов как при сбыте своих, так и приобретении таковых от других коммун и организаций.

5. Средства и имущество коммуны составляют из перехода всего состояния членов коммуны в общее пользование общины; желательно и необходимо составить имущество из наличных средств членов при первоначальном входе их в коммуны.

6. Для жилища устроить на участке, данном нашей коммуны, общее здание с разделением на комнаты: одиночные, парные, семейные и общий зал, отдельно детские и столовые по мере надобности.

7. Довольствие из общего котла или продуктов на руки производится из общего фонда по усмотрению членов коммуны, причем все посетители членов

коммуны удовлетворяются из общего фонда в комнате членов или общем зале, если будет таковой. Обмундирование членов коммуны, безусловно, из общего фонда.

8. Все трудоспособные члены ни под каким видом не должны претендовать на нетрудоспособных — зачатых (престарелых), малолетних, а равно больных членов. Таковые должны содержаться за счет коммуны, всемерно заботясь о последних. Данный пункт распространяется и на тех нетрудоспособных родителей, которые войдут в семейство членов коммуны впоследствии. По возможности не отклонять ходатайства и других, более далеких, нетрудоспособных родственников.

9. Коммуна наша должна ставить неперменной своей обязанностью обучение детей, кои должны обучаться в каком бы то ни было учебном заведении по желанию, до высшего образования включительно, за счет коммуны.

Получившие образование должны служить делу коммуны не менее 5 лет, а в случае отказа — возместить постепенно коммуне расходы по образованию.

10. Выход членов из коммуны не допускается ни под каким видом до истечения десятилетнего срока. После этого срока могут выбыть в первобытное состояние (становятся единоличниками) с получением дивиденда ко дню выхода из коммуны из наличного капитала, но ни в коем случае не из основного.

11. Коммуна не прекращает своего действия до истечения десятилетнего срока даже при неблагоприятных условиях, а при удачной постановке дела коммуны наша увеличивает круг своей деятельности и привлекает в свой состав новых членов.

12. Община наша из среды своей выдвигает правление, которое ведет все дела, счетоводство и кассу коммуны.

13. Правление имеет специальные бланки, штампы и печать.

14. Проверка и контроль правления поручается особой ревизионной комиссии во всякое время.

15. Членам правления коммуны представляется полное право ходатайствовать перед всеми лицами, учреждениями, комиссарами Российской Федеративной Республики как о защите прав коммуны, так и об исходатайствовании помощи и о получении субсидий в виде денежных сумм, сельскохозяйственных орудий и прочее.

16. Члены, заявившие о выходе из коммуны до создания тесной объединенной работы, подвергаются штрафу в пользу коммуны в размере 300 рублей».

В коммуны вступило 18 домохозяев с семьями. Всего 127 человек.

Коммуна получила земельный участок общей площадью около 850 га за Теплой Горой, между деревнями Мало-Усть-Икинское и Ново-Муслимово.

Для участия в губернской сессии Советов крестьянских депутатов делегатом Усть-Икинского Совета крестьянских депутатов был избран Степан Дмитриевич Чусов, крестьянин-бедняк, матрос, большевик с марта 1918 года, секретарь Усть-Икинской организации РКП(б), комиссар по земельным делам Усть-Икинского волостного Совета, член коммуны.

С затаенной злобой следила за преобразованием на селе кулацко-купеческая верхушка. Тревожными были июньские дни 1918 года. Заговорщики надеялись на скорое свержение молодой Советской

власти: контрреволюционными выступлениями были охвачены обширные районы страны.

В Усть-Икинском Совете прекратили существование 13 июня 1918 года. Из дружины был создан партизанский отряд, командиром стал Павел Лешков, комиссаром Тихон Онкин — председатель волостного революционного комитета, член партии большевиков с 1918 года, член коммуны.

Притихли кулаки и их приспешники в эти июньские дни.

18 июня 1918 года вдруг загудели церковные колокола, созывая народ на площадь. Это было сигналом к началу кулацкого мятежа.

Требование контрреволюционеров о сдаче всего партизанского оружия поддержал Павел Лешков, заявивший: «Оружие мы сдадим, но чтоб без кровопролития». Лешков — сын крупного кулака-мельника, в годы первой мировой войны — сапер, в 1918 году примкнул к большевикам. Лешков предал партизан и коммунаров, а сам тут же скрылся.

Началась расправа над коммунарами. Был арестован Андриян Жильцов, судья ревтрибунала. Его привели на площадь со связанными руками. После допроса его, раскачав, выбросили из окна второго этажа на каменные плиты тротуара.

На площадь привели Николая Филиппова. Один из бандитов размозжил ему голову прикладом и вонзил штык в грудь.

Упал окровавленный Иван Балашов.

Вдруг толпа вздрогнула, раздались крики ужаса. По переулку мчался всадник, волоча привязанного за ноги к хвосту лошади человека. По одежде узнали собравшиеся, что это был Тихон Онкин...

Вечером подогнали подводу, десять окровавленных тел сбросали на нее и повезли на край села, где была вырыта яма двухметровой глубины.

Ни просьбы, ни слезы родных не остановили палачей.

— Смерть большевикам! — раздалась команда, и разъяренные кулаки начали сбрасывать коммунаров в могилу.

— Мужики, не ладно ведь живыми-то. — раздался из толпы голос Михаила Захарова.

— Кто еще там? Туда же захотел? Тащи-ка его сюда...

Захаров бросился бежать — думал спастись, но раздался выстрел — и он упал, сраженный пулей в затылок.

Лопаты заработали быстрее.

Еще долго из-под земли раздавались стоны, потом все стихло...

Те, кто не попали под расправу 18 июня 1918 года, были арестованы позже и отправлены в кусинскую и златоустовскую тюрьмы.

14 человек из них были расстреляны близ города Кусы. Там, на этой братской могиле, стоит памятник.

На краю села Большеустьикинского тоже стоит скромный памятник, сооруженный односельчанами в 1929 году на месте зверской расправы над членами коммуны.

С большим трудом, с помощью родственников удалось разыскать портреты трагически погибших — заживо погребенных членов Усть-Икинской трудовой коммуны. Недостает только портретов Ивана Сергеевича Балашова и Ивана Васильевича Акулова.

СМОТРИМ ПРОШЛОЕ НА НАС

Герман ДРОБИЗ

СТАРЫЙ ДВОР

Ах, была она рыжая,
как пламя костра!
Ей завидовали подружки.
Обжигались мальчишки
большого двора
и дразнили ее за веснушки.

Я сидел над бумагой и слово ловил
и вмещал его
между синеньких строчек,
и караули безнадежной любви
прожигали тетрадный листочек.

А когда под таинственный шепот:
«Прочи...»
ей ладонь
четвертушки мои целовали,
как надменно сужались ее зрачки
над моими святыми словами!

И глядела куда-то за дальние крыши,
где темнела листва уходящего лета,
и роняла небрежно, со вздохом,
чуть слышно:
«Не будет ответа...»

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Что осталось за спиной,
от улыбок до ухмылок —
по ночам опять со мной:
дышит и глядит в затылок.

А в затылке древний зрак
легендарный цепенеет —
третий глаз в крошечный мрак
вперился, мечту лелеет:

все, что было, пронеслось
в долгой жизни человека,
тщится разглядеть он сквозь
неподъемлемое веко.

Напрягись и подыми!
Вспять направь свой взор пытливый
и пространство обними
оборотной перспективой.

Ненавидел и любил,
приютил или обидел —
всех, кого я позабыл —
чтобы снова их увидел.

Чтоб при ясном свете дня
года так сорок седьмого
кто-то глянул на меня
исподлобья и сурово.

Кто он, кто он, кто таков,
пнуть забыв тряпичный мячик,
замер у дровяников
изумленный этот мальчик?

Это сам себе вослед
я гляжу, глазам не веря,
с расстоянья в сорок лет
на грядущие потери.

Пух, летящий с тополей,
вспыхнул вдруг на трассе взгляда...
Мальчик, мальчик, пожалей,
отвернись, глядеть не надо!

Смотрит прошлое на нас
пристально, без уваженья...
Слава богу, третий глаз —
лишь игра воображенья.

* * *

Мы пробежим апрельским парком,
нам этот путь давно знаком,
прочерченный вороньим карком,
синицы робким голоском.

Причала сгнившие подпорки.
Прибрежных камешков гряда.
Ржавеют лодки на пригорке
у разомлевшего пруда.

Так ветви кленов узловаты,
так трясогузочки следы
запутаны, замысловаты
на влажной кромке близ воды;

в таких лохматых черных гнездах,
как в черных звездах, небеса,
таким бездонным эхом воздух
пронзают птичьих голоса;

ветвей, пока что полуголых,
так осязаем силуэт —
да будь ты хоть последний олух,
в тебе проклонется поэт!

Тому подобно, как в июне
синицы первенец, юнец,
скорлупку пеструю проклонет
и выйдет к миру наконец.

Взъерошенный, как черт, в восторге
и потрясеньи глянет вниз,
младенческого клюва створки
продует, словно кларнетист.

И вдруг такое выдаст, дунет,
такое выкрикнет, нахал,
какое только что придумал
и сам впервые услышал!

* * *

Мелькают кулачки:
как зло дерутся дети!
Сверкают их значки
на вытертом вельвете.
Им нипочем мороз,
отброшены пальтишки,
без возгласов и слез
сражаются мальчишки...
Ах, сколько детств прошло
и подтвердилось вдосталь,
что драки ремесло
осваивать непросто.
Как музыкальный слух
и тяга к рисованью,
так и драчливый дух —
он вроде дарованья.

С размаху дать под дых,
в скулу вломить умело!
Но это для иных —
немыслимое дело.
Есть сила и кулак,
не хилы и не хромы,
да, видимо, не так
сцепились хромосомы.
Для этих чудаков,
живущих под запретом,
мир и без кулаков
приятным крашен цветом.
Пора, пора решать,
какие нравы правы,
который поддержать,
в котором больше славы?
Лет этак через сто —
что лучше, в самом деле:
чтобы не смел никто
или чтоб все посмели?
...А эти — молодцы.
На лицах гнев и злоба.
Отважные бойцы.
Умеют драться оба.

Ольга ЛАРИОНОВА

Рис. Дмитрия Литвинова

Звёздочка- Во-Лбу (Чакра Кентавра)

Космическая опера

— Знать бы раньше,— вздохнул Юрг, глядя в золотой потолок.— Но послушай, Кукушонок, ведь ты вылетишь отсюда—и твои мысли будут прочтены?

— Пока я постараюсь тихонечко петь про себя. А потом... Говорите почаще на своем языке, я его уже немного изучил, но будет безопаснее, если я вообще буду думать на нем.

— Да ты просто гений, Кукушонок!

Снаружи послышался легкий скрежет по дверце—аметистовый крэг, похоже, опасался надолго оставлять людей без своего при-

Окончание. Начало см. в №№ 1, 2, 3.

[57]

смотра. Юрг поймал его на руку и понес обратно в свои подземные апартаменты. Юхан и Гэль остались, чтобы дожидаться Кукушонка, выскользнувшего наружу.

Осторожно ступая, Юрг вошел в их новое жилище. Прислушался. Мертвая тишина. Ни шороха, ни дыханья. Смертельный ужас нахлынул на него, и он бросился за перегородку, стряхнув с руки пернатое создание.

Сэниа тихо спала, сжавшись в зябкий комочек. Господи, да что он сделал с ней? Пришел с далекой звезды—и зачем? Чтобы замуровать ее в этом подземелье?

— Прости меня,—невольно вырвалось у него.— Прости...

Легкие пальцы привычно коснулись его лица:

— Глупый,— прошептала она,— глупый ты мой... Я ведь только сейчас и начала жить по-настоящему...

— Какая же это жизнь! Вот раньше ты была командором звездной дружины, а еще раньше—юной принцессой, которую любил первый рыцарь королевства.

— Ах, вот что тебя тревожит...— тихий смех поднялся из темноты, словно пузырьки серебристого воздуха со дна ручья.— Нет, милый, все гораздо печальнее. Это я любила его, любила всю жизнь—боготворила, мечтала, тосковала... Пока не поняла, что он просто не умеет любить. Для него было по-настоящему дорого только одно—одиночество. Может быть, его самого мучило, что он холоден, как статуя,—не знаю. Но даже в последний свой миг он не нашел для меня ни единого слова любви. Знаешь, какие слова он послал мне через все дали космоса?

— Не надо, Сэниа...

— Он сказал: «Ты свободна, принцесса Сэниа». И тогда я поняла, что и во мне давно уже больше горечи и отчаянья, чем любви.

— А вот у нас, на Земле, оживают даже статуи, если их любят больше жизни,—сказал он и сразу же пожалел об этом.

— У нас, на Джаспере, так не бывает.

— Значит, на Земле умеют любить сильнее,—улыбнулся он.

— Может быть, у вас просто дороже ценят свою жизнь. Ты не думал, зачем я ринулась в созвездие Кентавра? Чтобы никогда больше не вернуться на Джаспер. Я поняла, что мне просто незачем жить. И не вернулась бы, если бы...

— Сэниа, скажи, как это приключилось, что ты смогла полюбить меня?

— Я и сама не знаю... Наверное, это произошло тогда, когда я в самый первый миг почувствовала твои руки, твоё дыхание... Разве у вас, на Земле, не достаточно одного прикосновения, чтобы полюбить?

Он счастливо засмехался:

— Если признаться честно, то у нас для этого требуется как минимум один взгляд.

— Значит, все-таки на Джаспере умеют любить сильнее...

За золотой дверью послышались шаги и голоса, оттененные пещерным резонансом.

— О, дьявол,— вырвалось у Юрга.— Может, тебе эта жизнь и кажется настоящей, но мне вот — нет. Столько ночей не раздеваясь, с оружием в руках, все вместе...

— Мой звездный нетерпеливый эрл,— проговорила она скорее печально, чем радостно.— Скоро нас станет еще больше...

— Что?!

— Глупый, мой отец догадался об этом с первого взгляда.

Дверь хлопнула, и отсвет факела, как зарница, беззвучно метнулся по золотому потолку. Юрг, не в силах прийти в себя от неожиданности, продолжал прижимать к себе жену, тихонечко покачивая ее, как младенца. Счастье? Да, само собой; но это подземелье, темнота, опасность... И то, что его крошечный, беззащитный малыш будет обречен на пожизненную слепоту...

— Это еще что? — раздался из-за перегородки бас Юхана.

Безошибочное предчувствие беды коснулось Юрга, и он, прижимая к себе жену одной рукой, а другой выхватывая из-за пояса десинтор, с которым не расставался, бросился на голос друга.

Юхан и Гаррэль недоуменно стояли перед кучей сваленных в углу шаманских атрибутов, на которой устроил себе ночной насест сиреневый крэг. При зыбком свете факела было отчетливо видно, что на шею пернатого существа надета золотая цепочка, на которой болтался, как амулет, маленький изящный свиток пергамента.

Крэг пренебрежительно отвернулся и глядел на стену, словно не замечая столпившихся перед ним людей.

— Разверни-ка,— сказал Юрг, кивая на свиток.

Юхан осторожно потянул с крэга цепочку, зашуршал пергаментом. Юрг наклонил голову, щурясь:

— Та-ак: «Мы... милостью древних богов... и так далее... всея Джаспера и тыры-пыры... пропустим... А! До захода солнца повелеваем эрлу Юргу, не имеющему собственного крэга, а также его брату эрлу Юхану... о движении имущества тут ни гу-гу... прибывшим из созвездия Костявого Кентавра, явиться на Звездную пристань, где их ожидают десять кораблей с полным экипажем. Командору Иссабасту вменено доставить упомянутых эрлов на родину без убытка и поношений.

(89)

Буде упомянутые эрлы до захода солнца не покинут зеленый Джаспер, считать их существами хищными и опасными и в оружии против них не ограничиваться...»

— Что там еще? — настроенно спросила мона Сэниа, оборачивая побелевшее лицо на треск факела.

— «Владетельной ненаследной принцессе Сэниа прибыть во дворец...»

— Можно, я выражусь по-русски? — спросила принцесса.

— М-да,— резюмировал Юхан,— дальше — игра без правил...

— И с силовыми приемами,— добавил Гаррэль, которому Юхан уже объяснил разницу между любительским и профессиональным хоккеем.

— Ну, а ты что молчишь, командор? — удивился Юхан.

— Не знаю... — тихо проговорил Юрг, у которого сердце разрывалось от боли и бессилия.— Не знаю.

Альтернатива

Потянулись томительные дни подземного заточения. И только глубокой ночью, когда аметистовый крэг улетал в не по-осеннему теплую синь, с лихорадочной быстротой начинал выработываться план дальнейших действий.

Положение осложнялось еще и тем, что золотые своды, где под слоем благородного металла скрывался еще какой-то ячеистый пластик, секрет которого затерялся в глубокой древности, были непроницаемы не только для всевидящих крэгов. Оказалось, что джаспериане тоже не могут преодолеть этот барьер, и для того, чтобы очутиться в другой точке планеты или послать туда свой голос, теперь требовалось выбраться на поверхность.

Поэтому прежде всего занялись поисками новых лазеек наверх и старательным вызубриванием топографии лабиринта — особенно строг был Юрг к Сэни и Гаррэлю, требовал, чтобы они проходили все тупики, повороты и ловушки «с завязанными глазами».

Он ни на йоту не доверял фламинго и опасался за Кукушонка.

Наткнулись на заваленный выход, ведущий, похоже, прямо в цокольный этаж «суперэй-феля». Юхан потихоньку занялся завалом, не рассказывая пока о нем принцессе: впервые под камнями обнаружили человеческие кости. Юрг ставил вешки в южном направлении — судя по всему, эта ветвь подземного хода вела прямехонько во дворец, лежавший по ту сторону мелового хребта. Гаррэлю было

поручено не сводить глаз с моны Сэниа, а еще точнее — с ее крэга: несколько раз она уже порывалась ринуться в сторону на свет огня или контур какой-то фигуры.

Кукушонок летал на разведку.

Первое, что он обследовал, была Звездная гавань. Здесь все было в порядке: десять кораблей, соединившись в один мак, уже отбыли в неизвестном направлении, и теперь на сером ноздреватом бетоне виднелось десятка три малых и четыре больших корабля. Захватить их не представляло ни малейшей сложности; проблема заключалась в том, что для дальнего перелета требовался конгломерат не менее чем из восьми кораблей — в подземелье же находилось только два пилота.

Пылкий Гаррэль тут же предложил себя в качестве глашатая. Днем через узкую щелку удалось рассмотреть, что под входным отверстием тянется довольно широкий карниз — прыгнуть на него ничего не стоит, случайных глаз в этом затерянном уголке опасаться нечего: нападающие ушли из замка. Так что он сможет беспрепятственно послать свой голос хоть всему населению Джаспера! Когда там разыщут небольшую трещину в меловых горах...

Юрг решительно запротестовал. Ни о каком широком оповещении и речи быть не может. Нужно выбрать надежных людей.

— И, кроме того, говорить с ними так, чтобы они согласились, — добавила мона Сэниа. — А так говорить могу здесь только я. И только со своей дружиной.

— Ты с ума сошла! — возмутился Юрг. — Отпустить тебя ночью на этот карниз, над ущельем? И речи быть не может!

— Бесстрашный эрл, — тихо засмеялась Сэниа. — Как, по-твоему, джасперианин может разбиться? Он уйдет в ничто.

— Сэнни, вспомни, как ты смеялась при одной мысли о том, чтобы заключить джасперианина в темницу! А где мы сейчас?..

Мона Сэниа смолкла.

И на следующую ночь все повторилось сначала.

Так продолжалось несколько дней, пока Юрг не вынужден был согласиться.

Как только сиреневый крэг, кажущийся в лунных лучах серебристым, растворился в ночной тишине, из круглого отверстия выскользнула веревочная лесенка. Юрг, едва коснувшись ее, прыгнул на карниз и поднял руки; Юхан бережно передал ему завернутую в плащ Сэнни. Юрг поставил жену рядом с собой, одной рукой крепко обхватив ее за плечи, а в другой сжимая поставленный на непрерывный разряд десинтор. Белые известняковые стены ущелья хорошо

просматривались в свете предполночной луны, и можно было не опасаться внезапно-го нападения. И все-таки...

Сверху из люка свесился Юхан и положил руку на плечо названному брату — для подстраховки. Видно, и он не считал эту акцию безопасной.

Мона Сэниа вскинула ресницы, и ее невидящие глаза напряженно вперились в темноту, словно там перед ней возникли те, кого она называла:

— Славные Эрм и Дуз, могучие Борб и Пы, быстрые Ких и Сорк, зоркие Скюз и Флейж, звездная дружина Асмур! Слышите ли вы меня?.. Я прошу у вас веры и помощи. Полторы тысячи лет слепое человечество Джаспера видит мир глазами крэгов. Вы лучше других знаете, что это такое. Вспомните хотя бы, какими омерзительными, злобными чудовищами представились вам поначалу люди Чакры Кентавра. Наш гнев и отвращение были столь велики, что мы должны были, по замыслу крэгов, попросту уничтожить этих гадин...

Она наклонила голову и коснулась щекой руки Юрга, согревавшей ее плечо.

— Когда пришельцы очутились среди нас, крэгам пришлось менять свою тактику, — продолжала мона Сэниа. — Теперь мы могли скорректировать наше видение хотя бы осязанием — и заподозрить обман. И мы стали видеть эрла Юрга и его брата такими, какие они есть. Но... Едва мой супруг раскрыл первую из тайн крэгов, как на нашем Джаспере якобы появился призрак. Звездные братья, я заклинаю вас верить мне: этого призрака не существует! Он появляется только в воображении — столь ужасный, что уже несколько человек, поддавшись наваждению, умерло от страха. Что еще могут сделать с нами крэги? Предусмотреть трудно, но нужно быть готовыми ко всему...

Она глубоко вдохнула холодный ночной воздух.

— А теперь мне нужна ваша помощь, потому что впервые за полторы тысячи лет появилась реальная возможность освободиться от рабства, в котором мы пребываем. Мой супруг, владетельный эрл Юрг утверждает, что на его родине без особых трудностей могут создать легкие аппараты, возвращающие людям зрение... Проблема в том, чтобы отправиться снова в созвездие Костлявого Кентавра, наладить изготовление аппаратов, пригодных для нас, и вернуться сюда с драгоценным грузом. В благодарность за это путешествие мы обещаем нашим собственным крэгам самые прекрасные, самые изысканные планеты, какие они пожелают выдать; мы доставим их туда сразу же, как

только обретем искусственное зрение. Теперь решайте, согласны ли вы помочь — не мне, нет, а всему Джасперу?

Мона Сэниа замолчала. Она ждала ответа, но ни единый звук не нарушал больше лунного безмолвия затерянного ущелья.

Прошла минута, другая, третья.

— Труссы! — крикнула вдруг мона Сэниа. — Труссы, птички наемники, слепые убийцы! Я щадила вас, но теперь слушайте! Вы похвалялись вашими подвигами на Серье Кентавра, в земле которой остался мой первый муж... Хорошо же, я расскажу вам, что вы там натворили!..

— Сэнни, о чем ты? — встревожился Юрг. — Хватит на сегодня! Пусть подумают, а тебе оставаться здесь больше нельзя, твой фламинго вот-вот вернется...

— Не забавно ли, муж мой? Я, изнеженная принцесса, сейчас единственный человек на Джаспере, который никого и ничего не боится! Но времени действительно мало... Так вот, благородные рыцари, вы уничтожили разумное население целой планеты. Никаких гуманоидов на Серье не существовало, а были добрые и мудрые кентавры, не причинявшие никому зла. Вы стерли с лица земли их город, который крэги представили вам скопищем зловонных вулканов, вы сожгли живыми их детей и стариков, и все это — только потому, что одному-единственному крэгу заблагорасудилось завладеть этой планетой!

— Но рисунки внутри пирамиды... — донесся откуда-то из темноты хриплый, потрясенный шепот. — Но кости, взывающие к возмездию...

— И рисунки, и кости существовали только в вашем воображении, — жестко бросила принцесса. — В действительности было только одно: «фа ноз?» — последние слова, произнесенные последним умирающим кентавром. «Фа ноз?» Эти слова преследовали моего мужа, эрла Асмурра, до смертного мига. «ЗА ЧТО?!»

И в эту секунду словно черный беззвучный взрыв полыхнул в ущелье, разбрызгивая сгустки ночного воздуха. Перед Юргом на мгновение возник контур черного всадника, в руках которого были одновременно какое-то покрывало и блестящий меч; затем на его голову обрушился удар, и в сознании, погашенном словно бы и не этим пришедшимся плашмя ударом, а взмахом необъятного плаща, остался не страх, не отчаянье — дурманящий, тошнотворный запах...

Когда он пришел в себя, над головой тускло светился золотой свод проклятого подземелья. Голова раскалывалась от боли.

— Сэнни... — простонал он, боясь прикоснуться к волосам. — Намочи тряпку...

Никто ему не ответил. Он огляделся. Юхан и Гэль. Стоят и не дышат.

— Где Сэнни? — крикнул он, подымаясь рывком с пола.

— Исчезла...

— Звездные братья?..

— Нет, — сказал Гаррэль. — Ни один из них не смог бы. Судя по крэгу — наследный принц. Только члены королевского дома могут проникнуть в любой уголок Джаспера. Кроме подземелья.

— Но почему она не вернулась, Гэль? Почему она не ушла в ничто? Почему не бежала?

— Не знаю, командор. Это могло быть только в одном случае: если ее усыпили.

Юрг мгновенно вспомнил волну дурмана:

— Запах! У меня подкосились ноги...

— Если бы не это — тебя и в живых бы не было, — мрачно заметил Юхан. — Если бы ты уже не падал в тот момент, когда...

— Да что ты все обо мне и обо мне? Они украли Сэнни, но она сбежит сразу же, как проснется. Что в ущелье?..

— Ничего. Мы следим.

— Не отходите от дверцы, я немного оклемаюсь и сменю вас. Который час?

— Взошла утренняя луна.

Юрг замычал от отчаянья и опустил голову на стиснутые руки. Она убежит. Она непременно убежит. Еще минута, и она появится там внизу, на карнизе...

Но прошла минута, и еще, и еще, и минуты складывались в часы, а мона Сэниа не появлялась.

— Гэль! — не выдержал он, когда время перевалило за полдень. — Сколько же она может спать? Ведь это становится опасно...

— Нет, — печально покачал головой Гаррэль. — Это старинный секрет королевского дома, и даже мы, знахари, им не владеем. Но человек, заклятый Светом Шестилуны, может без всякого вреда проспать и месяц, и два, и три.

— Что ты говоришь, Гэль? Месяц? Два? Она?..

— Надо ждать, командор. Братья не причинят ей вреда.

— Не причинят? Ты с ума сошел, Гэль, ведь она... Она не может спать месяц. Она не может, не должна, Гэль, ведь у нее... у нее будет ребенок.

Гаррэль вскрикнул так, что даже его пестрый крэг испуганно взмахнул крыльями. Он схватил Юрга за плечи и с неюношеской силой поднял с пола.

— Почему ты молчал, командор? — проговорил он с такой болью, что Юргу стало не по себе. — Скорее во дворец!

Это было легко сказать — скорее.

Но который из бесчисленных ходов подземного лабиринта вел именно туда? Все они ветвились, множились, упирались в тупики, и если на поверхности Джаспера до королевских покоев было от силы двадцать миль, то в темноте подземелья можно было проплутать и неделю, и две.

— Я полечу на разведку,— раздался вдруг полудетский голос Кукушонка.— Ждите.

И, не дожидаясь согласия людей, он стремительно сорвался с места и исчез в одном из темных провалов.

А дальше время остановилось. Часы, дни — их никто не считал. Кукушонок выбивался из сил, не привычный к долгим полетам. Отсекались тупики, перекрывались подземные ходы, отыскивались засыпанные дверцы... Юрг уже почти потерял надежду и рассудок, когда наконец в тесной шестигранной камере они увидели потолочный люк с неизменным золотым запором.

— Если я не вернусь через час — идет Юхан,— коротко бросил Юрг.— Если и Юхан исчезнет — твоя очередь, Гэль.

Люк со скрипом открылся, сверху посыпалась пыль. Юрг взобрался на плечи Юхана и осторожно выглянул наружу.

Над ним было кресло. Тяжелое, с золочеными лапчатыми ножками. Оно стояло на возвышении, и впереди виднелся огромный совершенно пустой зал с нечеткими прямоугольниками лунного света, едва-едва проникающего сквозь пыльные окна.

— Похоже на тронный зал,— прошептал Юрг, наклоняясь вниз.

— Тогда не бойся, командор! В него входят только один раз за целое правление — во время коронации.

— Ш-ш-ш... Я пошел.

Он поднатужился, сдвинул в сторону трон и вылез на тронный помост. Ну и пылища! Обязательно останутся следы. Хотя — все равно, никто в подземелье не сунется. Пренебрегши большим парадным входом, он нашел маленькую дверцу. Дверца бесшумно отворилась. Так и есть, личные покои его величества. Если напорюсь на стражу — пристрелю на месте,— подумал он. Здешние десинторы бьют бесшумно...

Стражи не было. Не было никого.

Нет, не убью... Надо взять живым — узнать, где они прячут Сэнни. Затащу в подземелье, придушу. Нет, не придушу. Буду пытаться. Тогда скажет. Я сейчас все сделаю, все, что недопустимо ни на Земле, ни на Джаспере. И даже не во имя любви. Во славу зеленого Джаспера. Будущего Джаспера...

Он отворил еще одну дверь и снова попал в огромный зал. Неужели заблудился, дал круг? Нет. Пол подметен, в середине

зала — не то ванна, не то фонтан, Люстра над ним, от нее вниз — шесть бледных, почти бесцветных лучиков. И кто-то подле, верхом на стуле — сгорбленный, неподвижный.

Сердце вдруг стукнуло гулко, на весь зал — Юрг понял, что это такое. Словно вспугнутый этим — на самом деле неслышимым — звуком, человек нервно заелозил на стуле, поднялся, мелкими шажками приблизился к окну. Выглянул, высматривая луны. Видно, еще не настал ожидаемый час, потому что он вернулся к своему стулу, некоторое время стоял, мерно раскачиваясь. Не сел, принялся расхаживать взад-вперед. Все ближе к стене. Все ближе.

Юрг прыгнул, ребром ладони ударил по шее — не рассчитал, спружинили перья, но человек захрипел и повалился. Значит, хорошо, что попал по перьям, иначе убил бы на месте. Юрг перепрыгнул через тело, даже не посмотрев, принц это или сам король. Ринулся к овальной ванне, перегнулся через каменный бортик — на дне, запеленутая в блестящую сиреневую ткань, точно кукла, лежала Сэнни, и шесть световых пятачков неподвижно застыли на ее лице. Господи, какая же она маленькая...

Он осторожно вынул ее оттуда, тихонько подул на лицо. Плотно сомкнутые ресницы даже не дрогнули. Как же так, ведь он был уверен, что достаточно убрать ее из-под магических лучей — а попросту гипноизлучатель, — и она сама собой пробудится...

— Сэнни, Сэнни... — позвал он.

Человек на полу заперхал и засучил ногами.

Юрг быстро опустил Сэнни на пол, подскокил к лежащему, зажал ему рот ладонью. Вытащил из-за пояса десинтор.

— Как снять с нее заклятье Шестилуны? Человек яростно замотал головой.

— Ну-ну, быстро!

Юрг поднял оружие до уровня его лба — глаза привыкли к темноте, и только сейчас он различил, что перед ним сам король. Что ж, тем лучше. Кому больше терять, тот понятливее.

Он отвел ладонь, давая его величеству возможность высказаться.

— Бедная моя девочка, — сиплым голосом произнес король. — Ты действительно чудовище... Стреляй. У меня много сыновей.

— У вас дочь и скоро будет внук. Но если она не проснется...

— Пусть лучше не просыпается.

Рука сама собой дрогнула, сжимаясь на жилистом королевском горле.

— Тогда кто из нас чудовище, ваше величество?

Король молчал, стиснув зубы.

— Хорошо же,— сказал Юрг, бесцеремонно сдирая с королевских плеч яростно отбивающегося крэга.— Я не чудовище. Живите на здоровье. Но сейчас я сверну шею этому гусю. Нет, нет, вы недолго будете слепым, ваше величество, крэги милосердны — вам подарят пестрого птенца...

Что-то мелкое, как дробинки, закапало ему на руку — пот. Король, только что готовый бесстрашно принять мученическую кончину, теперь истекал смертным потом.

— Поздравляю, ваше величество. Вы будете первым в истории Джаспера королем с пестрым крэгом!

— Нет, нет, нет!

— Тогда — как нейтрализовать этот свет?

— Господи, да при чем тут свет? Эффекты, шаманство... Гипноизлучатель на микробатареях, выполнен в форме гребня, перекрывающего зону гипоталамуса...

Нашупав в тяжелых волосах жены массивный гребень, Юрг вырвал его и на всякий случай — во избежание дальнейшего применения — сунул в карман.

Мона Сэниа пошевелилась.

— Беру вашего крэга в заложники,— проговорил Юрг, неудобно зажав птицу под мышкой и поднимая на руки жену, закутанную в поскрипывающий шелк.— До входа в подземелье. Там отпущу, если не будет тревоги. И подумайте хорошенько, ваше величество: помощь моей планеты — единственный выход для вашей. И эта помощь бескорыстна. Нам нужен всего-навсего один корабль. С экипажем. Обещайте мне подумать, ваше величество!

— Я сделаю все, чтобы вас уничтожить. Обещаю.

— Тогда и мне есть что пообещать вам: люди Джаспера восстанут против крэгов. Обязательно.

Слепец, сидевший на полу, негромко рассмеялся:

— Ты не политик, землянин! И даже не деловой человек. Ты даже не задумался над альтернативой...

Башня смерти

Он бесшумно переступил порог их подземного обиталища в тот самый момент, когда Сэниа, не утратившая порывистости движений, с размаху ударилась о только что снятый со штабеля ящик. Он рванулся, чтобы подхватить ее, но в этот миг услышал слова Гаррэля:

— Принцесса, почему ты не хочешь принять моего крэга? Потому что он пестрый?

— Нет,— услышал Юрг потускневший голос жены.— Потому что там, наверху, десятки женщин, ожидающих детей. Они слепы, как и я, но им никто не предложит своего крэга.

У Юрга потемнело в глазах. Если бы Сэниа знала, что он слышит ее, она никогда не произнесла бы этих слов.

Не только десятки женщин, готовящихся стать матерями... Слепо было все человечество Джаспера. И не иносказательно — буквально. Потому что не люди восстали против крэгов, а крэги — против людей.

Не об этой ли альтернативе говорил король?

Когда Юрг, не веря своей удаче, в заброшенном тронном зале осторожно передал Юхану мону Сэниа, еще не пришедшую в себя, он начисто забыл о ее крэге. Только когда они добрались до своего убежища и Юрг опустил жену на жесткую лавку, отгороженную ящиками — нищенские апартаменты владетельных эрлов! — она, наконец, широко раскрыла неподвижные глаза и приподнялась, ожидая привычного шелеста перьев, каждое утро ниспадавших на ее плечи.

И вот тут Юрг вспомнил, что аметистовый крэг остался там, наверху.

Потянулись часы, каждый из которых казался ему самым страшным в его жизни. Мало того, что он был виной их заточения в проклятом подземелье — теперь он еще сделал свою Сэниа слепой. К исходу дня он был уже готов вернуться в тронный зал и затем драться — с кем угодно и на любых условиях. Юхан и Гаррэль с трудом его удерживали от этого шага.

И тогда явился Сэниа-крэг.

Он принес второй ультиматум, перед которым первый казался детской забавой. Во-первых, монe Сэниа категорически предписывалось покинуть подземелье — в этом случае ее крэг, в беспримерной своей преданности, обязывался служить ей до конца дней как ни в чем ни бывало. Этот пункт удивления не вызвал.

Во-вторых, эрл Юхан, брат эрла Юргена, должен был остаться в подземелье до тех пор, пока не соберется новая звездная дружина, которая доставит его на родную планету с условием, что он передаст своему народу безоговорочное запрещение когда-либо появляться вблизи Джаспера, равно как и принимать у себя джаспериан. В безграничной своей справедливости крэги гарантировали ему за это жизнь.

В-третьих, эрл Юрген из рода Брагинов должен был отдать себя на суд крэгов. В безмерном своем милосердии они гарантировали ему легкую смерть.

Пока же пришелец с Чакры Кентавра, посягнувший на тайну крэгов, будет жив, ни один крэг не вернется к своему хозяину.

— Никогда! — запальчиво крикнула мона Сэниа и, подбежав к золотой дверце, выбросила наружу свою сиреневую птицу.

Но это сделать было нетрудно. Труднее оказалось потом не думать о целой планете, населенной беспомощными слепыми людьми, ни в чем не повинными и проклинающими тот день и час, когда их прекрасная принцесса привезла из межзвездной дали беспокойное существо, умудрившееся тут же раскрыть ни много ни мало — тайну крэгов, с которой сами джаспериане спокойно мирились вот уже полторы тысячи лет...

Дни, не отличимые от ночи в темном мерцании золотых сводов, сменяли друг друга, а в подземелье все оставалось по-прежнему: трое мужчин, одна слепая женщина, неродившийся ребенок. И никакой надежды.

Потому что помощь могла прийти только с Земли, а теперь снарядить туда большой корабль было невозможно — на всю звездную дружину Асмур, даже если бы ее и удалось собрать, был один пестрый крэг Гэля. В безмерной своей холодной расчетливости крэги предусмотрели всё. И чтобы у узников подземелья не возникло ненароком какой-нибудь несбыточной мечты, над замком эрлов Муров и прилегающими к нему горами день и ночь кружилась тысячная стая разномастных крылатых созданий, твердо решивших впервые за полторы тысячи лет пренебречь традициями беззаветной преданности и бросить своих незрячих хозяев на произвол судьбы.

Первые дни Кукушонка не выпускали — боялись. Но где-то на десятый день он все-таки осмелел и сделал робкий круг над ущельем. Вернулся сразу же, скупое обронил:

— Мне ничто не угрожает. Они даже хотят, чтобы я полетал над Джаспером. Увидел, что там происходит. Вам рассказал. Я не могу...

Однако на следующий день он полетел. Вернулся в полночь. Своим тихим грассирующим голосом больного ребенка сообщил:

— Затопило две угольные шахты. Сервы не справляются.

На двенадцатый день он заметил лесной пожар. Горела плантация боу — любимых и очень полезных плодов, которыми в основном кормили детей.

На семнадцатый день циклон, вовремя не остановленный метеорокаетной службой, смел с побережья все устричные плантации.

На двадцать четвертый день умерли от голода заблудившиеся дети семейства Дальброков. Крылатые кони, посланные вдогон-

ку, не смогли пробиться сквозь колючий трехметровый кустарник.

На тридцать первый день в замке Шу началась эпидемия. Слепые знахари были бес- сильны.

И все эти дни мона Сэниа, не присаживаясь, по восемнадцать часов подряд ходила взад и вперед по гулким пещерам подземелья, отражавшим своими золотыми сводами тусклый фосфорический свет ползучих грибов, угнездившихся на стенах...

На тридцать второй день не случилось ничего. Младшая сестра Флейжа, которая тоже ожидала ребенка, доползла до утеса, нависшего над морем, и бросилась вниз — видно, боялась, что ее малыш останется умирать от голода в крошечной слепоте, если появится на белый свет. Конь Флейжа, неотступно следовавший за ней, успел раньше и подставил расправленные крылья, перехватив легкое, истощенное голодом тело. Так что ничего не случилось.

Но мона Сэниа, услышав об этом, упала ничком, и когда Юрг поднял ее, он впервые заметил в волосах жены тоненькие седые прядки.

Он отнес ее на убогое ложе, покрытое обрывками ветхих ковров, положил ее голову себе на колени и всю ночь что-то негромко, напевно говорил... Юхан, прикорнувший за стеной из ящичков, старался не слушать — и не мог: Юрг рассказывал сказки. Наивные, полузабытые, переплетающиеся одна с другой, они сменяли друг друга до самого рассвета, и никто не знал, когда мона Сэниа заснула. Сон ее был крепок, и в черных волосах, на которые вот уже столько дней не опускалось привычное опахало аметистовых перьев, неподвижно застыл массивный гребень...

Юрг спустил голову жены на подушку, коснулся губами ее лба, как нечаянно сделал это в самый первый раз, и, мельком оглядев уже крепко спавшего Юхана, вышел из капища в узкую пещеру, где у золотой дверцы Гаррэль ожидал своего крэга, совершавшего печальный облет обреченного Джаспера.

Неслышно приблизившись, Юрг положил руку на плечо юноше.

— Гэль, — негромко сказал он, осознавая, как непросто будет обычными человеческими словами выговорить все то, что он собирался. — Гэль, ты любишь мону Сэниа?

Юноша вскочил, порывисто обернувшись, и Юрг вдруг подумал, что впервые рассмотрел этого человека — не восторженного юношу-пажа, а мужчину, на которого можно положиться. Стройный и тонкий в талии, как бедуин, он был смугл до черноты, и эбеновые пряди волос вились по плечам, не прикрытым

пестрым опереньем; и удивительно странными в этом темном обрамлении были глаза — светло-золотые, огромные, доверчивые...

— Почему ты молчишь, Гэль?

— Ты хочешь, чтобы я ответил, эрл Юрг? Я люблю ее больше, чем ты, командор!

У Юрга перехватило дыхание. Ведь Гэль был рядом с первого мига. И до этого часа. Смог пробыть.

— Когда первые лучи солнца упадут на стену ущелья, ты возьмешь мону Сэниа и отнесешь наверх, в замок,— проговорил он с расстановкой, делая над собой невероятное усилие, чтобы голос звучал ровно и буднично.— Уложишь ее на постель и осторожно вынешь из волос гребень... Понял, Гэль? Массивный черный гребень. Сломай его и выбрось за окно. Вот, собственно, и все.

— А ты, командор?

— Юхан уже расчистил выход, ведущий к подножью башни. Я, пожалуй, поднимусь на верхушку — давно собирался...

— До середины можно подняться на лифте,— пожал плечами Гаррэль,— ведь так безопаснее. Там закрытая площадка, в которой...

Он осекся и замолчал, только сейчас поняв, что задумал командор. А тот закончил вместо него:

— В которой я хотел устроить трапезную, совсем как у нас, на Земле... Может быть, вы так и сделаете, Гэль. Со временем. Но сейчас я поднимусь своим ходом, благо перила забраны крепкой решеткой. И буду наверху как раз в тот момент, когда над зеленым Джаспером встанет солнце.

— Командор!..

— Времени нет, мой мальчик. Мне надо успеть. А сейчас запомни главное: я долго думал, сопоставлял и понял, что все, до чего успел докопаться,— это еще не тайна крэггов. Потому-то они и подбросили свой ультиматум, что я подошел к ней вплотную... или должен был подойти. Вот так. Ты и Юхан — вы должны ее раскрыть! Проследите каждый мой шаг. Подумайте, с чем я неминуемо должен буду... вернее, столкнулся бы в будущем. Тайна где-то совсем рядом. Ищите. Без этого Джасперу не жить.

Он протянул руку, намереваясь дружески и ободряюще потрепать Гаррэля по плечу — и рука его не послушалась: перед ним стоял муж его Сэниа. Супруг его жены.

Снаружи послышался шорох — возвращался Кукушонок. Юрг отступил на шаг, повернулся, бегом пересек пещеру и исчез прежде, чем Гаррэль смог его увидеть...

И вот — ступени. Бесчисленные, плавно выходящие вокруг центрального ствола башни, огражденные частой резной решеткой, сквозь которую не просунуть ни клюв, ни коготь. Но

крэги и не нападают, хотя многотысячной стайей уже собрались вокруг башни. Знают, что человек идет добровольно, и не торопятся. Может быть, они были бы рады, если б он шагнул вверх помедленнее: ведь это так упоительно — чувствовать в своей власти то единственное существо, которое посмело встать против них! И они купаются в лунном свете, они позволяют себе напевать, свирестеть, шелестеть крыльями, ворковать — море хаотических звуков... и редкий удар крылом по решетке, чтобы человек вздрогнул. Но он даже не глядит в их сторону.

Он не прошел еще и половины пути, когда небо на востоке стало светлеть. Юрг прибавил шагу. Это он здорово придумал — взобраться на башню. Еще столько же вверх по стремительно бегущим ступеням — и он обессилеет, задохнется, и будет не так мучительно жаль своего молодого, натренированного тела, которое против воли будет восставать и требовать борьбы. А борьбы не получится. Свое он уже сделал — начал. Раскачал. Расстрожил. Теперь остается только уйти — ласточкой в рассветную голубизну, пьянящую пронзительной ночной свежестью после злостности подземелья.

Он облизнул пересохшие губы. Вот этого он не предусмотрел — не захватил хотя бы фляжку с водой. Ну, есть еще надежда, что найдется что-нибудь в чеканной, как серебряная шкатулка, закрытой коробочке центральной площадки. Он обещал Сэниа, что устроит там кафе, как на Останкинской башне...

Нет, не надо! Ни одной мысли о Сэниа, иначе ноги не пойдут.

Он рванул на себя дверцу — как-то они здесь ужинали, должна же сохраниться хоть одна бутылка с водой — и тут же услышал за спиной яростный треск: крэги взламывали решетку. Забеспокоились, гады, — ведь отсюда вниз ведет лифт, не поздно и передумать... В маленькой комнатке было темно, фонарика он тоже не захватил, но питье нашлось само собой — он чуть не упал, наступив на бутылку. Отбил горлышко. В нос ударил терпкий, пьянящий запах каких-то ягод — живой сок, словно кровь самого зеленого Джаспера... Жить бы и жить на этой планете да радоваться, если бы не эти захребетники. Ну, что взбесились? Никуда он от них не собирается убегать. И что они так взъелись, ведь у них-то ничего не отнимается, в любом случае джаспериане будут дарить им необжитые планеты — с их-то способностями это раз плюнуть... Ах, да, власть. Крэги потеряют власть. Ишь, как они беснуются ради сохранения этой самой власти...

А крылатые дьяволы и в самом деле бес-

новались. Неотличимые друг от друга в пред-
 расветной темноте, они в слепой ярости раз-
 гонялись и ударяли грудью в прогибающуюся
 деревянную решетку. Еще немного, и она
 треснула бы под напором этих пушистых су-
 ществ, невесомость которых стократно мно-
 жилась на скорость и бешенство, но в этот
 миг верхняя дверца закрытой площадки от-
 кинулась, и темная широкоплечая фигура с
 шапкой светлых волос, вспыхивающих соло-
 менным заревом под узкими лучиками пред-
 утренней луны, еще быстрее прежнего за-
 скользяла вверх по крутым ступенькам. Те-
 перь он уже окончательно был в их власти —
 неосторожный чужак, посмеявшийся так близко
 подобраться к их тайне и возомнивший себя
 безнаказанным... Он сам выбрал себе
 смерть — что ж, в бесконечной своей милости
 крэги простили ему эту дерзость. Но не
 больше.

Край неба пронзительно зазеленел на во-
 стоке, когда пришелец с Чакры Кентавра до-
 брался, наконец, до последнего пролета лест-
 ницы. На несколько секунд он замер, вобрав
 голову в плечи — то ли его обуял последний
 страх, то ли он намеревался дожидаться пер-
 вого луча солнца... Но в следующее мгно-
 венье, решившись, он распахнул дверцу, ве-
 дущую на верхний балкон, прикрыл глаза ру-
 ками, чтобы не видеть многотысячную стаю
 крэгов, планирующих вокруг основания башни
 в ожидании своей жертвы, и, разбежавшись,
 камнем ухнул за низенький парапет — в холод-
 ную рассветную глубину.

С крысиной яростью стая ринулась на него,
 вкладывая в удары когтей и клювов всю свою
 неумную злобу...

А спустя еще немного времени принцесса
 Сэниа, захлебываясь слезами какого-то страш-
 ного, но не запомнившегося сна, открыла гла-
 за, пробудясь внезапно и облегченно. При-
 вычная масса шелковистых перьев одела ее
 голову и плечи, и она увидела себя в своей
 опочивальне замка Муров.

Гаррэль, бледный, как алебастр, застыл на
 пороге.

— А где же... — начала она и осеклась.

Ее возвращение в замок, предупредитель-
 ность ожидавшего ее пробуждения крэга,
 свобода Гэля... Все это могло быть куплено
 только одной ценой — той, которую потребо-
 вали эти крылатые деспоты.

Она не закричала — она была принцессой
 королевского рода владык Джаспера. Она
 только глядела на Гаррэля, юношу с пестрым
 крэгом, и не видела его.

— Принцесса Сэниа, — проговорил он, и это
 не был юношеский голос. — Я беру тебя в
 жены и завещаю никому, потому что ни-
 кто не будет любить тебя сильнее, чем я.

Он отступил на шаг и плотно закрыл за со-
 бой двери. Мона Сэниа услышала лязг меча
 о ножны — Гаррэль из рода Элей встал на
 стражу у ее спальни.

Тайна крэгов

Казалось, ударили рукояткой меча по пу-
 стому шлему. Мона Сэниа проснулась и не-
 сколько минут вслушивалась — не разбудил
 ли непрошенный звук маленького? Но малыш
 посапывал безмятежно и аппетитно, и она не
 стала его трогать. Да и был ли этот звук? На-
 верно, приснилось.

Она спустила ноги с постели, неслышно
 ступая по пушистой шкуре, приблизилась к
 окну. Ее протянутая вперед рука наткнулась
 на массивный серебряный треножник, в углуб-
 лении которого на мягчайшем пуху лежало
 яйцо, созревая в лунном свете. Скоро приле-
 тит крэг, и она полюбуется желтым, как огнен-
 ный опал, мерцанием гляцевитой скорлупы.
 Значит, и птенец, который вылупится через
 пять-шесть дней, будет солнечно-желтым. Че-
 рез пять-шесть дней глаза ее сына впервые
 увидят свет.

Тогда можно будет дать ему имя.

Осторожно перебирая пальцами почти бес-
 плотные пушинки, она медленно подбиралась
 к самому центру мягкого гнездышка, где
 должно было покоиться заветное яйцо. Бли-
 же... еще ближе...

Пустая ямка.

Яйцо исчезло!

Еще доля секунды — и с ее губ сорвался
 бы отчаянный крик, но руки, такие знакомые
 по бессонным незрячим ночам, такие родные
 и такие безнадежно оплаканные, обхватили ее
 за плечи, и для нее перестало существовать
 все, кроме этих рук.

— Сэнни, — говорил откуда-то издали
 голос ее Юрга, — что ты, Сэнни, глупенькая,
 что ты...

Она ощупывала его лицо, совсем как тог-
 да, на корабле, и в какой-то миг ему стало
 страшно, потому что вдруг показалось — сей-
 час она назовет имя Асмур...

И вместо этого он услышал:

— А где же Юхан?

— Нет Юхана, Сэнни... Они с Гэлем под-
 стерегли меня на середине подъема. Там пло-
 щадка такая крытая, помнишь? Опередили,
 поднялись на лифте... Не церемонились — ог-
 лушили. И Юхан пошел вместо меня. Крэги
 не разобрались... А Юхан... Нет его больше,
 Сэнни...

— У нас сын, муж мой. И у него нет еще
 имени.

— Да, — сказал Юрг, отвечая на ее невы-

сказанный вопрос.— Да, Сэнни, конечно! Но у нас считанные минуты, Сэнни, и сейчас самое важное — это...

— Самое важное — то, что наш сын останется без крэга! Яйцо исчезло, и если мы не найдем его или мой крэг откажет нам в милости пестрого птенца... Юрг, наш маленький останется слепым на всю жизнь! Ты не знаешь, что это такое, ты не проводил в темноте дни и месяцы, ты...

Он с трудом прервал этот поток отчаянья.

— Сэнни,— сказал он твердо,— наш сын останется без крэга, вот это я тебе гарантирую. Нашему малышу не нужен поводирь, как, впрочем, и всем остальным новорожденным на Джаспере...

— Что ты говоришь, опомнись!

— У меня нет времени на долгие доказательства, так что поверь мне на слово, Сэнни! Мы с Гаррэлем нашли за это время еще несколько выходов из подземелья, а Кукушонок заблаговременно разузнал, в каких замках появились новорожденные. Я поднимался по ночам в их жилища, и ошибиться я не мог: все дети рождались зрячими! Ты понимаешь, Сэнни, они не слепы от рождения, а становятся такими только тогда, когда на их плечи впервые опускается проклятый крэг...

— Но наши врачи заметили бы...

— Ты забываешь: они видят только то, что позволяют им видеть крэги.

— Но это чудовищно, Юрг! Значит, полторы тысячи лет крэги ослепляли людей, чтобы... Зачем, Юрг? Зачем они это делали?

— Чтобы властвовать. Это сладкая штука — власть, они так объедались ею, что уже мечтали только об одном — о пустынной планете, где не будет ни одного разумного существа, над которым можно было бы властвовать.

— Тогда об этом нельзя молчать ни секунды! Я пошлю свой голос во все уголки нашей планеты, и мне поверят...

— Тебе поверят, принцесса Сэниа, и тогда крэги снова покинут джаспериан. И снова — ужас слепоты, гибели. Нет. Сделаем по-другому. Сначала нужно доставить на Джаспер приборы, которые помогут взрослому населению обойтись без крэгов.

— Через три дня праздник в королевском дворце...

— И я об этом подумал. До его начала ты должна связаться со всеми войнами своей дружины. Но будь внимательна, не начинай разговора, пока не убедишься, что в этот момент у дружинника нет крэга. Иначе — снова провал. Так что у тебя практически две ночи. Как начинается каждый праздник?

— Взрыв голубой музыки и парчовый огонь вполнеба.

— Вот это и будет сигналом к тому, чтобы все дружинники разом перенеслись на Звездную пристань. До этого они должны прибыть во дворец и вести себя как ни в чем не бывало, чтобы не вызвать подозрений. И теперь главное...

В окно пахнуло холодным воздухом, слышалось хлопанье мягких крыльев. Сэниа отшатнулась, загоразвивая собой Юрга.

— Не бойся, это Кукушонок. Он стережет меня.

— Сэниа-крэг возвращается...— слышался тихий голосок пестрого существа.

— Главное, Сэнни, главное: все дружинники должны успеть надеть какие-нибудь скафандры, иначе их крэги вырвутся, и все пойдет прахом. Наглухо застегнутые скафандры, поняла?

— Да, да, уходи, они же ненавидят тебя, уходи...

Дверь за ним захлопнулась. Сэнни почувствовала, как бешено колотится ее сердце. Ноги подкашивались. И все-таки успела — набросила на пустой треножник какое-то подвешенное под руку покрывало. И тут же в окно впрорхнул аметистовый крэг.

И только тогда мона Сэниа поняла, что самое большое мужество потребуется от нее именно сейчас — не кричать, не сорвать с себя это розовоперое чудовище, не растерзать его, как они все поступили с Юханом...

— Спасибо, Сэниа-крэг,— проговорила она, скрестив руки и поглаживая розоватые перья, лежащие у нее на плечах.— Мой маленький стал спать спокойнее, завтра я смогу отпустить тебя на всю ночь.

Крэг, как всегда, промолчал, не снисходя до разговора с человеком.

А впереди всего две ночи, и нужно поговорить с каждым из восьмерых дружинников именно тогда, когда он отпустит своего поводиря купаться и нежиться в лунном свете. Ошибиться, как тогда, в ущелье, нельзя. И переигрывать поздно: через три дня — праздник. Как успеть?..

Но она успела. Голубая музыка пенистыми волнами вскипела и брызнула во все стороны, заливая королевские сады, и полотнище парчового огня взметнулось вполнеба, словно королевское знамя. По этому сигналу восемь юношей одновременно набросили на себя легкие полускафандры, замкнули их, так что крэги невольно оказались прикованными к своим хозяевам, и разом ринулись в ничто, оставляя позади искрящийся весельем праздник. И, ориентируясь на пурпурную вспышку в вечернем небе, аналогичный переход совершили еще трое, одновременно со всеми возникающая на древних плитах Звездной гавани;

1691

Аэлита-88

это были Гаррэль, Юрг и мона Сэниа с крошечным Юхани на руках.

Гэль, укутанный пестрым опереньем, позволил себе крайнюю беспечность — он один из джаспериан был без скафандра.

Его доверие к своему Кукушонку было безмерно.

— Тревоги не было? — крикнула мона Сэниа, обращаясь ко всем сразу.

— Нет, — отрывисто бросил Эрм — один за всех.

Он мог бы сказать, что они находились в разных уголках зеленого лабиринта, заведомо расположившись так, чтобы ни один из самых зорких и подозрительных посетителей праздника не смог заметить исчезновения сразу двоих из дружины Асмур. А то, что какой-то одиночка-оригинал надел скафандр и куда-то сгинул — это не могло потревожить даже самого бдительного из принцев.

Но Эрм не стал этого объяснять, потому что были дороги даже доли секунды. Все понимали, что рано или поздно погоня начнется — и скорее всего рано; похищение моны Сэниа из затерянного ущелья не выходило ни у кого из головы. От россыпи больших и малых кораблей, напоминавших Юргу разнокалиберные дыни, забытые на высохшей бахче, их отделяла только овальная утоптанная площадка — место, откуда стартовал корабль Иссабаста, волею магических карт — а точнее, прихотью крэгов — заброшенный сейчас в какие-то необозримые дали Вселенной. Но и тех кораблей, которые оставались на Джаспере, с лихвой хватало бы на два или три мака.

— По кораблям! — скомандовал Юрг, и все, ни секунды не колеблясь, бросились выполнять его приказ, молчаливо признавая его, пришельца, командором звездной дружины.

Но они успели сделать только один шаг. Упругая волна воздуха, хлесткая и жуткая своей непредставимой скоростью, сбила их с ног, и они покатались по шершавому покрытию Гавани, стараясь зацепиться хоть за какую-нибудь трещину. Им был знаком этот удар — такая волна возникала каждый раз, когда в недопустимой близости выныривал из подпространства какой-нибудь чересчур крупный объект. Они ждали погони, были внутренне готовы к ней. Но это была не погоня.

Потому что прямо перед ними, заслоняя группу резервных корабликов, грозно выросла громада, слепленная из помятых, покореженных и оплавленных шаров. Это был мак, только что вырвавшийся из космических педраг и по нелепой прихоти судьбы вернувшийся на родную планету так некстати.

— Корабль Иссабаста! — вырвалось одновременно из десяти уст.

Доказательств этой догадки не пришлось

долго ждать — корпус центрального корабля треснул, и предводитель дружины, не дожидаясь даже, пока малые кораблики отойдут на положенное расстояние, спрыгнул на землю.

И тут глаза его изумленно округлились: на лиловых плитах Звездной гавани, куда никто и никогда не приходил без надобности, он увидел десяток полулежащих людей, обложенных в легкие скафандры.

Впрочем, нет — двое были без скафандров. Причем один... О, этого одного Иссабаст отличил бы из тысячи, потому что он не только был схож лицом и статью с покойным Асмуром, владельческим эрлом, — этот светловолосый гигант отличался от всех тем, что был без крэга.

— Ко мне, моя дружина! — разнесся над молчаливой пустыней зычный голос Иссабаста. — Нам предстоит еще одна охота! Судьба даровала нам зверя, который вне закона. Затравим же его! Крэг над Иссой, дружина моя, крэг...

Он не успел повторить боевой клич своего рода: ослепительно-белый луч выметнулся, словно из-под земли, откуда-то справа от Юрга и, разрезав вечерний туман, ударил точно на голос. Дымно и тускло зарделся горящий плащ, высвечивая в сумерках контур, медленно теряющий сходство с человеческой фигурой, и только тут до Юрга дошло, что случилось непоправимое — впервые за полторы тысячи лет джаспериан направил на своего земляка запретное лучевое оружие.

— Гэль, остановись!.. — запоздало крикнул он, но Гэль, припав на одно колено, снова прицелился, беря на мушку раскрывающийся люк, и не успел второй дружинник спрыгнуть на долгожданную землю, как белая молния и его превратила в живой факел.

Но на этом момент внезапности был утрачен — трещины разом избороздили причудливую поверхность пузырячатого мака, и оттуда блеснуло сразу несколько разрядов. В паузе, когда чуть подсвеченный закатной луной туман, казалось, еще плотнее прикрыл поле неожиданного сражения, проворные натренированные тела метнулись вниз. Послышался ляг клинков — нет, никто из дружины Асмур, кроме Гаррэля, не посмел применить десинтор.

— Не ввязываться в стычку! — крикнул Юрг, холодея при одной мысли о том, что сейчас будет упущено самое драгоценное — время; оно работает только на дружину Иссабаста, потому что к ней уже наверняка спешит подкрепление, а вот его товарищам ждать поддержки просто неоткуда. — Обходить корабль слева! Короткими перебежками, мы с Гаррэлем пророем!

Слева и справа от него разом вонзились в землю две молнии, послышалось шипенье плавящегося камня. Юрг злорадно усмехнулся: по земным законам он приобретал то, что называлось «правом на самооборону».

Он выхватил десинтор и нажал спуск, целя по ногам.

— Не бойся попасть в своих, командор! — крикнул Гэль. — Скафандры выдерживают разряд!

— Крэг над Иссой!!! — раздался в ответ громовой клич, и, словно в подтверждение того, что они поняли грозящую им опасность, дружинники Иссабаста разом направили свои лучи на тех двоих, которые, как и они сами, не были защищены чудотворной гибкой броней.

Да, к ним спешила подмога, она должна была появиться с секунды на секунду — погоня из королевских садов; но сумеют ли дружинники Иссабаста продержаться до ее прибытия? Юрг и Гэль, продвигаясь зигзагами к россыпи резервных кораблей и ведя непрерывный огонь по людям из мака, отчетливо видели, что и Эрм, и Скюз, и почти все их товарищи уже достигли цели, а защитники прибывшего звездолета мало-помалу выходят из боя — все меньше и меньше молний сверкало из-за его массивного корпуса, все больше крэгов, потерявших своих хозяев, кружилось в вечерней синеве неба. Казалось, уже близка

победа — бегство с этой беспомощной, обреченной планеты, не желавшей самостоятельно искать спасения. Победа — это Земля, куда нужно было добраться вопреки всему, нарушая все законы и уговоры.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.

И когда Юргу показалось, что цена эта уже заплачена, он услышал короткий вскрик Гэля: — Командор! Мона Сэниа...

Он задохнулся жаром всех молний, так и не попавших в него — ведь за все эти бесконечно тянущиеся секунды молниеносного боя он ни разу не подумал о своем сыне и о своей жене.

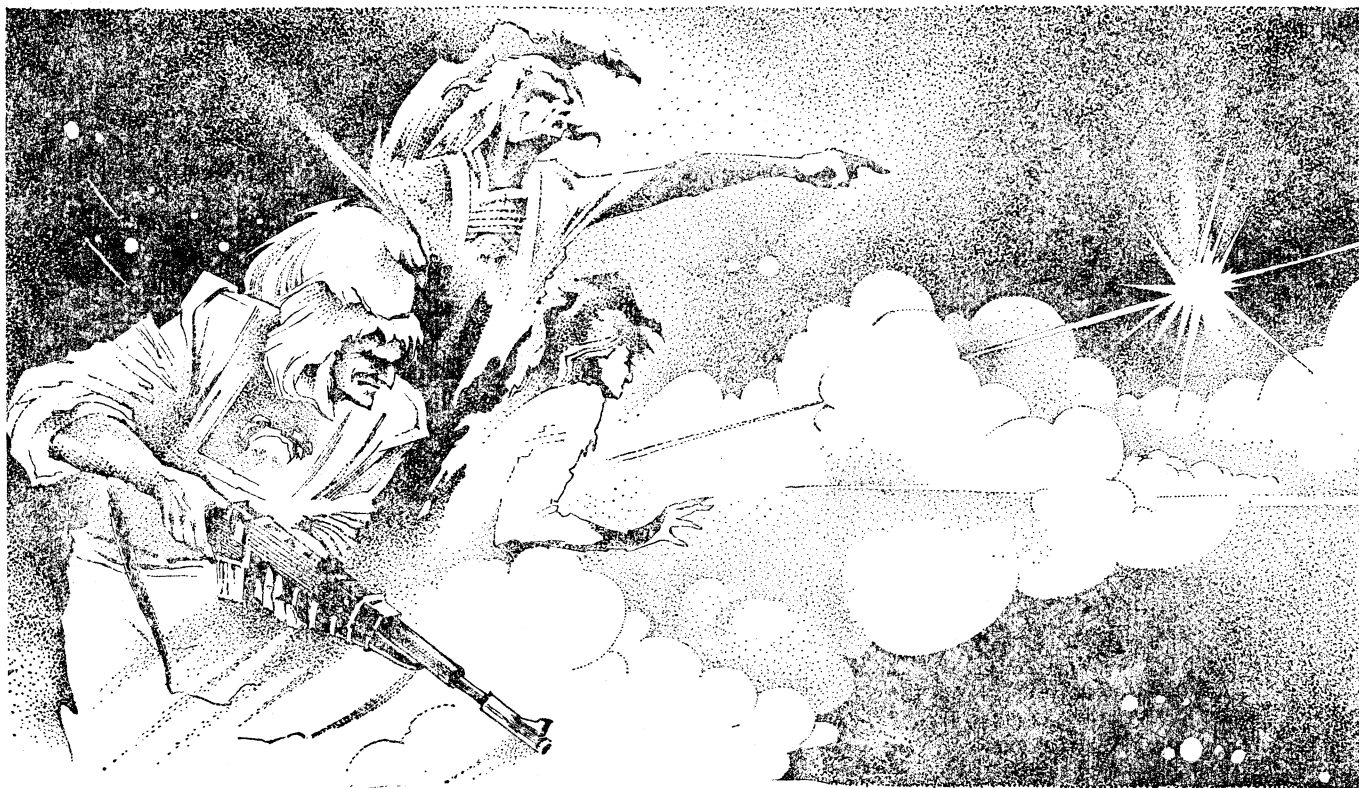
Юрг беспомощно огляделся, пытаясь распознать в коконах одинаковых скафандров знакомые очертанья, но это было невозможно в редких хризантемных выхлопах одиночных разрядов, все еще раздававшихся со стороны мака.

В отчаянии он перекинул калибратор десинтора на непрерывный широкополосный разряд и, вжавшись лопатками в шершавую выщербленную плитку, раскинул над собой гигантский ослепительный веер.

И только тут заметил сзади — ох, как далеко сзади! — что-то бесформенное, копошащееся, бьющееся. Он мгновенно погасил разряд и бросился туда, почти автоматически отмечая, что и Гэль бежит не к кораблям, а к Иссабастову маку, наперехват двум послед-

Аэлига-88

Журнал в журнале

ним трассирующим очередям. Юрг знал, что на этот заслон можно положиться, и теперь все свои силы вложил в скорость — ничего другого не было сейчас важнее: скорости!

Подбегая, он в прерывистом свете редких вспышек увидел мону Сэниа, которая, распахнув свой легкий скафандр, старалась прикрыть им лежащего на земле маленького Юхани, а бьющееся и вырывающееся наружу — это был ее сиреневый крэг, яростно выдиривший крылья из-под непроницаемой пленки да еще и норовивший ударить клювом в лицо.

— Держите крэга! — донесся издалека голос Гаррэля, и краем глаза Юрг успел заметить, что стремительная, гибкая фигура юноши выросла вдруг во весь рост — и исчезла.

И в тот же миг аметистовый стервятник вырвался-таки из своего плена, ударил куда-то наугад и с победным мстительным кличем взмыл в ночное небо.

Юрг стиснул зубы, преодолел одним прыжком оставшиеся метры и схватил Сэнни вместе с крошечным попискивающим свертком, упрятанным под скафандр.

— Брось меня, — услышал он шелест сухих упрямых губ. — Брось, я тебе приказываю! Без тебя они не договорятся с Землей, а я теперь в полете — только обуза...

Он бежал к своим кораблям, уже начав-

(71)

шим сползаться, чтобы образовать единый мак, и старался не слушать ее и не глядеть в изуродованное, залитое кровью лицо. Редкие разряды хлестали по земле то слева, то справа — два последних дружинника Иссабаста до конца выполняли приказ своего командора, но темнота не позволяла им сделать прицельного выстрела.

И Гэль им больше не отвечал.

Юрг подбежал к блестящим громадным шарам, уже спаянным вокруг центрального шатрового корабля, и на секунду замешкался — перед ним была непроницаемая поверхность. Но в тот же миг она треснула, образуя овальную щель, и сразу несколько рук протянулось навстречу командору. Он осторожно передал им завернутую в плащ мону Сэниа.

— Гэль остался там, — хрипло проговорил он, переводя дыхание после быстрого бега. — Кто со мной?..

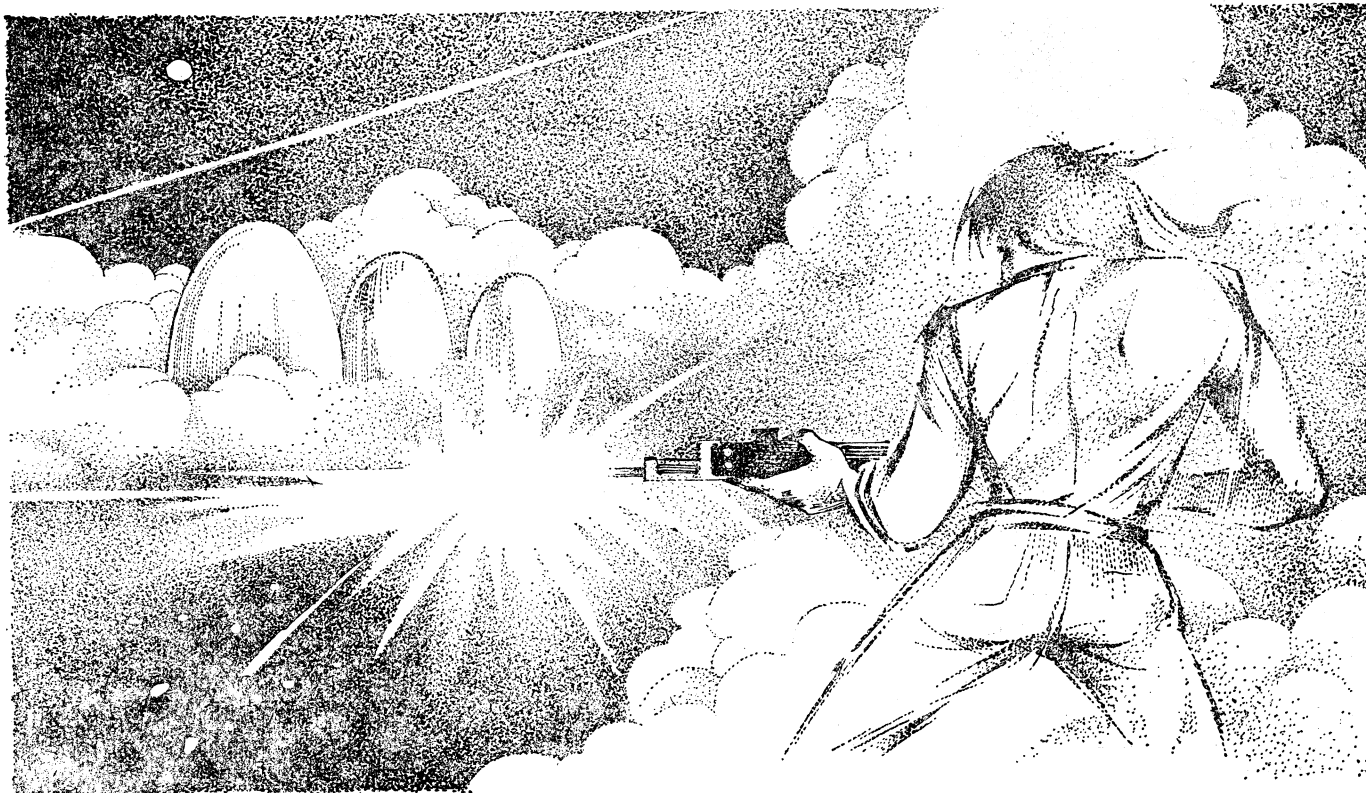
— Командор, мы-то сможем сделать это мгновенно, — возразил рассудительный Борб. — Нужно только точно знать, где он.

— Он бежал к маку Иссабаста, прикрывал нас... Гэль! — крикнул он в темноту, сложив руки рупором.

В ответ протянулась прерывистая очередь, и фонтанчики расплавленного камня брызнули у самых ног Юрга.

— Не так, — прошептала мона Сэниа, вста-

Аэлита-88

вая рядом со своим мужем.— Гаррэль, королевский лекарь, паж мой!..

Это был не крик и не шепот — едва отделяясь от губ, слова исчезали, уносясь в безмолвие раскаленных плазменными разрядами каменных плит и душного тления травы, пробивающейся в трещинах и изломах. Первая луна вставала как раз за кораблем Иссабаста, и голос, посланный в густую конусообразную тень, тонул в ней и не находил ответа...

...Что-то коснулось помертвевшей щеки, и Гаррэль открыл глаза. Жгучая, нестерпимая боль полоснула по ногам, и ему пришлось отключиться от всего — зрения, слуха, обоняния — лишь бы задавить эту боль, затянуть ее в тугий пульсирующий узелок, не дать ей овладеть всем телом и сознанием... Удалось. Тогда он снова глянул вверх и прямо над собой увидел плавно кружащегося в вышине розового фламинго. «Гаррэль, паж мой!.. — снова коснулось его щеки. — Где ты, пошли мне свой голос!»

Он попытался приподняться на локте, и снова нечеловеческая боль бросила его обратно, на шершавый холодный камень. Но главное он успел увидеть: там, где эта боль возникала, не было ничего, что могло бы болеть. Вместо ног в пульсирующем свете одиночной пальбы он увидел только запекшиеся, обожженные обрубки.

И тогда в какую-то долю секунды он понял, взвесил и решил все разом.

И то, что его принцесса жива, но ее крэггу удалось вырваться, и теперь он ни за что на свете не вернется к своей владелице.

И то, что она, прекраснейшая в мире, никогда не бросит и не предаст своего пажа, своего лекаря, и всю жизнь будет опекать его и держать рядом с собой — жалкого калеку, который до скончания дней своих будет слышать собственный голос, когда-то произнесший невероятные слова: «Я, Гаррэль из рода Элей, беру тебя в жены и не завещаю никому...»

И еще он понял, что промолчи он еще секунду — и они все, уже собравшиеся в своем маке и готовые в любой миг покинуть планету, ринутся вместо этого в черную тень, под выстрелы, навстречу погоне.

Навстречу гибели.

И это будут его звездные братья. Его командор. Его принцесса.

Он собрал остаток сил, и голос его, одновременно мужественный и юношеский, разнесся над Звездной гаванью:

— Принцесса Сэниа! Я, твой паж и королевский лекарь, был верен тебе до последнего дыхания и не думал, что когда-нибудь попрошу за это награду... А теперь я прошу тебя...

174

Он перевел дыхание, и страшная тишина распростерла свое покрывало над ночными просторами Джаспера. Даже те двое, что еще стреляли наугад, укрывшись за Иссабастовым маком замерли, опустив оружие.

— Принцесса! Поклянись мне, что ты исполнишь мою просьбу!

— Клянусь... — пронеслось над опаленными плитами и коснулось его холодеющего лба.

— Тогда прими мой прощальный подарок и улетай немедленно. Я остаюсь здесь. Не отвечай ничего... прощай!

Холодная струя ночного воздуха пахнула в залитое кровью лицо моны Сэниа вместе с этим последним словом, и она почувствовала, как мягкие, невесомые перья одевают ее плечи. И, еще ничего не видя, она догадалась, что это был за прощальный дар.

Гаррэль из рода Элей отослал ей своего Кукушонка и оставался здесь, чтобы умереть в темноте и одиночестве. Он сам просил об этом, и она поклялась выполнить его просьбу.

И только одного она не смогла — не ответить ему.

— Гэль, паж мой! — донесся до него горестный голос, обращенный к нему одному. — Я, принцесса Сэниа королевского рода владык Джаспера, повинуюсь тебе... Прощай!

И наступила тишина, в которой не было больше даже дыханья. Только зловонное шипенье вновь проснувшихся перегретых десинторов.

Звездный корабль командора Юрга исчез, устремившись к запрещенной звезде — Чакре Кентавра.

И тогда, превозмогая ужас перед бесконечностью темноты, которую уже ничто не могло прервать, Гэль заговорил, посылая свой голос в вечнозеленые лабиринты королевских садов и твердо зная, что пока он говорит, ни один джасперианин не двинется в погоню; а когда силы его иссякнут и он замолчит, многие еще подумают, стоит ли догонять беглецов... И он говорил:

— Братья мои, с вами говорю я, Гаррэль, младший сын Элей, умирающий в темноте. Слушайте меня, ибо я открою вам тайну крэггов. Люди зеленого Джаспера! Когда-то ваши предки были свободны, могучи и мудры, повелевая мирами и крэгами... Но несчастье обрушилось на нашу планету, и вместо того, чтобы бороться с ним, вы предпочли стать рабами крэггов и дарить им целые планеты в награду за собственное рабство. Сейчас, хотите вы этого или нет, владычеству крэггов приходит конец. Жаль, что не своими руками добьемся мы этого... Но хотя бы помогите отважным людям с далекой звезды, которую

Аэлига-88

вы называете Чакра Кентавра, а следует называть — Солнце... Один из них уже отдал свою жизнь за то, чтобы вы стали свободными.

Он услышал у себя над головой свист расправленных крыльев и понял, что крэги пытаются разглядеть его в туманной темноте. Как только луна поднимется над маком Иссабаста и ее лучи осветят тело, неспособное даже уползти в тень, они растерзают его — так же, как у него на глазах расправились с Юханом.

И все-таки он продолжал:

— Братья мои! Перестаньте быть рабами, носящими пышные титулы. Вспомните и поймите, что вы — не эрлы и графы, таны и принцы, а инженеры и ученые, вычислители и врачи, биологи и астронавигаторы. Это поможет вам преодолеть слепоту, даже если крэги снова предадут вас. Но не бойтесь за своих детей, не бойтесь за будущее Джаспера: ведь тайна крэгов в том и состоит, что все дети рождаются зрячими! Они приходят в мир, чтобы видеть его собственными глазами, и только...

Страшный удар обрушился на его голову — аметистовый крэг, сложив крылья, камнем упал на его голос, рискуя разбиться о плиты Звездной гавани.

Но он не промахнулся.

Несколько секунд они еще жили — то, что осталось от человека, и то, что недавно было сиреневой птицей.

Затем человеческого дыханья не стало слышно. Опередил его крэг или отстал на несколько мгновений — никто не смог бы сказать.

Ведь крэги не дышат.

— Мы ушли на достаточное расстояние? — спросил Юрг, прижимаясь лбом к черному иллюминатору, занимавшему всю середину пола.

Незнакомые созвездия роились под ним, очаровывая и пугая своей реальностью.

— Мы никогда не уйдем достаточно далеко, — отвечала мона Сэниа, полулежавшая рядом с ним на подушках и поддерживавшая одной рукой забинтованную голову. — Мы уже в твоём созвездии, но нас могут догнать и здесь, ведь для перехода через ничто расстояние не существует. Я и так не понимаю, что сдерживает погоню... В любую секунду они могут начать выныривать прямо здесь, в центральной каюте корабля.

— А почему не в малых?..

— Какой ты недогадливый! Там слишком тесно, можно при выходе совместиться с другим человеком или предметом. А здесь вон

(73)

сколько простора. Любой джасперианин может отчетливо представить себе эту каюту, а ничего другого и не требуется...

— А мы можем оставить этот сектор здесь и двигаться дальше без него — соединив в кольцо остальные корабли? Один-то из них, кстати, все равно пуст!

Она смотрела на него округлившимися от изумления глазами. Потом стремительно вскочила на ноги:

— Черные дали! Что значит консервативность мышленья... Мне и в голову это не пришло. Скорее в каюту Гэля!

Она бросилась вон из шатровой каюты, увлекая за собой Юрга. Короткий приказ, легкое покачивание пола под ногами, кажущееся таяние стен, становящихся прозрачными — и внезапно Юрг увидел себя внутри одного из девяти золотистых мыльных пузырей, прилипших друг к другу и замыкающихся в скалочное кольцо.

А чуть левее и ниже призрачно светился такой знакомый, причудливо расписанный нежными перламутровыми красками шарик — его Земля.

— Теперь мы можем не спешить, — проговорила мона Сэниа смертельно усталым голосом. — Те, кто попытаются нас догнать, очутятся в пустом яйце, висящем за сотни миллионов миль отсюда. Смотри и выбирай, куда ты хочешь спуститься, командор. Мы у цели...

Голос ее дрогнул и прервался. Благодаря счастливой выдумке Юрга можно было теперь не опасаться погони. И непомерной для узеньких женских плеч тяжестью навалилось на Сэнни воспоминание о тех, кому уже никогда не суждено было этой цели достигнуть.

Сначала — Асмур, затем — Юхан, теперь вот — Гэль.

Юрг смотрел на хрупкую фигурку жены, прижавшуюся к золотистой прозрачной стене. Нет, не новую диковинную планету разглядывала Сэнни — она просто прятала свои слезы: каким бы ни был повод для горести, принцесса Джаспера не могла плакать при посторонних. И спуститься вниз вот такой, истерзанной горечью воспоминаний, она тоже не могла, потому и просила не спешить. Он угадал, он каждой клеточкой своего тела почувствовал остроту ее скорби и невольно вспомнил ту счастливую ночь, когда они спорили: на Земле или на Джаспере любят сильнее...

Горе утраты — оборотная сторона любви. Он бесшумно приблизился и осторожно снял с ее плеч пестрое живое покрывало.

— Будь другом, Кукушонок, — попросил он, — присмотри за Юхани.

Кукушонок послушно скользнул в угол, где на свернутом плаще безмятежно сосал палец наследник двух планет, и опустил в изго-

ловьи, заботливо оглядывая младенца, но не касаясь его даже кончиками перьев.

Сэнни не обернулась, продолжая невидящим взглядом смотреть туда, где мягким светом сияла Земля. Юрг наклонился и бережно обнял жену, словно укутывая и пряча ее от всей Вселенной. Прижался щекой к ее теплым волосам — и все-таки не удержался, поверх ее головы засмотрелся на пышный ковер каракумского разнотравья.

— Мы не будем торопиться, Сэнни, маленькая моя, — зашептал он, чувствуя, как под его губами шевелятся, точно живые, прядки ее волос. — Мы дождемся вечера и тихо опустимся на сказочную равнину, которая когда-то была пустыней, а теперь зеленее и душистее самого Джаспера... Хорошо?

— Да, — еле слышно донеслось до него. — Да...

— Красноногие аисты, заночевавшие здесь на своем пути к северу, будут при виде нас закидывать головы на спину и щелкать клювами... Но ты их не бойся.

— Нет, — отвечала Сэнни. — Нет...

— А потом подойдут джейраны, хлебаца попросить, только вот у нас нет человеческого хлеба — но не беда, правда?

— Правда, — соглашалась она. — Правда...

— А потом за нами прилетят, — говорил он, радуясь, что стихает горестная дрожь, бившая ее маленькое тело. — За нами прилетят, и мы увидим Землю совсем вблизи, если, конечно, облака не помешают — ишь, ползут с юга, точно белая мохнатая шкура...

— Я думала, это снег...

— Нет, это низкие облака, они к вечеру...

Он вдруг осекся — горло перехватило.

— Откуда ты знаешь — про облака?

Она не ответила.

— Ты... видишь?

Голова под его щекой едва уловимо дрогнула в коротком кивке.

— И только тогда, когда я вот так — с тобой?

Снова тихий кивок.

Он должен был ощутить буйную радость, а вместо этого его охватил цепенящий ужас. И отвращение — к себе самому.

— Значит, — проговорил он, едва ли не заикаясь, — я для тебя — все равно что...

Он не мог даже произнести этого слова.

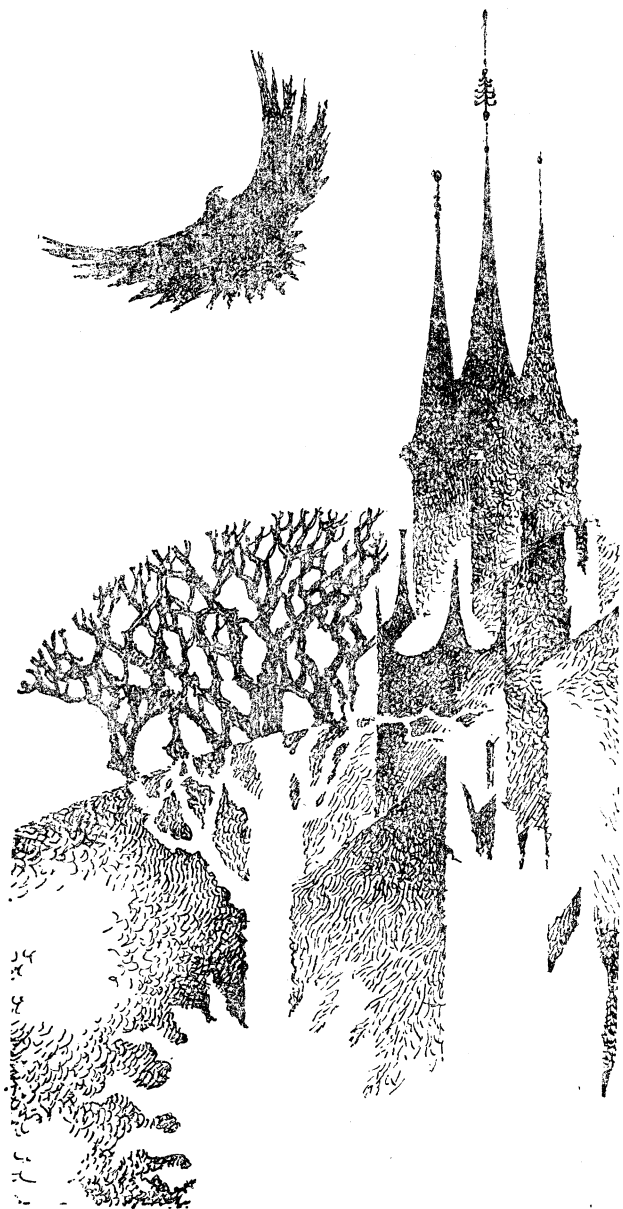
И тут странный, прерывистый звук, напоминающий клекот орленка, донесся из угла. Юрг в недоумении обернулся и вдруг понял, что впервые в жизни — а может быть, и вообще в истории Джаспера — они слышат, как смеется крэг.

— Сэнни, — прошептал он, обхватывая голову руками и садясь на пол. — Сэнни и ты, Кукушонок, простите меня, дурака...

Она порывисто повернулась и гибким, точ-

ным движением спустилась на колени рядом с ним.

— Как же ты сам не догадался, муж мой, — проговорила она, и Юрг подумал о том, сколько же дней и месяцев он не слышал, чтобы у нее был такой счастливый голос. — Как же ты сам не понял, что иначе и быть не может! У нас ведь теперь все на двоих: и сын, и зрение, и неразделимость самой жизни...

Александр ЧУМАНОВ

16 КОПЕЕК

Хорошо, что прекрасные данные обнаружилась у Фомы в раннем детстве. А то ведь очень часто получается так — талант дрыхнет себе безмятежно долгие годы и просыпается, когда золотое времечко безнадежно упущено, а талант уже и вовсе не талант, а лишь пустая докучливая претензия. С опозданием узнав о наличии таланта, человек узнает, что он — неудачник. А так жил бы и жил, как все, ощущая от жизни приятность и моральное удовлетворение.

А у Фомы все удачно сложилось. Он еще в детсад тогда ходил. Раньше-то, пожалуй, божий дар никогда ни у кого не проявлялся. Даже у признанных гениев.

Воспитательница тогда детей как раз на прогулку вывела. А в это время какой-то наружный ремонт шел. Фасад, что ли, ремонтировали. И один небольшой кирпич возьми и упади на голову мальчика. Мальчик, конечно, без памяти свалился.

Что тут было, нетрудно представить. Воспитательница в крик, в слезы, в истерику. Естественно, хоть и не она прямая виновница несчастного случая, а все ж таки. Мало ли, как могут дело повернуть. Детишки, видя такое положение, тоже солидарно заревели. Перепуганные строители сбежались. Прораб так тот вообще белый прибежал. Ему-то уж точно тюрьма, если что.

А малыш полежал сколько-то минут и открыл глаза. И встал сам, без посторонней помощи. Врача, конечно, все равно вызвали. Мзлю ли что. Врач осмотрел ребенка, но ничего, кроме небольшой ссадины, не обнаружил. Ссадину смазали зеленкой, и она засохла. И все же врач принял решение госпитализировать Фому на несколько дней. Чтобы как следует обследовать. Но и при углубленном обследовании никаких отклонений не обнаружилось. Даже легкого сотрясения мозга. Мальчик был весел, любознателен, резв, как обычно. Так что зря воспитательница ушла из садика навсегда и прораба сняли с должности. А может, и не зря. История как-никак получила определенную огласку.

(75)

Через несколько дней в детсад прискакали какие-то люди на черной «Волге», представились ответственными работниками. Их интелесовал кирпич, упавший на голову Фомы, а также высота, с которой этот злополучный кирпич летел. А больше ничего не интересовало. Они сразу успокоили заведующую. Нет-нет, мол, не из прокуратуры, не из милиции, не из суда, не из Госстраха. А совсем из другого места. И успокоенная заведующая довольно быстро разыскала кирпич и разузнала у строителей, откуда он свалился. Ответственные работники замерили рулеткой высоту падения, взвесили кирпич на точных весах, что-то там перемножили, радостно заулыбались, пожали друг другу и заведующей руки и по-быстрому уехали.

В тот же день вечером, когда мама забрала Фому и направилась к трамвайной остановке, у детсадовской калитки опять тормознула уже знакомая «Волга». Из нее вышел толстый потный мужчина и загородил женщине с ребенком дорогу.

— Эдуард Александрович, — представился мужчина, — тренер школы олимпийского резерва. Здравствуйте!

Мать удивилась, но тотчас представила себя и сына. Она, может, подумала, что это опять в связи с тем случаем. И не ошиблась. В принципе. Однако мужчина спрашивать о самочувствии мальчика ничего не стал. Он уже все, что нужно, разузнал в больнице, а материнские субъективные впечатления его мало интересовали.

— Прошу в машину, мы вас подвезем и в дороге побеседуем, — любезно пригласил Эдуард Александрович. И мать, конечно, согласилась. А кто откажется?

Но решить все с маху в машине не удалось. Женщина еще не окончательно успокоилась после недавних переживаний. А тут такое предложение. Да и требовалось еще посоветоваться с отцом.

В ту пору вид спорта, который назывался найсхадом, был еще слабо развит в нашей стране. Совсем почти не развит. А его — хлоп — и причислили к олимпийским. А у нас одни разрядники да теоретики. И не из кого составить команду. Ну, согласитесь, разве можно мириться с таким положением вещей? А желающих овладеть новинкой было достаточно. Особенно среди тех, кто в других, более традиционных спортивных дисциплинах уже достиг своей личной вершины. А всемирная вершина располагалась несколько выше. Чуть, казалось, выше, а не достать. Потому что в спорте все решают секунды, сантиметры и граммы. Это же трагедия, если человек шел-шел к сияющей вершине и в самом, можно сказать, конце застрял. Остается одно — попытаться перепрыгнуть на соседнюю возвы-

Аэлита-88

шенность. Потому что возвращаться назад, к самому подножью, чтобы остаться там до конца своих дней, не хочется. Так не хочется, что хоть плачь.

И главное, в найсхаде с виду все было просто. Лишь бы голова была на плечах. И хорошо держалась, и была крепкой. С определенной высоты один из судей бросал на голову спортсмена пудовую гирику специальной формы. А спортсмен гирику ловил. Головой, понятно. Если получалось нормально, высоту увеличивали. И тут самым важным было вовремя остановиться. Потому что голова, случалось, не выдерживала. Но и раньше времени сходить с дистанции не следовало. Слишком осторожным чемпионский титул не светил. Словом, спорт как спорт. Спорт сильных, ловких и смелых. Трус ведь не играет в хоккей. Найсхадом он тоже не занимается.

В общем, тот, кто переметнулся из других видов спорта, высоких результатов показать не мог. Он годился лишь на то, чтобы заткнуть прореху в спортивных заявках. Конечно, если всерьез думать, что главное в спорте не победа, а участие, тогда ладно. Но какой спортивный руководитель и где повторяет сейчас этот лозунг искренне, покажите мне? А-а-а! То-то.

Так вот и возникла школа олимпийского резерва по найсхаду. И поскольку Фоме на другой год предстояло пойти в школу, то его родителям и предложили вариант.

Семейный совет при участии Эдуарда Александровича с правом совещательного голоса протекал довольно бурно. Тренер вовсю пользовался своим совещательным правом и, пожалуй, не давал никому рта раскрыть. И если маму удерживали от окончательного положительного решения опасения за жизнь и здоровье ребенка, то папу мучили чисто нравственные соображения.

Папа относился к спорту как к явлению в целом отрицательно. А порой даже очень отрицательно.

— Кого вы растите? — ехидно спрашивал он тренера.

Но тренер слышал подобный вопрос не впервые и был капитально подкован.

— Гражданина и патриота, в первую очередь, — отвечал Эдуард Александрович, — нравственно и физически здорового человека, способного решать большие задачи современности.

Аргументы выглядели неоспоримыми, хотя и несколько высокопарными для нашего времени. Отец Фомы, конечно, не был так подкован, но его вдохновляли опасения за судьбу единственного сына.

— Красивые слова, — возражал он небрежно, — но это только слова. А на деле вы воспи-

тываете моральных уродов, с детства избалованных вниманием, почетом и незаработанными благами. Уверенных, что физические данные важнее умственных. А говоря проще: «Сила есть — ума не надо». Да разве мы страдаем, если не выставим сильной команды по этому вашему найсхаду?

— А вы радуетесь, когда наши ребята побеждают канадских профессионалов? — подкидывал каверзный вопрос тренер.

И отец, как честный человек, не осмеливался соврать. Правда, было одно сомнение, не относящееся к данному спорту. Насчет любительства наших хоккеистов.

— В двадцать лет у него будет всё, — обращал взор к матери Эдуард Александрович, — он объедет весь мир, поступит в любой вуз, а в более отдаленном будущем сможет без помех продолжить образование. Уйдя из спорта по возрасту, а я не скрываю, что это обязательно случится рано или поздно, он будет человеком с хорошей материальной базой, отменным здоровьем. Молодым, заметьте, человеком! И, наконец: «О, спорт, ты — мир!»

И жена уже глядела на мужа умоляюще.

Они вышли в спальню для принятия окончательного решения, а Эдуарда Александровича с собой не взяли.

— Пусть хоть сыночку бог даст счастья! — шептала жена.

— Да разве в этом счастье, счастье в том, чтобы преодолевать трудности! — неубедительно сопротивлялся муж.

— У него будут трудности...

— Да разве это я имею в виду...

— Ты совсем не любишь нашего Фомушку, я так и знала! — додала жена мужа запрещенным приемом.

И он уступил. Это ведь часто так бывает, что человек искренне отстаивает какие-то идеалы, пока соблазн поступиться этими идеалами не касается его самого.

Словом, в первом классе Фома уже брал метр. А во втором метр восемьдесят. Он мог бы, наверное, брать и больше, но ему пока не разрешали, перво-наперво надо было отбатывать технику, а рекорды не уйдут. Постепенно у него на голове стало образовываться специальное углубление для того, чтобы гирига с головы не скатывалась. Потому что, когда она скатывалась, результат не засчитывали. Это одна из причин того, что пришедшие в найсхад с опозданием не могли достигнуть значительных результатов. У них эта лунка для гири формировалась плохо.

А с виду Фома был вполне обычным мальчиком, красивые волнистые волосы хорошо маскировали углубление, занятия другими спортивными дисциплинами закалили его, сде-

лали невосприимчивым к болезням и стрессам.

Он хорошо учился в школе и даже где-то в классе седьмом здорово увлекся математикой. Но тренер вовремя обратил внимание на это вредное для спорта увлечение, и математика не успела заметно отразиться на спортивных показателях юного дарования.

В восьмом классе Фома впервые ездил на международные соревнования, и, хотя вошел пока лишь в первую десятку сильнейших найскадистов мира, настоящие специалисты поняли, что у мальчика блестящее спортивное будущее.

Он привез с соревнования всякие заморские штучки, в том числе сигареты для отца и помаду для матери, чем очень растрогал предков.

— А ты помнишь, чего там каркал насчет моральных уродов? — резниво припомнила мать.

— Да, признаю, ошибся, — охотно соглашался отец, — у нашего Фомы оказался большой врожденный запас моральной прочности.

Отец имел в виду свою наследственность.

— А может, и не врожденный, — сомневалась мать, — может, им все это в школе прививают.

— Тоже не спорю, — снова соглашался отец.

Он, надо сказать, давно уже усвоил аргументы Эдуарда Александровича и пользовался ими, как своими собственными, выстрадаанными. Все шло хорошо.

Мальчик должен был калорийно питаться, и ему выдавали для этого всякие талоны, которые мать отоваривала в специальном магазине. Хватало и мальчику, и родителям.

Дали большую новую квартиру в центре. Помогли с машиной, с дачей.

— Спорт — это хороший бизнес, — довольно говорил Фома.

И эти слова нисколько не шокировали родителей. Разве отца немного. Спервоначалу. «Это возрастное», — утешался отец.

В десятом классе Фома привез с чемпионата мира серебряную медаль. Он уже брал четыре метра и до рекорда мира оставалось совсем чуть-чуть. Он сам стал ездить на машине, у него появилось много знакомых девушек. Фома часто уезжал с ними на дачу и возвращался лишь под утро. Но это случалось хотя и часто, но довольно редко.

— Мой талант — это народное достояние, и я не имею права губить его ради сомнительных удовольствий, — говорил он важно.

«Серьезный человек вырос, — радовался отец, — весь в меня. С государственным мышлением».

177

Фома не курил и не употреблял спиртное, хотя любил угощать всем этим друзей и по-друг. Впрочем, настоящих друзей у него не было. Он всегда держал дистанцию между собой и ими, не чемпионами. Случались изредка в его компании молодые писатели, артисты, художники. Но чем они могли заслужить внимание и уважение выдающегося спортсмена? У них все было в будущем, да и было ли — еще вопрос. И они исчезали так же незаметно, как и приходили. Фома жил счастливым настоящим.

Нынешние, лишённые предрассудков девушки даже на улице не давали прохода Фоме. Его несколько туповатую личность с лихвой компенсировали изысканные манеры. Не столько изысканные, сколько раскованные. Ну и слава, конечно.

После школы Фома побил мировой рекорд. Низложил прежнего фаворита. Как говорится, рекорд умер, да здравствует рекорд!

После окончания школы Фома стал студентом какого-то престижного университета. Он мог бы устроиться в институт физкультуры, но хотелось и дальше лично возглавлять какую-нибудь турнирную таблицу. Может, в науке?

Молодежные газеты печатали интервью с Фомой на первых полосах. И любили задавать разные глобальные вопросы. О смысле жизни, например. О любви и дружбе. О порядочности. Неизвестно, что отвечал чемпион дословно. Но судя по напечатанному, отвечал весьма толково. Мудро и идейно. И нестандартно.

А иначе и не могло быть, мало разве талантливых ребят обретается по редакциям в надежде на счастливое будущее.

Одна газета даже опубликовала дискуссию, в которой участвовали два человека. Фома и один академик. А что, нормально, великий спортсмен и великий ученый интеллигентно заспорили на, конечно же, глобальную тему. И родили совместную истину на радость читателям.

Спортивная волна донесла Фому до кандидатской степени и схлынула. Фома оглянулся на схлынувшую волну и ненадолго огорчился. Но лишь ненадолго. Впереди была целая жизнь.

Он женился на женщине тихой-тихой. Смирной-смирной. Трудолюбивой и верной. Занял хорошую должность. Углубление на голове постепенно заровнялось. То ли мозгами, то ли костью. А что, может быть, и мозгами, чего улыбаетесь.

Должность попала настолько хорошая, что пропал всякий смысл дальше закапываться в науку. Фома был работником такой пробивной силы, что одного этого качества хва-

Аэлита-88

тило ему на всю жизнь. Его ценили чрезвычайно высоко.

Фома вырастил детей, выучил их в таких школах, где когда-то в древнюю эпоху сдělали из обезьяны человека. Причем этой обезьяне даже и трудиться особенно не пришлось. И, конечно же, дети тоже прекрасно обосновались в нашей жизни.

И однажды, уже на старости лет, Фома случайно забрел в булочную. Совсем случайно и впервые. И с удивлением узнал, что буханка простого хлеба, называемого почему-то обойным, стоит шестнадцать копеек.

Он хотел ради хохмы купить сто буханок, тысячу, миллион буханок. Но в магазине столько не было. И Фома не купил ничего.

Лев КУКЛИН

ЗАПОВЕДНИК

— Завтра мы с тобой полетим в Заповедник! — торжественно сказала Мать. — Я наконец получила разрешение. И я покажу тебе Цветок...

— Цветок? — оживился сын. — Разве в Заповеднике живут... эти самые цветочки?

— Цветы? — поправила Мать, засмеявшись. — Нет... Они там... не живут. Они — растут. И строго охраняются Законом.

...Цветок был неопиcуем и не походил ни на один предмет, с которым приходилось сталкиваться Сыну за его долгую десятилетнюю жизнь.

— Он — белковый? — деловито спросил Сын. — Его — едят?

— Нет... Это... это не едят. — Мать обеспокоенно покрутила головой на тонкой шейке, похожей на стебелек цветка. — Это считается красивым.

— Красивым? Что такое «красивый»? — удивился Сын. — Это полезно?

— Не знаю... — смущенно призналась Мать. И повторила: — Это считается красивым. Поэтому в Заповедник так трудно попасть. Красота — она и есть Красота.

(78) — Что такое Красота? — требовательно переспросил Сын и бесшумно заскользил чуткими пальцами по кнопкам своего персонального мини-компьютера. — Оно передает какую-нибудь информацию? По какой программе?

— На Цветок нужно просто смотреть, — пояснила Мать. — Так делают все...

Сын склонил голову набок и прислушался. Но Цветок был неподвижен и не проронил ни единого звука.

— Видишь: он состоит из пяти одинаковых частей... там, наверху, — деликатно показала Мать. — Они называются: ле-пест-ки!

— Ле-пест-ки? — фыркнул Сын. — Смешное словечко! Где ты его выкопала?

Мать с гордостью сказала:

— Я посмотрела в справочнике!

— Интересно, как его окрашивают? — вдруг забормотал Сын. — Совершенно необычное разложение спектра...

И еще раз взгляделся в удивительный венчик из пяти одинаковых лепестков, изысканно выкроенных неведомым дизайнером.

— А знаешь... он, пожалуй, похож на старинный микрофон, — бледно улыбнувшись, неожиданно сказал мальчик. — Я помню передачу по видуку... Уникальная музыка двадцатого века...

— Да... — вздохнула Мать. — Это было очень давно... Говорят, раньше этих цветов было много. И таких, как наш, и других. Самые разные! И они росли свободно... Даже в этих самых... старых... Ага, вспомнила! В садах и парках...

— Вранье! — равнодушно откликнулся Сын.

Мать сделала инстинктивный древний защитный жест: беспомощно пожала плечами.

Взлетая, Сын еще раз взглянул на Заповедник: небольшой силиконовый купол, зажатый среди небоскребов, под которым жил непонятный ярко-красный Цветок. Внизу было видно, как извивалась огромная очередь желающих попасть в Заповедник.

«ЗАГОВОР.87»

Отчет перед читателями о поездке в Брайтон
члена редколлегии «Уральского следопыта» А. Стругацкого

С 27 августа по 1 сентября 1987 года в английском приморском городе-курорте Брайтоне (час езды на электричке почти напрямую на юг от Лондона) состоялся так называемый Конвент мировой научной фантастики — 45-й по счету.

Конвент не является постоянно действующей организацией. По сути дела, это съезд энтузиастов-любителей фантастики со всего мира, организуемый, как правило, группой крупных издателей фантастики в довольно откровенных целях пропаганды и распространения своей книжной продукции. Принять участие в таком Конвенте может любой желающий, внесший в кассу Конвента 30 фунтов стерлингов. Естественно, проезд туда и обратно, а также содержание на время Конвента (оплата жилья и питания) идет за счет такого желающего. Руководство Конвента, как я понял, только бронирует участникам места в гостиницах.

Ядром Конвента является группа издательских работников и более или менее известных писателей-фантастов. На нынешнем Конвенте это было несколько десятков человек, а всего участников съезда около пяти тысяч. (Примечание: первый Конвент состоялся накануне второй мировой войны, в нем участвовало около 400 человек и около десятка издателей и писателей.)

На Конвент приглашаются несколько почетных гостей, которые пребывают там на полном иждивении Конвента. На нынешний, 45-й Конвент такими гостями были приглашены: Дорис Лессинг — почти неизвестная у нас, но чрезвычайно популярная в Англии писательница; Альфред Бестер — писатель-фантаст, довольно хорошо известный нашим любителям (он в Брайтоне не присутствовал по болезни); Аркадий и Борис Стругацкие — очевидно, известные не только читателям «Уральского следопыта»; от кино — режиссер Рэй Харрихаузен и артист Джим Бёрнс; от фэнов — супруги Джойс и Кен Слейтеры, Дэйв Лэнгфорд. Представительство от всех почетных гостей известный писатель Брайан Олдисс.

Очень смешно (как нам показалось), что «прозвищем» 45-го Конвента было объявлено выражение: «Конспирэси-87». Понятно, почему «87», но почему «Конспирэси», что по-русски означает «заговор»? Оказывается, шутка. Взят первый слог от слова «Конвент» и образовано от него «ударное слово». Я задал вопрос нашему хозяину, руководителю известного издательства «Голланц» Малькольму Эдвардсу:

— А не привлечет ли такое вызывающее название внимание Интеллидженс сервис?

Малькольм небрежно махнул рукой и ответил:

— А! Они уже привыкли. И без нас хлопот полон рот.

По сути дела весь Конвент представлял собой непривычно (для нас) огромное, шумное и несколько безалаберное шоу. Все друг с другом встречались, все друг с другом разговаривали (язык Конвента был английским), и что самое поразительное — все чувствовали себя как дома. Еще более поразительно — все, как нам показалось, понимали друг друга с полуслова.

Кроме англичан и американцев съехались в Брайтоне фэны из Японии, ФРГ, Польша, Чехословакия, Югославия. Был даже тамилец с Цейлона (Шри Ланка); арабы, негры,

мулаты, метисы. Поражала и бодряще действовала простота в обращении, простота в одежде, удивительная неприхотливость в бытовых условиях. И еще жадный, неподдельный интерес к происходящему, а также неутомимое, чистосердечное стремление не только принять участие в как можно большем числе мероприятий, но и оказывать посильную помощь устроителям Конвента. Как я понимаю, Конвент проходил чрезвычайно организованно, хотя штатных организаторов (платных) было очень мало и заняты они были главным образом обслуживанием почетных гостей и вообще «взрослых» участников Конвента.

Мероприятия (которые язык не поворачивается называть «мероприятиями»):

Великолепный костюмированный бал, куда практически не допускался никто из участников Конвента, не облаченный в костюм какого-нибудь популярного героя из фантастических фильмов, комиксов, мультяшек.

Публичные интервью, когда кто-нибудь из руководителей Конвента в присутствии 300—400 любителей интервьюировал известного писателя, режиссера, актера и т. п. Многочисленные просмотры кинофильмов.

Многочисленные «партии» — неформальные вечеринки в залах, барах, а то и просто в номерах гостиниц.

И так далее.

Для нас с Борисом Натановичем «гвоздем» всего Конвента была гигантская выставка-распродажа НФ литературы. Представьте себе несколько залов, каждый из которых не уступает по величине большому залу свердловского ДК автомобилистов (хорошо знакомому участникам ежегодного праздника — вручения приза «Аэлита»). Да что там «не уступает» — вдвое больше, это настоящие ангары, гигантские двухсветные помещения, в которых расположились бесчисленные прилавки и полки, битком забитые сотнями тысяч, а может, и миллионами книг (все на английском языке). И не только книг. Здесь журналы, сборники комиксов, настольные игры с НФ тематикой... Несколько прилавков с сувенирами: куклы, куколки, куклица, изображающие популярных героев книг, фильмов и комиксов.

Мы с Борисом Натановичем проводили на этой необычной ярмарке почти все свободное время, отрываясь только на короткие прогулки в столовую (в сущности, ресторан, конечно, но нам он служил столовой).

Насколько можно было судить, все это издательское богатство — и новенькое с иголочки, и букинистическое — представляло едва ли не всю историю изданий англоязычной фантастики (точнее, фантастики на английском языке) от первых, еще конца прошлого века изданий Уэллса и до заатрашнего дня. Я не оговариваюсь — на распродаже были представлены книги и журналы, еще не поступившие в розничную продажу в США и Англии.

Вот так это выглядело. И нас глодала черная зависть. Кстати, по условиям приглашения мы примерно полтора часа торговали в одном из залов свежим изданием нашего «Обитаемого острова» (издательство «Пингвин», Лондон). К нашему огромному изумлению, за эти полтора часа мы распродали около сотни экземпляров. Не знаю, как у Бориса Натановича, а у меня на пальцах были мозоли от подписей.

Чем мы еще занимались? Выступили в трех публичных интервью (см. выше). Дали дюжину интервью индивидуальным газетчикам и корреспондентам радио. Неустанно разъясняли направо и налево, что по законам нашего государства мы не можем заключить личные контракты с иностранными издательствами и заинтересованным лицам следует обратиться в ВААП. Участвовали в «партии», которую устроили писатели для издателей. Участвовали в «партии», которую устроили издатели для писателей. Съели несколько обедов, которые давали нам как издатели, так и писатели.

Вот, пожалуй, и все, чем официально занимались двое советских почетных гостей на 45-м Конвенте. Согласитесь, что это немало для двух пожилых людей, впервые очутившихся в капиталистической стране.

Должен сказать, что принимали нас очень радушно. Борис Натанович как человек скептический и осторожный склонен относить это радушие за счет некоторой экзотичности для участников Конвента наших фигур. А мне кажется, что радушие это объясняется и неподдельным интересом к тому, что происходит в Советском Союзе вообще и в советской фантастике в частности. Соответственно были и вопросы, которыми нас засыпали: о перестройке, об Афганистане, о видах на отношения СССР и США. Естественно, о перспективах совместных космических исследований. И все же большая половина вопросов (Конвент-то — мировой научной фантастики!) касалась наших издательских дел в области НФ литературы, интереса к фантастике у советской читающей публики, положения наших любителей фантастики. Не скрою, мы были откровенны. И когда Борис Натанович рассказал о том, что потребность советских читателей фантастики удовлетворяется не более чем на 10%, в зале пронесся рез мистического ужаса, после чего наступила минутная тишина, немедленно напомнившая мне печальную минуту молчания...

Уже дома, в Москве, меня настойчиво спрашивали: какие же вопросы решались на Конвенте? Так вот, я вам со всей прямотой и откровенностью скажу, товарищи: если не считать контрактов, которые отдельные писатели заключали в кулуарах с отдельными издателями, никаких вопросов Конвент не ставил и не решал. Конвент (и этим, кроме всего прочего, похож на него свердловский праздник «Азлиты») — это свободное, дружелюбное общение нескольких тысяч людей, интересующихся мировой НФ литературой. Это свободный обмен мнениями, обмен информацией, обмен книгами, завязывание знакомств, ну и, конечно, возможность получить высокое духовное наслаждение от общения с единомышленниками.

Конечно, Конвент — это не самый здоровый способ времяпрепровождения для пожилых людей. Очень все это было утомительно. Спали по 5—6 часов в сутки, не больше. Выматывались до изнеможения. Но я все же испытываю огромную благодарность организаторам Конвента за их любезное приглашение, за их несравненное гостеприимство, за то, что они дали нам возможность своими глазами увидеть, кто он такой — молодой любитель фантастики на Западе. Очень, очень хорошая фигура.

И еще. На 45-м Конвенте нам с Борисом Натановичем вручили приз Всемирной организации научной фантастики с девизом: «За независимость мысли».

Строки из писем

Отвечая на вопросы читателей «Уральского следопыта», Кир Булычев достаточно подробно говорит и о характере писем, пересланных ему редакцией. Немногие выдержки из этих писем мы печатаем с единственной целью: показать, что в почте писателя были и обстоятельные размышления о его книгах.

Попутно заметим: ответы писателя безусловно правдивы и искренни, однако не все во взглядах его на советскую фантастику и ее историю редакция принимает безоговорочно.

Среди пишущих сейчас наших писателей-фантастов Ваше творчество наиболее многогранно. Можно, на мой взгляд, выделить ряд направлений:

а) В хорошем смысле слова боевики — от «Закона для дракона» до «Замка ведьм». Эти произведения несут в себе больше, чем кажется сначала...

б) Сказки для детей. Это — цикл про Алису. Многие из этих произведений (как всякая хорошая сказка) читаются с большим удовольствием и в детском возрасте. В этой группе присутствуют очень неравноценные произведения, от очень сильных до откровенно детских, слабых («Два билета в Индию», например).

в) Резко сатирические. Это и письма Н. Ложкина в «Знание — сила», и «Свободные места есть», «Копилка», фильм «Шанс». Подкупает очень доброе отношение автора даже к очень несатирическим персонажам.

г) «Просто рассказы». Этот тип соприкасается с остальными, но несет в себе значительные отличия. Вера в человека, его высокие моральные потенции — вот чему, пожалуй, посвящены эти произведения. Это и «Умение кидать мяч», и «Мутант», и «Юбилей «200», и многое другое...

И. Ганков, 19 лет,
г. Москва.

...Что мне в них нравится? Пожалуй, глубина мысли при легкости чтения, вот такое сочетание. Я с большим интересом читаю даже те Ваши книги, которые обращены к детям. Любимая моя вещь — «Корона профессора Козарика», лучшие вещи я еще не читал, потом идет «Глаз» и цикл о Великом Гусляре. Из крупных произведений отмечу «Последнюю войну» и «Похищение чародея», а также «Царицын ключ». Впрочем, среди повестей Ваших трудно выделить лучшую, они все хороши. Но есть у Вас, увы, и слабые рассказы — например, «Добряк» и «Свободные места есть»...

М. Перфильев,
г. Ростов-на-Дону.

В Ваших книгах много разных героев — Корнелий Удалов, профессор Минц, Грубин, старик Ложкин, Стендаль... Рассказы, в которых участвуют эти герои, без сомнения интересны и разнообразны. Но наибольшая Ваша удача в том, что Вы придумали Алису.

Однажды, когда я зашел в сельскую библиотечку (я записан в шести библиотеках, в том числе в двух сельских — там больше фантастики), то обнаружил на одной из полок книгу «Девочка с Земли»... Этой довольно-таки потрепанной книге было всего около года! И дело вовсе не в том, что у нас такие нерадивые читатели, плохо обращающиеся с книгами. Просто эту книгу прочитало около полусотни человек... за год! Такого я еще не видел...

В. Колдомец, 16 лет,
г. Мелитополь.

Кир БУЛЫЧЕВ

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!

Получив папку с письмами читателей из «Уральского следопыта», я понял, что мне проще, а читателям, особенно тем, кто писем не писал, понятнее будет, если я, воспользовавшись случаем, попытаюсь поговорить на основные темы, в этих письмах затронутые. Лишь в редких случаях обращаясь к тому или иному конкретному письму.

Все равно на все вопросы мне не ответить, если учесть, что писем около ста, а в некоторых более двадцати вопросов, отчего они становятся похожи на анкеты для отъезжающих за границу. Так что прошу тех, кто рассчитывал на вечер вопросов и ответов, меня не обессудить.

Но начать мне хотелось бы с проблемы личной и для меня не самой приятной.

Мы живем в эпоху гласности, и потому приходится признать, что письма читателей не были коллективным панегириком и среди них встречались поварешки дегтя. А раз были сердитые письма, то, прежде чем начать общий разговор, надо на них ответить.

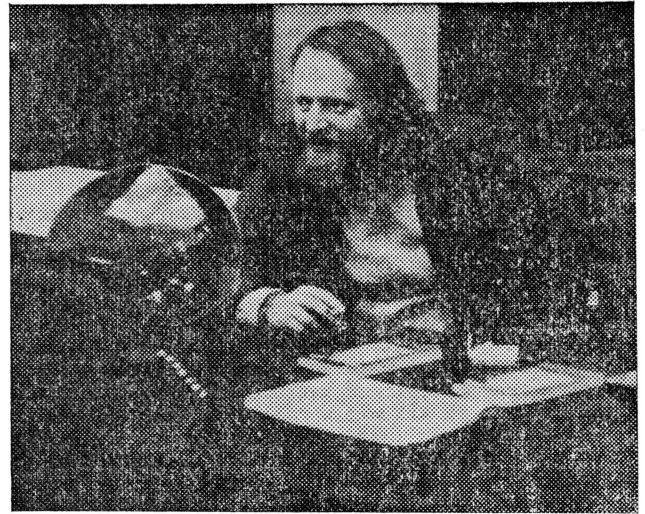
Критические письма делятся на две категории. В первой содержатся отрицательные суждения о некоторых моих работах, либо утверждения, что я исписался и с каждым годом пишу все хуже. Основную причину авторы этих писем видят в том, что я пишу слишком много, печатаюсь слишком часто и потому занимаюсь халтурой.

Я принимаю оценку моей работы, но прошу пессимистически настроенных читателей в будущем не тратить время на чтение моих опусов, так как лучше, чем писал, я уже не напишу. Единственное, что меня утешает, — это тот факт, что я, начавши писать в 1966 году, уже в 1969 году прочел о себе отзыв, в котором утверждалось, что я исписался. Полагаю, что за последующие годы, скатываясь по наклонной плоскости, я докатился до абсолютного нуля.

Тезис о «наклонной плоскости» субъективен. Допускаю, что он родился из комплекса «обманутых ожиданий». Со мной так тоже бывает: понравился рассказ или повесть писателя, и если он не растет, не приносит новых ощущений, начинаешь на него сердиться.

Критические замечания, которые касаются слишком частых публикаций и склонности к халтуре, несут в себе большую конкретность. Полагаю, что эта проблема касается не только меня, но и других писателей.

Я не знаю у нас писателей в области фантастики, которые бы слишком много печатались. Круг изданий весьма узок и пока что шире не становится. Последний мой сборник рассказов (не считая переиздания некоторых «гуслярских» историй) вышел в свет в 1979 году — девять лет назад. Нового не предвидится. За двадцать лет работы мною опубликовано десять книг (включая детские), то есть книга в два года. Для профессионально работающего писателя цифра эта ничтожно мала. Если помножить ее на тиражи книг, то окажется, что моя книга достигла одного процента населения нашей страны. Частотность

моих публикаций выше, чем в среднем в нашем цехе. Это объясняется просто: половина моих книг написана для детей. А это совсем другая работа.

Что же должно быть? Я убежден, что, за исключением Стругацких, в нашей фантастике сегодня нет талантов мирового класса. Но существует, скажем, отряд писателей, числом в несколько десятков человек, которые, хотя звезд с неба не хватают, могут работать на профессиональном уровне. Чтобы этот уровень поддерживать, они должны много работать. Не будем брать для образца А. Азимова с его шестью книгами в год, но в среднем американский писатель выпускает ежегодно две-три книги, не считая публикаций в периодике. Я полагаю, что при нормальной постановке издательского дела наши писатели должны трудиться примерно с такой же отдачей. Если они трезво относятся к своей работе как к работе и не прикрывают свою лень рассуждениями о высоком искусстве. Больше того, я рискну предположить, что фантаст может писать интенсивнее, чем реалист, в силу более осязательной актуальности его труда, более тесной связи с проблемами, волнующими нынешнее общество. Если господь не дал мне таланта Толстого или Стругацких, то я до какой-то степени готов компенсировать этот свой недостаток трудом. И мне не очень приятно слышать упреки в том, что я слишком много работаю. Мне в этом видится глубинная беда нашего общества, которая сегодня находит выражение в отрицании кооперативов или семейного подрыда. Провести жизнь, задумчиво ковыряя в носу за солидным столом, почему-то почетнее, чем трудиться.

«Если ты много пишешь — значит, ты халтурщик». Таков следующий тезис.

А я, честно говоря, еще не встречал профессионального писателя-халтурщика. И даже не совсем понимаю, что это такое. На мой взгляд, писатель работает точно на том уровне, на который способен. Зачем ему писать хуже? Ведь для этого надо предпринимать дополнительные усилия. Я, как и всякий писатель или художник, или певец, работаю на уровне моих способностей. Мне бы хотелось, чтобы они были повыше. Но это от меня не зависит.

Среди критических писем есть и такие, которые противопоставляют одни мои вещи другим. Говоря, что вот это хорошо, а это плохо. Одни читатели громят «Подземелье ведьм», другие хвалят. Одни не принимают «гуслярские» рассказы, другим они нравятся. Мы тут вторгаемся в область читательского вкуса. И вряд ли свой вкус можно считать истиной в последней инстанции. Различия в восприятии произведений не говорят о их качественном отличии.

Как я начал писать фантастику? (Этот вопрос часто встречается в письмах, и потому я заодно на него отве-

чаю.) Я ее начал писать, потому что всегда был читателем фантастики. И остаюсь таковым сегодня. Это ведь особый вид пристрастия. Вы не можете сказать: «Я ненавижу исторические романы!» Вы скажете: «Я люблю хорошие исторические романы, но не выношу плохие». А вот в фантастике существует понятие «фэн». Это человек, который любит любую фантастику (не каждый фэн, конечно). Вкусы у меня как у «фэна» довольно разнообразные. Я люблю и Стругацких, и Толкина, Шефнера и Саймака, Сергея Белыева и Александра Грина, Жюль Верна, Филиппа Динэ и Гамильтона, я читаю социальную фантастику и космическую оперу. Было бы это хорошо написано. Следовательно, мой вкус — никак не эталон.

А если я, как писатель, продолжение себя — читателя, то мои читательские вкусы неизбежно оказывают немалое влияние на мои писательские пристрастия. Сегодня мне интересно писать «гусярские» истории, завтра — сказки про Алису, послезавтра попытаться счастья в космической опере и написать, скажем, «Подземелье ведьм». Я пишу только то, что мне интересно. Это непростительно с точки зрения читателя, любящего фантастику определенного стиля и направления. Но это не недостаток для меня.

Итак, как мне кажется, критически настроенным читателям я в меру сил объяснил свою позицию. Но остались еще три письма которые меня не критикуют, а обвиняют. Следовательно, мне уже надо не объясняться, а оправдываться. Но игнорировать их не могу.

А. В. Поспелов из Уфы выдвинул против меня целый ряд обвинений.

Во-первых, он приписал мне следующее: «Слышал, что в ответ на вопрос, почему вы так много пишете откровенной халтуры, вы ответили: «Раньше я был кандидатом наук, и мне нужны были деньги. Теперь я доктор наук, а денег нужно еще больше». Стимул вашего творчества нам был понятен и ранее».

Никогда в жизни мне не приходилось беседовать с А. В. Поспеловым и делиться с ним заветными мечтами. Меня не раз корили за неудачные шутки, но никто еще вроде бы не обвинял в цинизме. Я, как и мои уважаемые читатели, получаю деньги за мою работу, но чужих никогда не считал. Кстати, гонорар за последнюю повесть я передал в Детский фонд.

Оказывается, мое «сребролюбие» ведет к дальнейшим трагическим событиям: «Вы мешаете развитию фантастики, — продолжает товарищ Поспелов, — занимаете место, где могли бы печататься произведения более яркие, более талантливые...»

По мере того, как я выписывал эти цитаты, желание оправдываться испарилось. Но для ясности я все же отвечаю еще на два вопроса, заданные мне А. В. Поспеловым.

1. «Признаете ли вы, что фантастика для вас является лишь своеобразной шашкой?» — Если вы имеете в виду индивидуальную трудовую деятельность, то признаю.

2. «Не считаете ли вы, что для «сохранения лица» вам следует прекратить свою карьеру писателя-фантаста?» — Нет, не считаю. Но прошу вас: перестаньте меня читать. Берегите нервы.

То же я могу ответить на более тонкую формулировку этого вопроса, предложенную студентами из Каменска-Уральского А. Кукушкиным и С. Некрасовым.

Завершая разговор с критически настроенными читателями, я хочу ответить на обвинения в том, что я обкрадываю детей, а также братьев-писателей.

Первое обвинение выдвинуто клубом любителей фантастики «Орион» (без фамилий). Анонимные члены клуба из Южно-Сахалинска напомнили мне о том, что «... в 1979 году в газете «Пионерская правда» вы вместе с ребятами писали повесть «Звездолет на Вяте». Затем она вышла под названием «Звездолет в ясу», правда, несколько подправленная. Как будет называться повесть «Каникулы в космосе, или Планета Пять — Четыре», которую, мы надеемся, вы напечатаете в своем авторском сборнике, не указав историю ее создания?»

Эти повести были написаны мною и представлены в «Пионерскую правду», где печатались с учетом пожеланий и предложений читателей, то есть отличаясь от того варианта, который принес в редакцию я. После того как повести были напечатаны, я вернулся к авторским вариантам. Обе повести опубликованы в том виде, в каком писались мною. Название второй «Гай-до».

Наконец, в одном письме приводятся названия двух моих произведений, сюжеты которых авторам письма показались заимствованными у иноземных авторов. Честное слово, ни того, ни другого «источника» я не читал, хотя вполне допускаю возможность сюжетных перепевов. Проблема «бродячих сюжетов» в литературе вообще, а в фантастике в особенности — проблема литературоведческая. Я могу лишь спросить у группы читателей из Иркутска: скажите, а когда были опубликованы в США те произведения, в заимствованиях из которых вы меня подозреваете? Со своей стороны могу сообщить, что рассказ «Выбор» написан мною в 1967 году, а повесть «Подземелье ведьм» в 1974 году. Кстати, «Выбор» несколько раз печатался в США. Сигналов оттуда пока не поступало. А вдруг это коварные иностранцы меня обокрали? Вы уж тогда сами напишите Гарри Гаррисону.

Могу признаться в значительно большем грехе, на который мне уже неоднократно указывали. Я украл у Люиса Кэрролла девочку Алису и вот уже несколько лет пользуюсь его славою в корыстных целях. Кстати, чехи, чтобы укрыть меня от справедливого гнева читателей, все книжки про девочку из XXI века издают под общим названием «Приключения Аленки», не понимая, что этим ставят меня в ложное положение перед поклонниками известной русской сказки.

Скинув с души гнет беседы с оппонентами, я позволю себе перейти к разговору с двумя следующими категориями читателей:

1. С теми, кто интересуется проблемами фантастики и положением ее в нашей стране.

2. С теми, кто задает вопросы о моей работе.

Так как для основной массы читателей куда интереснее поговорить о вопросах, представляющих общий интерес, я перехожу к проблемам фантастики. Однако должен предупредить: мнение мое вряд ли более компетентно, чем мнение любого из вас. Не состоя в Союзе писателей и не будучи вхож в те сферы, где вершатся судьбы литературы, и даже, как большинство из вас, не имея возможности следить за новинками ввиду их дефицита, я могу опираться лишь на собственный жизненный и литературный опыт.

Возможно, я буду в чем-то позорять высказывания Стругацких, которые отвечали на вопросы читателей в одном из предыдущих номеров «Уральского следопыта», но, к сожалению, я не успел прочесть этот материал, потому что журнал с ним у меня в мгновение ока украли поклонники Стругацких.

Если суммировать несколько десятков вопросов, то они сводятся к тому, что фантастика издается у нас фантастически скудно, что у нас до сих пор нет своего печатного органа — журнала «Фантастика», что положение клубов любителей фантастики неустойчиво и порой эфемерно.

Все это вопросы, которые я сам был бы рад задать кому следует.

Но получается так, что те, кому следует услышать наши коллективные стенания, их не слышат.

Клеймить окружающую действительность мы все умеем. Но пока общественное мнение в нашей стране находится в процессе создания и более надеется не на себя, а на поддержку сверху, оно не является силой, способной своротить горы, стоящие на пути развития любимого нами вида творчества.

Я должен здесь оговориться: широко распространен термин «жанр фантастики». Я не считаю фантастику жанром. Она — род литературы (или искусства), включающий

в себя самые различные жанры — от трагедии до бурлеска и детектива. Это своеобразный взгляд на мир, на действительность. И именно этот факт сыграл печальную роль в истории нашей отечественной фантастики.

Она очень высоко начинала. В двадцатых годах у нас издавались сотни книг (включая переводные), существовало немало журналов и альманахов, которые отводили фантастике львиную долю своих страниц. Она питалась как невероятностью, темпами перемен и предчувствием перемен новых, так и традициями русской и мировой фантастической литературы.

Мне уже приходилось говорить об арифметике. Она проста. Если сегодня в США издается ежегодно тысяча новых фантастических книг, то это не только цифра — это та почва, которая дает возможность расцвести талантам. И если из тысячи книг девяносто — барахло, то сто уже профессиональны, а десять по-настоящему хороши. На этой же почве возникает общественное мнение и квалифицированная критика.

Возьмем сегодняшнюю Польшу. Когда я был прошлым летом на польском конгрессе любителей фантастики, где собралось около тысячи делегатов от многих десятков клубов и которому был предоставлен большой студенческий клуб в центре столицы, я попросил показать издания клубов. Мне притащили стопу высотой в метр. Каждый клуб издает свой журнал или газету, многие клубы издают свои книги. И это создает атмосферу гласности и объективной (в сумме) оценки явлений в фантастической литературе. Это, наконец, предоставляет платформу и рупор молодым талантам. В Польше немалым ситуация, в которой какое-то издательство может почти монопольно издавать книги узкого круга «своих людей», пользуясь тем, что слово «фантастика» на обложке автоматически переносит книгу в разряд «чернорыночного дефицита», а отсутствие всякой реальной критики позволяет год за годом сохранять подобное положение вещей.

Итак, в двадцатые годы выходило много книг. Я убежден в том, что созвездие замечательных фантастов того периода смогло расцвести не только потому, что их творчеству благоприятствовала обстановка в стране, но и в силу существования инфраструктуры — сотен книг иных авторов. Александр Грин, Михаил Булгаков, Алексей Толстой, Андрей Платонов, Евгений Замятин, Илья Эренбург, Леонид Леонов, Александр Беляев трудились в окружении своих коллег, имена которых (а среди них были талантливые люди) забыты.

Фантастика актуальна. Это можно повторять без конца, и все равно далеко не каждый эти слова воспринимает.

Фантастика, по моему убеждению, более точно, чем реалистическая литература, отражает состояние общества. Я объясняю это тем, что реалистическая литература преимущественно изучает отношения: человек — человек. Фантастика чаще: человек — общество — время.

Современная социальная фантастика родилась в XX веке, когда человеческая цивилизация вошла в период невероятных с точки зрения предыдущих столетий кризисов. Трагический распад фантастического социального анахронизма — Австро-Венгерской империи — вызвал к жизни гениев Кафки и Чапека. Революция в соседней империи породила советскую фантастику.

Человек мысленно ищет решения не только личных, но и социальных проблем. Он хочет понять, что же происходит и к чему это ведет. Фантастика всегда альтернативна и подразумевает свободу мнений. Двадцатые годы — время споров и поисков.

С начала тридцатых годов восторжествовал принцип единого мнения, единой воли, единственного пути. Слова «дискуссия» и «коппозиция» стали бранными. И употреблялись лишь в моменты ликвидации инакомыслящих. Наступило несладкое время для литературы вообще и катастрофическое для литературы фантастической.

Журналы и альманахи закрывались, книги исчезали. Булгаков и Платонов работали в стол. Грин умер. Алек-

сей Толстой, Эренбург и Леонов от фантастики отказались. Иные писатели сгинули без следа.

Трагедию тридцатых годов особенно убедительно можно проследить на примере Александра Беляева. Насколько я могу судить, сам он не претендовал на звание большого художника. Он всегда оставался в пределах правил игры массовой фантастической литературы. И в этих рамках сделал за первые пять-семь лет работы невероятно много. Но откройте книги Беляева, оставшегося верным ненужному знамени, написанные в тридцатые годы. Он честно старался осознать задачи, поставленные историческим моментом. Он хотел на них откликнуться. Он старался рисовать картины светлого будущего, которое, в единственном варианте, предлагалось народу. Будущее предусматривало гром литавр, массовые шествия с портретом вождя, бескрайность изобильных нив, пышные думы промышленников гигантов и, главное, непроходящий восторг всех участников этого мероприятия.

Александр Беляев в считанные годы кончился как писатель. Его последние очерки и романы дышат казенным оптимизмом.

А литература и не заметила исчезновения художника. Как и иных. Фантастика перестала существовать, так как фантазировал лишь сам вождь, а прочие воспевали. От фантастов ждали утопий, а они не могли их создать.

С утопиями фантастической литературе мало повезло. Утопия, как обнаруживается при взгляде на историю этого жанра фантастики, могла подниматься до философских и даже художественных высот только в том случае, когда была на самом деле антиутопией. Ведь фантастика всегда была и будет литературой предупреждения, а не литературой воспевания.

Постараюсь объяснить кажущийся парадокс.

Наиболее знаменитые утопии прошлых веков, когда создание таковых и считалось главной функцией фантастики (не называвшейся еще фантастикой), рождались как оппозиция существовавшим концепциям идеального общества, разработанным его апологетами. Утописты старались найти альтернативу общепринятой концепции. Если в обществе капиталистическом, проникнутом христианской моралью, целью было дальнейшее развитие существующей системы и морали, то У. Моррис в романе «Вести ниоткуда» рисует социалистический, языческий мир, пытается отыскать свои идеалы в отрицании идеалов господствующих. В России яркий пример тому Чернышевский с его попыткой создать утопию в романе «Что делать?». Но ведь за эту утопию его никто по головке не погладил — она была отрицанием всего, за что стояло Российское государство.

Антиутопия рождается куда позже, уже в начале нашего века. Ее создают Уэллс и Жюль Верн. Первый в «Машине времени» и «Первых людях на Луне», второй в «Пятистах миллионах Бегумы» и «Экспедиции Барсака», своих поздних романах, всплеске предвидения, рывке за пределы своего времени и своего же творчества. Утопия прошлых веков — показ альтернативы неприемлемому господствующему общественному строю. Антиутопии — шаг вперед, предупреждение о том, во что могут вылиться отрицательные тенденции в мире, если все так и будет продолжаться.

Настоящей же утопии в фантастике никогда не существовало. Настоящая утопия должна быть написана человеком, верящим в светлое будущее своего общества, разделяющим официальную его концепцию и отражающим в художественной форме, через своих персонажей тот идеал счастья, что будет достигнут именно на путях развития данного общественного строя.

И тогда возникает естественный вопрос: мы живем в социалистическом государстве, разделяем его идеологические установки, стремимся своими делами приблизить торжество провозглашенных основоположниками социалистических учений целей. Почему же тогда писатели-фантасты в нашей стране и иных социалистических государ-

ствах не пишут настоящих утопий? И были ли такие попытки?

Давайте вернемся к историческому обзору советской фантастики и по ходу его постараемся ответить на этот вопрос.

В двадцатые годы советская фантастика, рожденная в период социальных крушений, отчаянной борьбы и кардинальных общественных перемен, отражала именно эти перемены. Перспективы, открывавшиеся перед ней, были продолжением надежд и мыслей всего общества. Она конфликтна, она еще не перебрала, как не перебрало само общество. Идеи мировой революции еще владеют сердцами — и их отражает фантастика. Возьмите, к примеру, «Аэлиту» Алексея Толстого. Фантастика проходит годы разрухи, ввергается в сомнения времен НЭПа — и возникают «Собачье сердце» и «Голубые города». Она тревожится авторитарными тенденциями во всем мире и порождает «Мы» Замятина. Она актуальна, она современна. Она не может родить утопию, ибо утопия абстрактна — до утопии еще далеко, надо понять современность.

Наступают тридцатые годы. Лишь возводимое, все в лесах, здание нашей фантастики срочно консервируется и покрывается розовой краской. Картинки светлого будущего, выходящие из-под пера некоторых забытых теперь писателей, бездарны и мертвы, ибо высосаны из пальца и не имеют ровным счетом никакой связи с действительностью. А фантастика не прощает такого отрыва.

Перед самой второй мировой войной в советской фантастике намечается некоторый подъем. Он вызван был в основном предчувствием мирового конфликта. В разной форме это ощущается в «Пылающем острове» А. Казанцева, «Тайне двух океанов» Г. Адамова, «Истребителе 2-2» С. Беляева. Появляются несколько книг и рассказов о грядущей войне. И тут случается печальнейший парадокс: литература предупреждения, отражавшая действительные настроения и тревоги общества, вынуждена при том выполнять очередной социальный заказ, спущенный сверху и рожденный ложными неоправданными надеждами на то, что страна с экономикой, подорванной волевыми приказными методами управления, и армией, обесияленной уничтожением командных кадров, сможет легко, одним ударом отразить нападение любого агрессора. Наиболее известными книгами такого рода стали романы Н. Шпанова «Первый удар» и П. Павленко «На Востоке». Авторы успешно закидали шапками немецких фашистов и японских милитаристов. Теперь оставалось лишь сделать это наяву. Вот замечательный пример реального воздействия фантастической литературы на историю — миллионные тиражи этих и подобных им книг сыграли куда более вредную роль в предвоенный период, нежели все действительные и воображаемые шпионы, вместе взятые. Это были своего рода утопии, утопии «ближнего прицела», лживые, как миражи в пустыне.

Постепенное возрождение фантастики начинается к концу Отечественной войны. В 1944 году мама принесла мне на день рождения первую книгу новелл Ивана Ефремова «Пять румбов», которая меня, десятилетнего мальчика, потрясла своей новизной и осталась на всю жизнь одной из любимых книг. Тогда же публикует свои лучшие повести Сергей Беляев, начинает работать Георгий Гуревич. Так что выражение «фантастика ближнего прицела», которое принято распространять на всю советскую фантастику сороковых и пятидесятых годов, не совсем точно. Да, подавляющее большинство книг того периода лишены художественных достоинств и вряд ли могут именоваться литературой. Но в то же время ростки раздумий упорно пробивались сквозь толстый слой асфальта благополучия.

И вот что интересно — как раз в то время, когда создание официальной утопии приветствовалось бы и вернее всего такая книга, имея она минимальные литературные достоинства, была бы увенчана лаврами, никто ее не написал. Ведь готовы были на это лишь бездары, да и они не пошли дальше пустых казенных очерков и псевдолитературных поделок. А те фантасты, которые осознали неразрывную связь фантастики с современностью, не мог-

ли видеть светлого будущего в обществе, терявшем веру в собственные идеалы. Романы и повести тех лет, как правило, ограничиваются выяснением проблем технического и научного прогресса, что вряд ли обогащает художественную литературу, либо отражает грустные реалии «холодной войны» и потому в меру сил борются с заморскими шпионами и диверсантами.

И все же в первое послевоенное десятилетие было написано и опубликовано куда больше книг, чем за десять лет перед войной, и писатели, работавшие тогда, порой умудрялись находить действительно важные человеческие и общественные проблемы и по возможности отражать их в своих книгах.

И вот кончаются пятидесятые годы. Общество снова обретает возможность говорить вслух, думать, искать свои идеалы. С этого момента и начинается та наша фантастика, которую мы и читаем сегодня; входят в литературу, причем как будто одновременно, те наши лучшие писатели, которых мы (во всяком случае, я) чтим — Стругацкие, А. Днепров, С. Гансовский, И. Варшавский, А. Полещук, Г. Альтов, В. Михайлов и другие. Оказывается, богата наша земля талантами.

Но таланты просто так, в одночасье, не появляются. Для возникновения целого направления в литературе должны создаться не только социальные, но и организационные условия. К счастью, случилось именно так, и я считаю своим долгом напомнить сегодняшнему поколению читателей, не знающему перипетий двадцатилетней давности, как это было. Хотя об этом, как я слышан, в «Уральском следопыте» уже говорили Стругацкие.

В шестидесятых годах в издательстве «Молодая гвардия» была создана редакция фантастики и приключений. Давайте вспомним, что удалось сделать за несколько лет С. Жемайтису, Б. Клюевой, С. Михайловой и С. Митрохиной. Они создали библиотечку «Современной советской фантастики», в которой были опубликованы книги Д. Билленкина, С. Гансовского, И. Варшавского, Г. Гуревича, А. Днепров и многих других. В те годы марка этой серии гарантировала, что читатель держит в руках хорошую книгу (чего сегодня не скажешь). Эти люди создали ежегодник (а в некоторые годы выходило до трех томов) «Фантастика». Там печатались не только ведущие писатели, но и пробовали свои силы новые авторы. Наконец, им удалось создать и выпустить многотомную «Библиотеку мировой фантастики». Помните — серые и красные томики? На мой взгляд, это было лучшее собрание такого рода. Помимо серийных изданий выходили иные книги — в том числе несколько книг Стругацких.

Как знамение времени возникает первая значительная советская утопия — «Гуманность Андромеды» Ефремова. Она не могла появиться ранее — не было к тому социальных условий. Появляются и иные произведения, в которых фантасты стараются заглянуть в будущее. Об этом будущем повествует целый цикл романов и повестей Стругацких.

Но судьба этих книг различна.

Роман Ефремова — настоящая утопия, попытка нарисовать идеальное коммунистическое общество. И несмотря на то, что он весьма популярен и сегодня, несмотря на то, что он вызвал к жизни множество подражаний и сыграл немаловажную роль в истории нашей фантастической литературы, я осмелюсь заявить, что это все-таки была попытка, и не более. Конструирование общества, не имеющего пока реальных корней в окружающей действительности, созданного лишь на основе самых общих представлений, не выходящих за пределы известных формулировок «от каждого по способностям, каждому по потребностям», общества, о котором известно лишь то, что оно должно быть абсолютно гуманным, лишенным даже намека на эксплуатацию человека человеком и т. д., привело к отказу от основного принципа фантастической литературы — ее актуальности. Соотнести себя с героями романа читатель не мог хотя бы потому, что они и не были людьми, а лишь носителями имен и благородных функций.

Отказавшись от утопии как, в принципе, нежизненного жанра, Стругацкие нашли иной способ выражения своих чувств и мыслей. Не отрываясь от действительности и не забывая о ее проблемах, они старались совместить их с миром желанным. Но с миром, являющимся продолжением и развитием нашего мира, с чувствами и характерами, которые были развитием наших чувств и наших характеров. И потому, на мой взгляд, они нашли новую форму фантастического предвидения, которую нельзя назвать ни утопией, ни антиутопией. Это была литература исторической перспективы.

Но перспектива не может быть однозначной и розовой. Она обязательно должна нести в себе элементы раздумья и сомнения. Только тогда она находит отклик в душе читателя, живущего в современном мире.

И здесь возникли новые трудности.

Как бы ни менялось время, новые идеи пробиваются непросто. При однозначном и догматическом понимании идейных установок, раздумья и сомнения, какими бы обоснованными они ни были, вызывали цензурные подозрения у издателей. Ведь издатель находился в плену собственных детских впечатлений: ребенок предвоенных и первых послевоенных лет получал своеобразную фантастическую пищу — книги Жюль Верна, Александра Беляева, а затем романы А. Казанцева, В. Немцова, В. Охотникова, Г. Тушкана, Г. Адамова. Грин был разоблачен как космополит, Булгаков, Замiatин, Платонов попросту не существовали. Будущий издатель был убежден, что это и есть фантастика, что фантаст (а тем более «научный фантаст» — термин для меня бессмысленный и в истории фантастики сыгравший отрицательную роль, все равно что «научный поэт» или «научный юморист») — это представитель вполне прикладной отрасли околоразвлекательной литературы, которая должна пропагандировать достижения науки и техники и заниматься доморощенной футурологией, а если предупреждать, то только об опасности, исходящей из-за рубежа.

У нас, к сожалению, критики фантастики не существует, но статьи о ней порой появляются. С конца шестидесятых годов они ограничивались почти директивным признанием достижений И. Ефремова (но не лучших его вещей), а «Туманности Андромеды», открывшее нам глаза на то, каким будет коммунизм; констатацией заслуг В. Обручева, создавшего ряд книг на границе между художественной и популяризаторской литературой, и резкими выпадами против Стругацких, которые никак не могут освоить оптимистический взгляд на будущее. Я помню гнезные филиппики против Стругацких, в которых громили роман «Трудно быть богом» за неправильное отражение политики по отношению к слаборазвитым странам. «Гладких лебедей» не печатали много лет, потому что в них якобы неправильно поставлена проблема взаимоотношений наших отцов и наших детей. То есть как только актуальность признавалась, книги отвергались. Впрочем, следы этой критики живут и поныне. Вспомните неоднократные упреки в адрес Чебурашки, у которого нет отца, и Карлсона, который, живя на крыше, учит детей тунеядству.

С конца 60-х годов начался новый спад, в первую очередь за счет социальной фантастики. Фантастика поселилась в основном в научно-популярных журналах и принялась живописать моральные и научные проблемы космических капитанов и положительных профессоров. Книг же, с ликвидацией мозгового центра фантастики 60-х годов в «Молодой гвардии», стало куда меньше, и качество их снизилось.

До сих пор существует странный разрыв между формальным количеством фантастических публикаций и количеством реальных. С одной стороны, в отчетах Госкомиздата и обзорах указываются немалые цифры тиражей и числа названий. С другой — опубликовать новую книгу трудно, а купить невозможно.

В отчеты и сводки попадают все книги, на которых есть гриф «фантастика». А это значит — миллионные переиздания, не только в Москве, но и в республиканских и местных издательствах, одотомников и двухтомников

Жюль Верна, Уэллса, А. Беляева, А. Толстого, А. Казанцева, К. Чапека и т. д. В большинстве своем они хорошие писатели, но их мир ушел в прошлое. Читатель может отдавать дань их литературному таланту, интриге, сюжету. Но ответов на насущные вопросы, которых он ждет от фантастики, не дожидается. Зато и издатели могут быть уверены, что, прочтя в очередной раз о злоключениях капитана Немо, читатель не станет задумываться о том, что творится вокруг, куда идет наш мир, что нас ждет.

Процент новых книг советских авторов в общем потоке отчетности весьма мал, хотя, как только заговорившись об этом, тебе показывают сводную таблицу, и ты оказываешься в положении клеветника.

К сожалению (ответно тем многочисленным читателям, которые задают вопросы о состоянии дел в сегодняшней фантастике), эта тенденция еще не преодолена. Наш книжный рынок так громаден и спрос читательский на фантастику столь велик, что издательства и завтра могут отлично прожить, издавая Жюль Верна и Казанцева, и всегда найдется на такую книгу покупатель. Этим, как мне уже приходилось говорить, вызван и дефицит молодых имен в нашей фантастической литературе. Молодым авторам, особенно за пределами Москвы, издаться очень трудно. Обратной связи с читателем они не имеют. Мыкаются, мыкаются и зачастую бросают эту неблагодарную работу. Сколько лет уже пробивается в Волгограде книга Лукиных? Сколько книг так и не увидело света!

В ответ на подобные филиппики мне приходится слышать:

— А где эти молодые таланты? Я вчера открыл книжку, выпущенную в Москве, и оказалось, что это даже не литература, а черт знает что!

Согласен. Черт знает что. Но ведь это следствие сложившегося положения дел и издательской практики. Любую книгу купят. Издается мало. Издадим приятного моей редакторской душе человека. Он будет рад, я буду рад. Ответственности за качество издательства не несет. А дефицит все оправдает. И молодой человек, который хочет читать фантастику, а сталкивается с околоразвлекательной подделкой, разочаровывается в фантастической литературе в целом.

Последний пример, который, на мой взгляд, характеризует отсутствие перемен в нашем цехе, хотя во всем обществе они происходят, это история с межиздательской «Библиотекой научной фантастики».

Несколько лет назад Госкомиздат СССР, движимый желанием способствовать развитию и популяризации отечественной фантастики, принял решение издать большими тиражами тридцатитомную библиотеку и тем самым откликнуться на настойчивые просьбы читателей. Затем была собрана редколлегия, которая начала работать, находясь во власти стандартного отношения к фантастике вообще и недоверия к фантастике советской. Издание было укорочено на шесть томов, затем значительная их часть была передана для очередного, сотого, тысячного переиздания Чапека, Вайсса и иных классиков и иностранных писателей, с которых взяты гладки. Остаток томов был поделен между заинтересованными лицами. После того, как некоторые писатели отказались участвовать в такой библиотеке, прошли совещания по поводу того, что же делать. Затем в обстановке полугласности внесены в состав библиотеки некоторые изменения. Но дело сделано, и в отчетность будут включены очередные оптимистические цифры, а для развития нашей современной, в первую очередь молодой фантастики опять не хватит бумаги и полиграфических мощностей.

И тут я подхожу к очень важному и многократно заданному читателями вопросу. Как дела с журналом? Когда он будет?

Не знаю. Знаю только, что мы единственная цивилизованная страна, не имеющая своего журнала фантастики. Который стал бы не только местом, где могли бы оперативно появляться новые произведения, но и ареной споров, современной критики, который предоставил бы слово клубам любителей фантастики.

Несколько лет назад ЦК ВЛКСМ планировал издание такого журнала. Затем, за отсутствием полиграфических возможностей, этот вопрос был отложен. В своих выступлениях и писатели, и читатели буквально стеноуют — хотим журнал! Но я не вижу сегодня организации или какой-либо иной силы, реально заинтересованной в создании такого журнала. Ведь само по себе ничто не делается. Надо «пробовать», бороться за идею, добывать деньги и место в типографии. А ведь есть немало конкурентов. Каждый год в стране появляется несколько новых изданий.

Очевидно, мог бы более энергично бороться за эту идею Совет по делам фантастики и приключений при Союзе писателей СССР, но мне представляется, что этот совет на сегодняшний день дозволительно положением дел. А может быть, мой упрек несправедлив, так как «совет при союзе» — это нечто расплывчатое, бесправное и крайне совещательное.

В то же время я не могу отнести себя к крайним пессимистам.

Ведь движение началось повсюду, и отношение к фантастике в широких слоях общества меняется. Если издатель шестидесятых годов был воспитан на предвоенном чтении в традициях «каменного века» фантастики, то за последние годы происходит процесс переоценки. Ведь сегодня уже выросло поколение советских людей, для которых кумиром стали Стругацкие. Уже много лет издательство «Мир», несмотря на все трудности, знакомит наших читателей с образцами того, что делают наши коллеги за рубежом. Оглянитесь вокруг: еще совсем недавно лишь научно-популярные журналы да «Уральский следопыт» и «Вокруг света» публиковали фантастику. Сегодня литературные журналы открыли для себя ее существование. А «Советский писатель» нашел место для «Альтиста Данилова» и книги Стругацких «За миллиард лет до конца света».

Сегодня, а тем более, надеюсь, завтра издательства, получившие большую самостоятельность и укомплектованные новыми людьми, будут вынуждены учитывать существование читателей, причем не как помехи спокойной жизни, а как соратника в общей работе. Примером тому — ряд выступлений за последнее время директора издательства «Московский рабочий» В. Евдокимова, который не скрывает своего уважения к фантастической литературе и понимания ее актуальности. Это издательство уже выпустило альманах «Орион» и, насколько я понимаю, намерено продолжать его. Оно встало в план двухтомник Стругацких и планирует издавать других фантастов. Еще десять лет назад это было бы немислимо. Начинают издаваться литературные приложения к журналу «Химия и жизнь», в том числе сборники фантастики. Важно и то, что усиливаются перемены в кино, интерес как к жанровым картинам, так и социальным полотнам. Уже сегодня снимается ряд новых фильмов.

Так что меня можно отнести к осторожным оптимистам.

В заключение мне хотелось бы ответить на несколько вопросов, касающихся моей работы.

Сначала о псевдониме. Кира — имя моей жены, Булычева — фамилия мамы. Этот псевдоним появился неожиданно для меня самого — в моем распоряжении было несколько минут, чтобы его придумать, так что я пошел по пути наименьшего сопротивления. Было бы время — придумал бы нечто более оригинальное.

Как я совмещаю работу в институте и литературу? Они друг дружке периодически мешают, но не враждуют. Я обе работы люблю. Может, потому, что они очень разные.

Есть ли у меня хобби? Я собираю медали, знаки, казки, эпюлеты и иные странные вещи. Но отношусь к этому серьезно — в прошлом году ухлопал несколько месяцев написание определителя польских наград и знаков. Пожалуй, это хобби — продолжение моей научной рабо-

ты, выражение склада ума, склонного к систематике. А литература — это для меня отрицание систематики. Когда я работаю, то обычно не знаю, чем все это кончится, иначе мой собственный внутренний читатель начинает хандрить.

Как отношусь к своим работам, какие из них мне самому нравятся? Трудно ответить. Собственные вкусы меняются. Мне кажется, что у меня лучше удавались рассказы, чем большие вещи. Но со временем пишу все меньше рассказов. То ли это естественный возрастной процесс, который я видел и у других писателей, то ли причиной тому специфика самого процесса писания. Обычно для фантастики я могу выкроить месяца два в году. И если у тебя есть кусок времени в три недели подряд и несколько разных мыслей, то интереснее сделать что-то одно. Может быть, потому, что рассказы печатаются обычно в научно-популярных журналах и вроде бы перестают существовать. За двадцать лет мне удалось опубликовать четыре сборника рассказов — остальные рассказы, а их, наверное, больше полусотни, куда-то сгнили.

Как видите, толком я ответить на этот вопрос не сумел.

Вообще очень трудно отвечать на вопросы о себе. И неловко.

«Как вы работаете?», «Как вы дошли до жизни такой?», «Почему вы пишете не то и не так, как мне, читателю, того хочется?».

Я сам никогда не задавал писателям таких вопросов. Если мне нравится писатель, я его читаю. Если не нравится или перестал нравиться, я читаю другого. И не думаю, что он виноват передо мной за то, что я его люблю меньше, чем другого. Если вы разлюбили человека, неужели следует допрашивать его: «Почему я тебя разлюбил?»

Куда легче отвечать на вопросы неожиданные, хоть, может, и не очень важные.

«За какую футбольную команду вы болеете?» — За «Жальгирис». Может, ввиду моего литовского происхождения. Может, потому, что мне нравится, как они играют.

«Почему фотография в «Юности» на вас не похожа?» — Это я, только в юном возрасте, двадцати лет. Должен признаться, что я с тех пор изменился не к лучшему. А хотелось соответствовать молодости журналу. Наверное, я был не прав.

«Почему в журнальной публикации повести «Перезал» упоминалась книга «Бесы» Достоевского, а в книге, выпущенной «Молодой гвардией», этой книгой оказывается «Анна Каренина»? — Потому что книга выпущена «Молодой гвардией» и это изменение — память об арьергардных боях, которые я вел.

Мне неловко, что я не ответил на многие вопросы, вопросы людей доброжелательных и заинтересованных в проблемах нашей специальности. Простите. Но еще на одно письмо все же отвечу.

Дело в том, что оно — исключение. По двум причинам. Во-первых, автор его — крайне молод и писал его с помощью мамы. Не потому, что плохо владеет грамотой, но потому, что, будучи болгаринком, не уверен в правильности своего русского языка. Во-вторых, оно касается моей работы для детей. Ведь читателя «Уральского следопыта» — люди в основном уже взрослые, по крайней мере, те, кто прислал мне вопросы. А для меня проблемы детской фантастики, связанные с тем, какими наши дети придут в двадцать первый век, очень важны. Правда, это уже тема для совсем другого разговора. Я благодарен Панайоту Димитрову, подписчику «Уральского следопыта» из города Велико Тырново, за это письмо. И могу ответить на один из его вопросов: «Какой самый счастливый момент в вашей жизни?» — Надеюсь, что этот момент еще впереди.

Петр

КРАСНОВ:

«ЖАРГОН НИЗВОДИТ ВСЕЛЕННУЮ К ПОДВОРОТНЕ...»

По одну руку — небольшая словарная картотека, начатая по просьбе редакции ребятами из нашего диалог-клуба: молодежный жаргон... По другую — книги молодого писателя из Оренбурга Петра Краснова — «Сашкино поле», «День тревог», «По причине души», «Высокие жаворонки», «Родное». Вот эти два уровня словотворчества мы и решили столкнуть, отвечая на читательские пожелания поразмышлять о стремительно надвигающемся засилии сленговых речений...

Петр Краснов как писатель стал известен в конце 70-х. Его первые рассказы поразили не только богатством языка, не только достоверностью героев, не только тревожностью за человека, за общество и, незаметно как-то, за вселенную в общем-то. Меня, например, поразило и навсегда притянуло к красновским героям богатство их внутреннего мира, душевных оттенков.

Вот «Теплынь»... Никита, герой рассказа, «давно уже и понемногу начал понимать, что радость дается не столько от жизни, сколько ее в самом человеке имеется: надо только хотеть, уметь радоваться...» И, свыкшийся с пренебрежением жизни к нему, с все большим отдалением между ним и дочерьми, и женой, которая и с самого начала-то не по любви — по обстоятельствам родной ему стала, Никита вдруг находит отдушину: «Баба все продолжала посмеиваться, шурились смущенно ее светлые серые глаза, смотрели на Никиту с доброй пристальностью и долго, словно глянула она да и забыла отвести их в сторону (такая уж, как он после понял, привычка у нее была, а вернее сказать, особенность). И он тоже засмотрелся, растерявшись, тревожась и поражаясь все больше их теплой, телячьей прямо мягкостью, серой их глубиной...» Случилась оттепель в душе натруженного, уставшего мужика. Но встреча с женщиной, в которой жаждущая душа нашла себе радость, вдруг обернулась не изменой, не разрывом, а лишь новым отношением к собственной жене, тоже жизнью не обласканной. «Может, ты и сама не знаешь, как тебе плохо — одной-то за занавеской вздыхать, думать, одной в постромках тянуть; а я вот чувствую и знаю это, и жалко мне тебя донельзя — не с того конца ты за жизнь взялась. Так тебя, понимаешь, жалко, что слов нету...»

Нет у Никиты слов, чтобы новое состояние души своей описать, но есть у писателя, и он бережно обрисовывает это состояние, и другие, закрепляет все уходящее, к сожалению, уходящее... Тем самым ко все дальним границам переносит сторожевые линии Добра.

Экая новость — жалость открыл, оттенок человеческих отноше-

ний, тоже нам, — скажут, возможно, читатели постарше. Но — открытие! — подтверждает наша сленговая картотека. Там эта сторона человеческого общежития не зафиксирована, определенной части молодых не нужно слова, чтобы определить это чувство, поскольку чувства не нужны. Зато есть, например, «туловище», самый осторожный перевод которого с жаргона — «сексуальный партнер»...

Так не уходящее ли пытаются вернуть к жизни Петр Краснов своими рассказами и повестями? И пока любит писатель своих героев, умеющих тревожиться, жалеть, любить, чувствовать маету, скорбеть, ощущать в себе заботу о других, пока находит их в нашей жизни, — никто не упрекнет наше поколение в том, что сдали позиции Добра, расшатали его границы, что рванулась сквозь них мутная река... Ведь и сам Петр Николаевич принадлежит еще к тому поколению, представители которого так грязно переосмысливали обычное русское слово «туловище»... Поэтому — не все потеряно!

— Как вы расцениваете современный русский, в частности, городской разговорный язык, Петр Николаевич?

— Чтобы дать ему оценку, нужно прежде, по-моему, разобраться, как и в какой социальной ситуации он формировался. А ситуация эта более чем сложная и противоречивая, драматическая, в чем-то трагическая по своим последствиям. На протяжении всего двадцатого века и особенно последние полвека шел и продолжает идти стремительный отток деревенского населения в города. Едут, во многом вынужденно переселяются на вздыбленную землю новостроек псковские, рязанские, тверские, уральские, сибирские крестьяне, везут с собою и свой язык — и там он попадает, если так можно выразиться, в огромную «лингвистическую мясорубку», куда до нее вавилонской... Языковый отбор, требующий всегда много времени на «обкатку» столь резких, можно сказать, мировоззренческих перемен, попросту не успевает происходить, цельность «привозной» деревенской речи очень быстро утрачивается, расплывается в едкой этой среде — как разрушается и цельность старой, тоже веками формировавшейся городской речи. И потому царит у нас сейчас в городах (кроме немногих северных, провинциальных) некая смесь, порой довольно дикая, «французского с нижегородским», языковая полукультура, где рядом с каким-нибудь «энтээрзовским», еще безликим словечком непримиримо соседствует архаизм, — оба получая от этого насильного соседства какой-то пародийный оттенок: «Нынеча компьютер на базу притартали — огромный!» Да, вместе со столь ради-

кальной ломкой бытия, повторюсь, неминуемо (и чаще всего безвозвратно) происходит и ломка языка. Одна старушка, волею судьбы поматавшаяся по разным нашим городам и весям, так мне и сказала: «Где я только язык свой не ломала: и в Пензе жила, и под Краснодаром, и с казахами соседилась...»

Конечно же, формирование нового городского языка продолжается пока больше за счет грубого усвоения множества иностранных слов и терминов и столь же грубой нивелировки и разложения речевой культуры «растущей» по городам российской деревни. И продолжается, на мой взгляд, в не очень-то желательном для всех нас направлении: скрывается и все возрастающее отчуждение людей в современном городе, отчуждение, предсказанное еще Марксом и Энгельсом, которому нам пока нечего противопоставить, и гнетущее, все оплошнее и сводящее к примитиву воздействие массовой культуры, этого олитературенного, эстрадного, киношного и всякого прочего ширпотреба...

— Какое место, по-вашему, занимает в языке нынешней молодежи жаргон, сленг, какова вообще его природа? Почему он возник и так живуч?

— Слишком большое место, конечно. Жаргон обслуживает всегда, на мой взгляд, очень недалекие и низменные, большей частью, эгоистические, мелкогрупповые интересы и потребности, это самый, пожалуй, низкий уровень общения людей. Он грубо упрощает, до предела обедняет взаимоотношения «человеческих вселенных» (а каждый человек есть ведь и впрямь вселенная — со своим микропорядком и мировоззрением, нравственной высотой и глубиной, с тончайшими психологическими связями) — возьмите хоть тот же уголовный мир, где так ценится умение «по фене ботать»... Жаргон — это вид насилия не только над языком, но и, в первую очередь, над человеком, личностью. Он низводит вселенную и наш человеческий дом, где сосуществуют и обогащают друг друга сотни языков и культур, к подворотне, неоправданно сужает взгляд человека на мир и на свое место в нем. Я понимаю, жаргонный диапазон довольно широк, от «языков» всяких тайных обществ, бродячих торговцев-офеней прошлого до сленга «металлистов», но в принципе, убежден, они мало чем отличаются друг от друга. Истинному революционеру, например, не нужен примитивно-изоциренный набор словесных шифров, какими общались часто и общаются между собой всякие интриганы и заговорщики, ибо он борется ради раскрепощения богатств человеческой личности и культуры, всех возможностей человека и знает, что слово-суррогат практически всегда ведет к суррогату

действия. Истинно культурному человеку жаргон, сленг только мешает понимать другого человека, все многообразие людского мира, ставит преграды между людьми.

Мы порой сами не замечаем, как нам навязывается различный жаргон — политический, газетно-бюрократический (всяк уже сейчас понимает, например, что под словами «еще живы пережитки прошлого» подразумевается не что иное, как недостатки и протори нынешних времен, наших). А вот еще пример — и весьма, по моему, показательный. Уже на протяжении века различные группы и кучки энтузиастов довольно навязчиво проповедуют по всему миру искусственный язык эсперанто, издают десятки журналов на нем, даже проводят свои ежегодные международные конгрессы. Это голый, без своего народа, истории, эстетического и этического содержания, без глубокой необходимости своего появления на свет «гомункулус», выращенный в колбе умозрительности, — для международного, якобы межнационального общения... В отличие от живых, практически бесконечных в своем богатстве и творческом потенциале языков этот кончен, примитивен, несмотря на все ухищрения своих создателей, мертв, являясь лишь механическим, по сути, передатчиком информации, но не носителем духовной энергии народа. Общение на эсперанто, я уверен, — это псевдообщение, отвлекающее от настоящего познания культуры и духа народов, близких и дальних соседей наших по Земле...

С невольным содроганием представляешь, что будет, если народы мало-помалу и впрямь перейдут в своем внешнем и внутреннем общении на этот бездушный, безрадостный функциональный жаргон — это насаждение языковой, а значит, и духовной униформы, от которого до тоталитаризма рукой подать... Могут возразить, что эсперанто, дескать, только вспомогателен и не ставит перед собой таких задач... Не может не ставить, ответил бы я, ибо любая подмена в культуре агрессивна и стремится утвердить себя на костях подменяемого явления, в данном случае национальных языков, — как бы деликатно на первых порах, по малости сил, это ни делалось, в какие бы словечки ни обряжалось: «вспомогательный», «дополняющий»... Эрзац-хлеб никогда и ничем не дополнит, не заменит хлеб настоящий, если последнего в достатке.

Жаргон возникает, когда кому-либо надо выделиться в группу «своих людей», так я понимаю. Сначала появляются, перенимаются у кого-то несколько общих ходовых словечек, чаще из полублатного обихода, по сравнению с которыми обычные слова и выражения кажутся кое-кому «пресными»: ну, а дальше — больше, как водится...

Разговорный язык человека — это ведь его второе лицо, и увлечение жаргоном есть, по сути дела, желание некоторых из молодежи побыстрее выделиться и самоутвердиться — но только путем, каким полегче, по-эффективней, без труда, без нелегкого постижения настоящей культуры мысли и слова. За «лидерами» тянутся, стараются и другие, жаргоном хвастают, в нем соревнуются. А в результате эффект получается, как в насмешку, прямо противоположным: вместо того, чтобы выделиться и утвердить человека, эти попытки загоняют его в стадо одинаково с ним «ботающих» единорогов — скучное, скажу вам, зрелище... А наиболее умные, авторитетные «кшишари» в уголовном мире, кстати, чураются, избегают жаргона, выделяют себя в другую сторону — не приходилось встречать такое?

Бывает и наоборот: те, кто слабее характером, стремятся, подражая, забиться в самую середку себе подобных, «своих», где им кажется уютней, чем на ветру жизни, ее непростых порой вопросов и проблем. Объединяют, конечно, и общие увлечения. Но жаргон, увы, всегда свидетельствует об одном: о бедности общения такого рода. О недостатках воспитания, об элементарной нехватке культуры, социальной и нравственной несамостоятельности.

— Беднеет язык — беднеет душа?

— Скорее, наоборот — душа превична. Но язык — окружающий — очень сильно влияет на развитие, формирование души человека.

У нас были и сейчас есть любители поговорить о поголовно «темных массах» российского деревенно-крестьянского, о захватившем все и вся «мещанстве» городского жизненного уклада русских людей. Утверждения эти, конечно же, огульны, исторически недостоверны и перешли к нам частью из агиток, целью которых была сиюминутная политика, разрыв, а не связь времен; как известно, например, ленинские планы кооперации крестьянства, утверждавшие эту связь, были надолго забыты.

В недрах же нашего народа родилась, развилась и — через летописное наследие, не имеющее себе равных, через «Слово о полку Игореве», бездонный фольклор, через Пушкина, Достоевского, Толстого, Шолохова — проявилась одна из великих культур мира. И считать народ, любой, лишь назовом, на котором произрастают пресловутые цветы искусства, — это, конечно, верх бескультурия. Так что из-за бытовавших долгое время идейных перекосов в подаче нам нашего же исторического прошлого мы даже и представлять себе толком не можем сейчас культурный уровень наших предков. А был он весьма не низок — найдите, почитайте книгу «Лад» Василия Бе-

лова, книгу Владимира Личутина «Дивись-гора» хотя бы. И уж не ниже массового культурного уровня западноевропейских стран того времени, несмотря на бедность, порою нищету народных «низов»; язык тому лучший свидетель — полистайте, опять же, собранные Владимиром Ивановичем Далем «Пословицы русского народа», их там более тридцати тысяч — и каких!. Не знает аналогов в мировой литературной практике и его «Толковый словарь живого великорусского языка». Да и революция — это ведь тоже следствие народной духовной культуры, его нравственной энергии.

Я бы не сказал все-таки, что наш сегодняшний разговорный язык не развивается, подпитка его из сохранившихся языковых глубин, из настоящей нашей литературы продолжается; но и приобретений больших не вижу. А в так называемые «годы застоя» заметно прибавилось в разговорах людей некой «махровости», словечек из арсеналов торговцев, официантов и перекупщиков краденного, убогого юмора из «Утренней почты» и прочих хохмаческих телепередач... Наш язык по-своему и очень порою зло обличает наши недостатки. Сами, своим языком обличаем себя, не замечая этого.

— **Иытались ли вы использовать в своих произведениях какой-либо жаргон и как это делали?**

— Нет, у меня почти нет его — если не считать десятка-другого словесных оборотов и штампов нашей бюрократии в повести «По причине души». Да и убежден, что злоупотреблять жаргоном или даже, допустим, каким-нибудь местным диалектом русского языка профессиональному литератору в своих вещах не надо, не стóит. Достаточно лишь умело показать сравнительно немногие, но характерные образцы его в речи героя, положим, чтобы эффект был таким же, если не большим. Нужна мера, продиктованная художественной необходимостью. Иные же авторы, бойко работающие «по молодежной части», будто подрались распространять всякий словесный мусор — так порою подумаешь, заглянув хоть в тот же журнал «Юность». Причина такой авторской речевой развязности в большинстве случаев все та же: прикрыть бедность содержания и формы своих сочинений, заодно «набрать очки» у не очень-то требовательной части нашей читательской публики. То, что на том же молодежном жаргоне именуется «дешевкой».

— **Что вам помогло сформировать свой литературный язык?**

— Во-первых, живая речь нашего оренбургского села Ратчино, откуда родом, — сто восемьдесят лет назад оно целиком переселилось с Рязанщины сюда, в степи Южного Урала, и в неприкосновенности, считай, сохранило рязанский наш диа-

лект, очень богатый, развитый, с великим множеством поговорок и присловий. Бывая на родине, до сих пор открываю их для себя, все новые и новые, одна лучше другой, и не перестаю удивляться точности, сметке блистательной русской, уму народа, развиту куды дальше наших поверхностных представлений о нем. «Невольник не богомольник» — это ведь не только по поводу религиозных проблем, это можно сказать хоть о том же нашем наемном, по сути, сельхозработнике при земле, которого мы лицемерно величали в газетах «хозяином земли». — как бывший агроном это говорю...

И, конечно же, классика — именно она «ставит» язык (как ставят в консерватории голос певца опытные преподаватели) всякого желающего всерьез учиться литературному делу.

Богатство же, гибкость и красота языка нашей классики — поразительны, и далеко не все просто знают, какое это увлекательное дело — читать ее.

— **Что нужно молодежи, чтобы развивать свой язык?**

— Думать, чувствовать. Учиться видеть, понимать мир и людей вокруг себя. А хорошая, умная мысль и не скованное эгоизмом чувство всегда найдут себе точное, емкое, красивое слово.

— **С какими открытиями в русском языке вы встретились в своей жизни, в работе? Каких ушедших слов вам жалько — унесенных с собой что-то важное, чего очень не хватает современному общению?**

— Рядовые, на уровне слов и отдельных выражений, «открытия для себя» происходят часто, я о них уже говорил. Главным же открытием всякий раз является сам русский язык, его необыкновенные возможности. — кажется, можно выразить им всё. Он неисчерпаем, как хороший колодец: чем больше берешь, черпаешь из него, тем прозрачнее, чище вода... Если к Пушкину и Некрасову, Чехову и Есенину, Исаковскому и Пришвину привычка была с «незапамятных времен» детства, можно сказать, врожденная, то проза и поэзия Ивана Алексеевича Бунина явились так неожиданно ярко, радостно, в пору юности как раз, что первое время сам не свой ходил, начитаться не мог — глаза не верили, что другой, два десятка лет назад умерший в чужом краю и до поры до времени, считай, забытый у нас человек мог так написать о моем сокровенном, родном...

Жалко же, может, не столько каких-то ушедших слов — в их утрате есть своя печальная закономерность, диктат времен, — сколько той развитой, многосторонней, нравственной культуры речи старых интеллигентов, тоже уходящей, исчезающей быстро. У современной, молодой и уже не очень молодой, подчас ско-

ропелой интеллигенции в ходу, в большой моде сейчас некая напористость, неумение слушать и слышать других, порою даже вульгарность, всякие «американизмы» в речи, взятые напрокат из западных романов отнюдь не первого сорта, вроде «заткнись, милый, ты это уже говорил...» и других, лишь на первый взгляд безобидных грубоватостей, пусть даже и любовных. Но язык, повторюсь, тонко и точно отражает нравственное состояние современного ему общества, и за этой модной безапелляционностью отношений, за поверхностной книжной нахвтанностью, гонкой за «голыми», не очень-то отягощенными душевным опытом знаниями стоит очень многое: и легковесное, даже высокомерное порою отношение к результатам своей работы, и деловая, вернее, деляческая бесцеремонность и вседозволенность, и весьма-таки шаткое из всех и драматическое положение нынешней интеллигентской семьи — от шутивого «заткнись» до злобного «заткнись» дорожка гораздо прямее и короче, чем иные из нас думают...

Вопрос «гуманизации знаний», возвращения им нравственного смысла сейчас встал крайне остро, первоначально: без очеловечивания научно-технического прогресса, с равнодушными специалистами, компетентными в одних «железках» да терминах, мы далеко не уйдем, это должно быть понято сейчас всеми. Но ведь до сих пор не понимают, компетентность таких чаще всего оказывается липовой: те же часы, отведенные в нашей школе литературе и эстетике вообще, катастрофически сокращаются, урезаются — и кем? Да все теми же равнодушными ко всему «дядями-специалистами»...

— **Петр Николаевич, многие ребята ориентированы в своем чтении на детскую литературу, подростковую. Закономерно ли такое возрастное деление в литературе?**

— Вообще-то в хороших семьях дети, даже и малые, едят то, что готовлено для всей семьи...

В нашей литературе XIX века если и была литература для младших (вспомним хотя бы рассказы Л. Н. Толстого из «Новой Азбуки»), то весьма немногая. Зато издавались многочисленные книжки и библиотечки для общего, хочу подчеркнуть, семейного чтения. Туда же входили порою народные и авторские сказки; «Коньком-горбунком», «Аленьким цветочком», русскими народными сказками, собранными А. Н. Афанасьевым и другими писателями, зачитывались и дети, и взрослые не брезговали мудрой сказкой, как некоторые сегодняшние «высокообразные» родители, понимали и ценили ее. Некой особой литературы для подростков и юношества не выделяли, считай, не «выделявали», и вовсе не от бедности сил и средств. Через серьезные кни-

гия дети с ранних лет входили в большой мир взрослых, в раздумья и тревоги настоящей жизни — обратите внимание, какими вопросами и духовными проблемами занят герой романа Ф. М. Достоевского «Подтопок»...

Нынешние «подсюсюкивания» детям и молодежи, мне кажется, затягивают и без того позднее взросление нашего нового поколения — за исключением сравнительно немногих, по-настоящему хороших книжек, которые, кстати, всегда годятся для чтения и взрослым. Житков, Пришвин, Бианки, Носов, Алан Маршалл, Сетон-Томпсон, Шергин, Соколов-Микитов — есть имена, есть книги... И вопрос не в том, нужна она или не нужна, поскольку она уже существует и делает свое большое дело. Речь о том, какого она качества и направления, насколько верно отражает и творит жизнь. Мне кажется, детская и юношеская литература должна, обязана приблизиться к «взрослой», уйти от чисто развлекательного подчас «ктива»; прорехи в воспитании у нас огромные.

Подстраиваться же под сегодняшний уровень развития, под словарный запас молодежи, убежден, не надо. Вообще, подстраиваться под читателя — для литератора последнее дело: он тогда станет попросту несвободен в своем творческом волеизъявлении — а «невольник не богомольник», это уже сказано.

— Вы упомянули о влиянии на молодежь, на становление и общение ребят массовой культуры. В чем конкретно усматриваете это влияние?

— В смещении критериев истины, добра и красоты, и даже — это сегодня уже более чем очевидно — в разрушении этих критериев. Во все большем отчуждении человека от человека, цивилизованном одичании, в конечном счете.

Предлагаю вам сравнить, например, два «культа», имеющих, как у нас говорят, место: Сергея Яковлевича Лемешева и, скажем, Пугачевой. При всей, в обоих случаях, схожести понятия культа и его крайностей, в первую очередь показывающих интеллектуальную несамостоятельность поклонников, я все-таки был бы против того, чтобы ставить ревнивых почитателей той и другой стороны на одну доску. По той простой причине, что диаметрально противоположны, никак не совместимы и «объекты поклонения», и уровни восприятия, музыкальной грамотности поклоняющихся. Сергей Яковлевич Лемешев обладал, кроме голосовых данных, огромной музыкальной и духовной культурой, непревзойденным даром народного, глубинного чувства песни, пения вообще, — немудрено порой и маленьким себя почувствовать перед этим взлетом души, искренне поклониться ему. Но эта культура приподымает души, зовет

с собою ввысь, к совершенству духа, путь указывает, а не подстраивается под сиюминутные прихоти публики, желающей «отдохнуть» от несовершенств жизни, «отключиться»...

Происходящее ныне не только в нашей, но и во всей мировой культуре я (как и мои товарищи, как многие и многие деятели искусств) расцениваю как стратегическое, в буквальном смысле, наступление массовой культуры на все без исключения духовные человеческие ценности. Возможно, такая формулировка покажется излишне суровой, жесткой — что ж, я бы рад был ошибиться. Но по всему свету идет массивная «ползучая» подмена выстрадавших человеческих понятий прекрасного на дешево-крикливые, пустые, коммерчески выгодные, а то и прямо человеконенавистнические эрзацы. Любовь подменяется пошлыми криками о ней, самолюбованием, а следом и примитивным сексом, добро — насроко замаскированным под благодушие эгоизмом и безверием, красота — размалеванной в рекламном стиле вывесками чьей-то «красивой жизни»... Все это рассчитано и обрушено в первую очередь, конечно же, на молодежь, часто еще не научившуюся отделять зерна от плевел, истинное от мнимого.

Излишне, наверное, говорить, как перенимается многими нашими подростками от своих и заемных «звезд» подобный, нередко откровенно рваческий образ жизни — у всех это на глазах. И с какой-то безысходностью порой думаешь, представляешь, скольким же сотням тысяч, миллионам наших ребят изначально и часто навсегда перекрыта тяжелым, как свинец, роком дорога к пониманию музыки Шопена, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Свиридова, а заурядными детективами и прочим чтивом — к Баратынскому, Гоголю, Бунину, Рубцову...

Конечно же, не все и не всегда увязают, безвольно бредя на эти болотные огни, в «тумане мировой полукультуры», уставившись в ящик телевизора, и не вся наша нынешняя эстрада и кинодельчество бескультурны и однозначно плохи. Но потери тем не менее непозволительно велики... Мы и так слишком долго, слишком расточительно жили резервами народного духа и веры, мы их постошили, на проценты от светлого будущего уже начали жить — а оно ведь может попросту не наступить, наше будущее. На нас сейчас, если уж на то пошло, глядят глаза великих собирателей нашей земли, от неизвестного певца полка Игорева. Дмитрия Донского до Петра Первого. глаза летописцев, Ломоносова, Пушкина, Достоевского, глаза Ленина, и оплошать в наше грозное время нельзя, непростительно, преступно.

Беседу вел Юрий Шинкаренко
г. Оренбург.

Тридцать лет спустя...

Когда к заслуженному художнику РСФСР Виталию Воловичу редакция обратилась с предложением воспроизвести в юбилейном номере его первые журнальные публикации (имелся в виду год 1958: тогда участие Воловича в журнале было активным, он состоял членом редколлегия со всеми вытекающими отсюда последствиями — иллюстрировал материалы, участвовал в следопытских экспедициях и изощрялся на страницах за эти походы)... так вот, когда попросили обнародовать те рисунки, ученические во многом, Виталий Михайлович отшутился, мол, кто старое помянет...

Подумалось, действительно не стоит вытаскивать на свет те эмоционально статичные, технически вяловатые работы, поскольку художник известен широкому зрителю своей «классикой»: графическими листами по Шекспиру, Гете, Брехту, исландским и ирландским сагам, по «Слову о полку Игореве». Именно в них проявился собственный стиль: философская напряженность, драматизм, построенный на столкновении добра и зла, глубокое знание исторических деталей, а отсюда — умение отточенно выбрать ту, которая приобретет смысл философской категории.

ЦАРСКИЙ МОСТ, бум., темпера В. Волович

СОБОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, бум., темпера В. Волович

ИВАНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ, бум., темпера В. Волович

ВИЗОВСКОЕ «КОЛЬЦО», бум., темпера В. Волович

Но все же, если есть возможность, перелистайте старые комплекты «Уральского слепопыта». Тогда новые темперы В. Воловича из серии «Мой город», которые публикуются на вкладке, обретут логику творческого развития художника. За этим неожиданным для графика обращением к цвету, за этой «репортажностью» не стоит ли опыт журнальной работы?

Хотя, в отличие от тех старых репортажей, нынешние натурные его зарисовки полны глубинной мыслью, через них, кажется, проходит не просто межа между старым и новым, а граница, и художник здесь четко выявляет свою позицию. Какую, не трудно догадаться...

ВНИЗ ПО ВИТОЙ

У этого музея нет роскошных витрин, красочного путеводителя, молчаливых смотрителей, не указаны дни и часы работы. Любый посетитель редакции, взяв гидом кого-либо из сотрудников, может, не обзаводясь входным билетиком, спуститься по витой лестнице на первый этаж и осмотреть скромные три комнаты, именуемые музеем журнала «Уральский следопыт».

Систематика экспозиций весьма условна. Музей родился из добровольных пожертвований, каждому приношению редакция была искренне рада — все сгодится в хозяйстве. Потому и соседствуют мирно, не соперничая в исторической ценности, самовар с дореволюционным прошлым и уют выпуска сороковых годов XX века. Впрочем, и уют этот, нагреваемый не силой электричества, а жаром очажной плиты, с течением времени медленно, но прочно обретает статус реликвии, и подросток XXI века наверняка будет рассматривать его с тем же неподдельным любопытством, с каким мы взираем на массивное устройство — щипцы для колки сахарных головок.

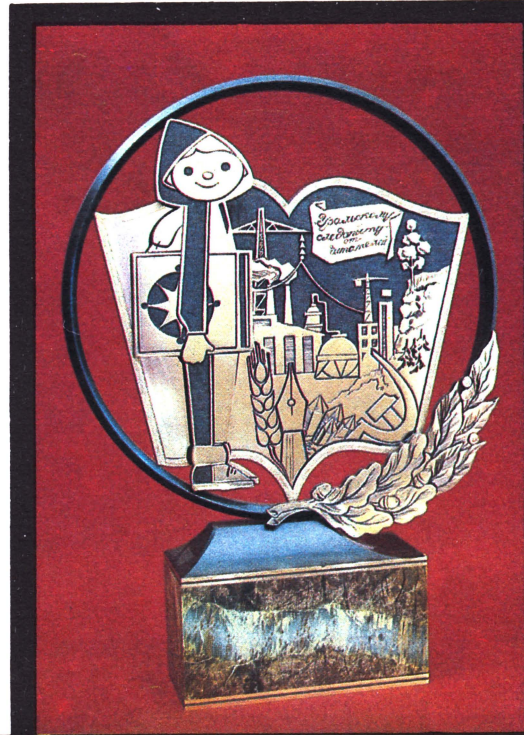

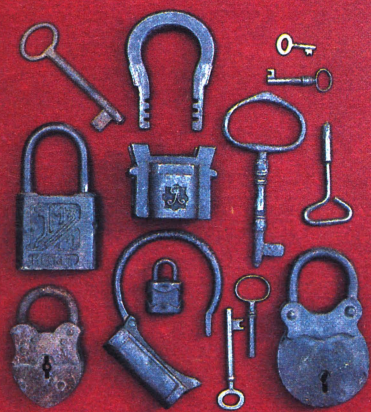
Фото Игоря Горлицева

МЕСТНИЦЕ...

В кажущейся стихийности есть своя внутренняя логика. Макет екатеринбургского дома, рукописные книги, иконы, казначейские билеты свидетельствуют, что журналу не чужды краеведческие устремления. Приз «Аэлита», книги, подаренные лауреатами этой премии, замысловатые рисунки, маски и карты — это, конечно же, фантастика, а керн с Кольской сверхглубокой скважины и водолазный башмак — день сегодняшний. Присутствует в музее и морская атрибутика — дар редакции от давнего друга журнала — отряда «Каравелла», руководит которым писатель Владислав Крапивин.

ОСТРОВА МАПИТАНЫ

ВЛАДИСЛАВ
КРАПЧЕВИН

РОМАН
В ТРЕХ
КНИГАХ

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ У МОРЯ

Пулеметчик

Солнце пылало. Оно обрушивало на развалины и плоские курганы лавину сухого жара. словно кто-то сыпал с громадного, как Сахара, противня потоки горячего песка. Его тугие бесшумные струи прижимали Гая к земле.

Гай сумел упасть удачно: голова оказалась в тени высокого камня с козырьком (может быть, карнизом древнего дома). Но тело осталось в полной власти солнца. И солнце (ага, попался!) навалилось на распластанного среди колочей травы мальчишку.

Но что оно могло сделать с Гаем? Сотый раз прожарить насквозь? Добавить еще один слой к матово-кофейному загару? И Гай снисходительно, даже с удовольствием принимал на себя сквозь пыльную сетчатую майку безоблачного августовского полдня. К тому же он знал: стоит шевельнуться, приподняться, и прокаленная кожа ощутит движение воздуха, в котором всегда есть прохлада близкого моря.

Но шевельнуться было нельзя. И Гай ощущал, что тело его растворяется в солнечном жаре. Это было приятно и в то же время опасно: наваливалась дремливая беззаботность. И негромкий стук пулемета казался таким же мирным, как кузнечики, как шорох волн под обрывами...

Гай видел рыжий от ржавчины пулеметный ствол в щели между серыми глыбами — то ли остатками старинной башни, то ли развалинами бетонного дота. Ствол неутомимо дергался в такт частым выстрелам. Гай подумал, что если это пулемет с диском, то диск для таких очередей должен быть размером с парковое колесо смеха. А если система с лентой, то лента — как эскалатор на Ленинских горах. Но сейчас боезапас противника зависел не от дисков и лент, а от воздуха в легких. Легкие у засевшего в камнях пулеметчика были, видимо, прекрасные, и он сыпал в горячую полуденную тишину бесконечную скороговорку:

— Та-та-та-та-та-та-та-та...

Нет, не совсем бесконечную. Порой скороговорка сбивалась на редкие «тых, тых, тых», похожие на выхлопы глохнущего мотора. Иногда наступала тишина. Однако стоило кому-то из атакующих поднять голову, как пулемет взрывался новой очередью...

Обойти его с тыла казалось невозможным. За

пулеметным гнездом поднималась двухметровая стена — видимо, остатки цитадели или казармы древнего Херсонеса. С флангов мешали минные ловушки. Три человека уже зацепили проволоку и выбыли из строя под злорадное звяканье консервных банок с насыпанной в них галькой. И под радостные вопли «убитых» солдат противника, которые теперь следили за боем с ближнего бугра. Эти наблюдатели не дадут схитрить и обмануть военную судьбу, если зацепишь мину-жестянку или откроешься перед пулеметом.

Да никто и не пытался хитрить. И Гай не станет. В здешней компании это не принято. Вот в Среднекамске, если игра в войну, только и слышишь: «Куда лезешь, я тебя уже убил!.. А вы вообще не по правилам, с той стороны договорились не нападать!.. Кто не по правилам? Вы сами хлыздите!»

Здесь такого нет. Может, в этих краях у ребят другие характеры, а может, просто удачная подобралась компания.

Гай познакомился со здешними мальчишками через неделю после приезда.

...В первый выходной, когда Толику не надо было идти в лабораторию, они отправились в Херсонес. Бродили среди серых стен и башен, среди засыпанных и заросших древних кварталов, среди колонн разрушенных храмов, по желтым скалистым обрывам и каменным пляжам, где волны перекачивали крупную гальку.

Толик то хватал Гая за рубашку, когда он пытался нырнуть в черный лаз подземелья или вскарабкаться по отвесу башни, то поторапливал, если он замирал надолго над притаившимся крабом или плоским камнем с полустертыми непонятными буквами.

...Где-то в этих местах двадцать пять лет назад тяжелая мина разнесла в пыль, перемешала с землей и горячей щебенкой старшего политрука Сергея Васильевича Нечаева, который был отцом Толика. И дедом Гая. И в самые озорные минуты веселость Гая была словно припорошена пепельной пылью.

А Толик, видимо, не замечал этого.

Впрочем, печали Гай не чувствовал. И стесненности в душе, какая возникает на кладбище или просто при мысли о смерти, тоже не было. Было другое чувство, хорошее. Тайная ласковость к этой земле.

Удивительная была земля — с загадками, клатами, легендами. С теплыми камнями старинных стен, с запахом спелых трав и моря... И оттого, что чаще здешней кремнистой почвы, травы и песка стал когда-то его дед, Гай ощутил эту землю своей.

ГРАНАТА

(Остров капитана Гая)

Книга вторая

Рис. Евгении Стерлиговой

Вдохнул воздух Херсонеса и с облегчением понял, что он не гость.

А до той минуты чувствовал себя приезжим.

Севастополь ошеломил Гаю блеском нестерпимо синей воды, режущей глаза белизной домов и корабельных рубок, буйной зеленью незнакомых деревьев, излишне ярким своим сверканьем. Гай ходил по улицам с Толиком и один, смотрел во все глаза, удивлялся и радовался, но робел в душе. Подавив робость, он взбегал по каменным трапам к памятникам, с размаха запрыгивал верхом на горячие от солнца пушки старых бастионов, храбро гладил местными лохматых псов и лихо подскакивал под разлапистыми ветками, срывая на бегу каштаны.

Так в фойе кинотеатра притворяется независимым и беззаботным пацан, проскользнувший без билета.

Казалось бы, откуда у Гаю эта неуверенность? Ведь приезжего люда в городе было, пожалуй, не меньше, чем коренных жителей. К тому же Гай ничем не отличался от местных мальчишек. За два летних месяца он дома успел загореть получше многих южан, а волосы выцвели до льняной белизны. С пирсов и камней нырнул он не хуже здешних ребят (а плавать в соленой воде было не в пример легче, чем в речной). Однако в глубине души у Гаю гнездились боязливое отчуждение: город был не его.

И лишь в Херсонесе Гай вздохнул, словно сбросил тесную, не свою, надетую по ошибке куртку. Или словно из дальней поездки вернулся к себе, на знакомую улицу. Хотя родную улицу Гаю ничто здесь не напоминало. Была солнечная тишина древних берегов и необъятность увиденного с обрывов моря...

На следующее утро Гай отпросился у Толика сюда один. Поклялся, что не будет «соваться куда не надо», а искупается только один раз и обязательно рядом со взрослыми («или нет, два, но недолго, ладно?»).

В середине дня он, порядком уставший от ласанья по развалинам и орудийным гнездам, от солнца и купанья, сидел у воды. Надевал на травинку дырявые камешки, которые считаются амулетами. И здесь подошли к нему трое мальчишек.

— Здравствуй. Пойдешь с нами? Не хватает человека.

В Среднекамске так не знакомились. Привыкший к обычаям Старореченской улицы и ее окрестностей, Гай прикинул (на всякий случай) путь к отступлению. Сдержанно ошетинился:

— Куда еще идти?

Все трое глянули удивленно. Старший — ровесник Гаю, высокий шуплый парнишка со спокойными глазами — объяснил:

— В футбол играть... Ты не бойся, это недалеко.

— А кто боится? — напряженно сказал Гай.

Лопухий пацаненок — самый маленький и похожий на ушастого воробья (если бывают такие) — посмотрел на Гаю и на товарищей, смешно пожал плечами. А третий — пухлогубый, в новенькой синей испанке с белым кантом — проговорил виновато:

— Ну, если не можешь, не надо... Как хочешь.

— Мы же только спросили, — добавил старший, пройдясь по Гаю снисходительным взглядом.

Эта снисходительность обидно царапнула Гаю. Но, когда ребята пошли от него, Гаю вдруг вспомнился речной обрыв, большой тополь и мальчишки в ковбойке (тогда еще незнакомый). Да, что-то оди-

наковое было в интонациях удивленных мальчишек и у Юрки. И Гай ощутил быстрое раскаяние и едкую досаду на себя.

Окутанные ленивым зноем скалы и развалины сразу наскучили. И даже искупаться нельзя — два раза уже залазил в море.

Гай догнал ребят среди колонн разрушенной базилики.

— А где играть-то? Камни кругом...

Но среди засыпанных тысячелетней землей и поросших пыльной зеленью кварталов лежали широкие лужайки. На одной — вогнутой, как плоская чаша, — ребята и гоняли мяч. Конечно, здесь был не стадион и даже не дворовая площадка. Камни подворачивались под ноги, шипастые головки здешнего чертополоха без снисхождения лупили по коленям, но игра шла на полном накале: мяч — такой же коричневый и поцарапанный, как игроки, — бомбой летал над колючками и сурепкой.

При счете восемнадцать — двадцать две команды обессиленно полегли. Игореша — пухлогубый пацан в испанке, — постанывая, сходил домой на недалекую улицу Древнюю и принес бидон квасу. Похожий на копченую скумбрию Славка выпросил у студентов-археологов, что работали неподалеку, батон и несколько помидоров. Сжевали, запили, и Артур (тот, что первый заговорил с Гаем) предложил:

— Купаться!

Гай с грустью сказал, что пора домой.

— А завтра приедешь? — спросил Игореша.

— Ага...

...Компания была большая, человек пятнадцать. И к стати, не все местные. Славка, например, был сыном ленинградского профессора, приехавшего со студентами на раскопки. Близнецы Денис и Вадка — москвичи, гостящие здесь летом у бабушки. Да и среди севастопольских ребят не все были с ближних улиц. Кое-кто, подобно Гаю, бродил по Херсонесскому заповеднику и познакомился с компанией случайно. И понравилось.

Конечно, здесь не было крепких дружеских связей. Так, ниточки приятельских отношений, вроде тех, что возникают в короткой лагерной жизни или в дачном поселке, где съехались незнакомые люди. Но все равно было хорошо. Была вольница. Этой вольнице повезло — не оказалось там ни одного нытика, завистника или такого, кто хотел сделаться атаманом. И жила она без обмана в играх, без больших обид и без ссор. Силой своей никто не хвастался, маленьких из игры не прогоняли.

Если совсем без командира нельзя было, выбрали Артура. Он спокойный и справедливый и знает здесь все закоулки. Но и он не был постоянным вожаком. Наверно, и не хотел.

Иногда кто-то из ребят на день-два пропадал, порой появлялись новые. Никто не знакомился специально. И Гай до сих пор у кого-то не помнил, а у кого-то путал имена. Многие были похожи друг на друга, как похожи люди на фотонегативах — все темнотицы и с очень светлыми волосами. Почти у всех (кроме жгучего брюнета Славки и рыжего кудлатого Руслана) волосы выцвели, тело — под многослойным загаром. Загар этот уже не блестел, а был словно припудрен. Проведешь по ноге помусоленным пальцем — она блестит, как протертая от пыли скрипка. А высохнет — и опять на ней тонкая пыльца. Это мельчайшие чешуйки кожи шелушатся от жгучего

ультрафиолета... И только следы от ссадин и заросших порезов долго розовеют, не загорают. А царапин всяких ой-ей-ей сколько, если вот так, по-пластунски, пробираться в камнях и колючках.

...— Миш...— прошелестел сзади жаркий шепот.— Ми-ша...

Пятиклассник Гаймуратов не любил свое имя. Оно казалось ему неуклюжим, как толстолапые медвежата, что рядами сидят на полках «Детского мира». Даже буквы этого имени представлялись Мишке выложенными из коричневых плюшевых колбас — вроде тех, которыми перекрывают проходы в театрах и музеях...

В школе судьба подарила Мишке новое имя. Она, эта судьба, выступила в лице драчливого и жуликоватого Витьки Дуняева, который в первом классе всех и сразу оделил прозвищами. Мишке Гаймуратову досталась обидная кличка «Гайморит». Не только из-за фамилии, а еще и потому, что дедушка — известный врач. Но это слово оказалось длинным и для многих первоклассников непонятным. Скоро оно сократилось до короткого и более приличного — «Гайма». После зимних каникул грозного Дуняева перевели в другую школу, и некому стало следить за строгим соблюдением прозвищ. Многие из них забылись (как забылся вскоре и сам Дуняев), а Мишка Гайма быстро превратился в Гая.

Гай — это хорошо. Некоторые даже думали, что он — Гай Муратов. Короткое имя было словно клич лихих конников. Недаром дедушка говорил, что один из давних его предков воевал в армии Шамиля. Вроде бы закончил этот предок в Петербурге кадетский корпус, был послан на Кавказ, а там перешел на сторону соплеменников, которых считал борцами за вольность. Когда Шамиль сдался, бывшего прапорщика Гаймуратова взяли в плен и хотели казнить, но царь вроде бы помиловал: не то за храбрость, не то за княжеский титул. Пленного отправили на поселение в Вятскую губернию, где он женился на дочке местного лекаря и дал нескольким поколениям русских медиков свою фамилию.

Бабушка — мамина мама — иногда поддразнивала деда:

— Как же, Вячеслав Игоревич, этот князь мог жениться на русской? Он был мусульманин, а она христианка! Это запрещалось.

— Ну, не знаю, — защищался дедушка. — Наверно, принял христианство.

— Вот тебе и раз! Воевал за ислам, под знаменами пророка Шамиля, а потом — в христиане?

— Я думаю, он воевал не столько за ислам, сколько за свои понятия свободы, — не сдавался дед. И добавлял с лукавством: — К тому же, любезная Людмила Трофимовна, любовь бывает сильнее всяких религий. Мир знает тому немало примеров. А?

Впрочем, рассказывая семейную легенду, дед и сам посмеивался. И добавлял:

— Больше никого из кавказцев у нас в роду не было. Но иногда чувствуется в крови что-то такое. Хочется схватить шашку и на коня...

Мама считала, что «такое» есть в крови и у Мишки. Иначе в кого он? Папа — сосредоточенный, весь в своих научных делах, спокойный и в очень толстых очках — в молодости его даже на фронт из-за близорукости не пустили. Мама — тоже с ровным

характером и бывшая отличница... Когда мама пудрила Мишкины синяки или разглядывала его дневник, она качала головой и говорила со вздохом:

— Черкес ты непутевый у меня, Мишка...

Мама одна умела говорить «Мишка» так, что имя не казалось неуклюжим. Она мягко растягивала слог «ми», а тяжелый плюшевый звук «ш» почти исчезал в мамином вздохе. Но и мама иногда называла сына школьно-уличным именем: «Опять за стол с невымытыми руками? Ох, Гай, получишь ты у меня трепку!»

Никакой трепки от мамы он никогда не получал. Разве что хлопнет она его по затылку, заросшему светлыми, совсем не черкесскими волосами, так это со смехом...

А иногда мама называла его Гаем и по-другому, ласково: «Ох, Гай ты мой Гай, в кого у тебя глазички такие?» («Какие?» — бурчал Гай. Мама смеялась: «Как купорос».) Или строго: «Гай, где тебя черти носили до темноты?»

Струйка теплого воздуха шевельнула на затылке волосы, а показалось — будто мамина ладонь. «Ох, Гай, где ты у меня, а?»

А он здесь. Далеко-далеко от родного Среднекамска. Лежит, прижатый к твердой кремнистой земле потоками сухого зноя и бесконечными «та-та-та» засевшего в камнях пулеметчика.

— Ми-шка...

...Он постеснялся здесь назвать себя Гаем. А на «Мишку» до сих пор отзывается с замедлением — с непривычки и от внутреннего упрямства.

— Миш... — его дернули за ступню. Гай оглянулся. Сзади — взмокший, в сдвинутой на затылок испанке — лежал Игореша. — Артур сказал, чтобы ты закидал пулемет гранатами.

— Да у меня всего одна! — Гай сжимал в правой ладони бумажный, перевязанный нитками пакет с сухой землей. Такие гранаты они понаделали с утра. Теперь их осталось совсем мало.

— У меня есть две... Но мне их не добросить, — самокритично выдохнул Игореша.

— Давай...

Одну Игорешину гранату он взял в левую руку, вместе с рейкой, изображавшей автомат. Вторую с натугой закинул в задний карман на шортах. Карман, и без того уже надорванный, затрещал. Гай мужественно чертыхнулся. Затем толчком ввинтил себя в лямки заросли подсохшей травы (похожей на полынь, но с другим запахом) и прополз до края каменной открытой площадки на пологом склоне.

До пулемета было теперь метров десять.

Отсюда Гай разглядел, что пулеметное гнездо — вовсе не остатки дота и не древние развалины. Это просто два больших камня, приваленные плоскими верхушками друг к другу. Между ними темнела треугольная щель. Из нее и торчал тонкий ствол с наконечником, похожим на ржавую воронку.

Воронка все так же неутомимо дергалась. Частое «та-та-та» стало теперь отчетливей и громче. И, кажется, злее. И Гай вдруг ощутил сильное раздражение против упрямого пулеметчика: засел там в тени, а ты тут жарься и царапайся из-за него! И вообще...

Что «вообще», Гай объяснить не смог бы, но все

вокруг сделалось жестче и серьезнее. Будто хищная воронка ствола могла и в самом деле ожечь Гая хлесткой болто.

Гай приподнялся на левом локте и швырнул гранату. Она полетела по крутой дуге. Земля посыпалась из порванной бумаги и оставила в воздухе пыльный след. Пакет лопнул от удара на внешнем скате камня в полутора метрах от амбразуры. Пулеметчик, видимо, даже не заметил «взрыва». Гай с горькой злостью на себя понял, что будь граната настоящей, ни осколки, ни взрывная волна не зацепили бы пулемет.

Гай часто и сердито подышал, заставил себя успокоиться и хладнокровно бросил вторую гранату. Хладнокровие не помогло. Тугой бумажный кулек упал далеко в стороне от амбразуры и безобидно застрял среди мелких камней.

Все, конечно, это видели, какая он размазня!

«Та-та-та-та-та...» — злорадно выводил неуязвимый пулеметчик. Гай встал на колени и дернул из кармана последнюю гранату. Дернул яростно — карман опять затрещал, бумага лопнула. Понимая, что все уже зря, что разорванный пакет не долетит, Гай не сдержал гневной обиды на себя и на весь белый свет — метнул гранату просто так, не целясь. Будто врагов впереди было множество. Пыльная начинка рассыпалась в воздухе, драный пустой кулек обесиленно спланировал, не пролетев полпути. А Гай упал ничком. От беспомощной злости и стыда.

— Миш, ну ты чего? — зашепестел позади Игоршин полушепот. — Мишка, давай...

Что «давай»? Будто глупый Игорешка не знает, что гранат больше нет... Или...

— Миша, ты ближе всех...

Вот, значит, что! Ясно, чего ждут от Гая все, кто залег среди колючек и ракушечника. Пять скачков вверх по наклонной каменной площадке и — грудью на ствол!

Про это столько раз читали. В кино видели...

Это просто и быстро. Давай, Гай!

Ну, что же ты, Гай...

Потом он не раз будет ломать голову: почему не бросился? Просто потрошить себя станет, чтобы докопаться до самой начальной причины. Может, показалось, что это не игра, а все по правде? Может, Гай просто и понятно испугался? Но если и так, то это лишь на дольку секунды. А лежал он сколько?

Лежал, пока не увидел, как со стены позади пулеметного гнезда прыгнули Артур и Славка. Значит, все же пробрались через мины, зашли с тыла!

Они скакнули с двухметровой высоты на камни и легли на них плашмя. Славка махнул белой веревкой, набросил на торчащий ствол петлю и вместе с Артуром сильно дернул аркан. Трехногий голенастый пулемет с тонким стволом и прижавевшим сверху диском вылетел из амбразуры. Конец ствола обломился. Пулемет запрыгал вниз по склону и опрокинулся, нелепо задрав треногу. Он был похож на дохлого великанского кузнечика.

Все-все теперь мчались вверх с победными криками.

И Гай бежал. Правда, чуть позади остальных.

Кто-то лягнул пулемет, и он опять покотился под-

прыгивая. Гай перескочил через него. Казалось бы, надо остановиться и разглядеть. Не каждый день видишь пулеметы, хотя и ржавые. Но инерция толкнула Гая вперед. Да и... не только инерция. Еще и стыдливое опасение — словно старый пулемет мог усмехнуться: «Сперва испугался, а теперь любопытствуешь?»

Вся компания — и атакующие, и «убитые» из обеих армий, — запаленно дыша, встала перед амбразурой. Гай увидел несколько ребят и девочку — такую же загорелую, как мальчишки, курносую, с прямыми желто-белыми волосами до плеч. Девочка-то явно была не из воюющих. На плече она держала брезентовую мужскую куртку, в руке — пустую сумку из клеенки. Видимо, подошла из любопытства.

Впрочем, Гай подумал о ней лишь мельком, потому что Игореша удивленным шепотом спросил:

— Ты почему не побежал на пулемет? Раз гранат не осталось, надо было вперед...

Шепот был громкий, и на Гая сразу глянули несколько человек. Гай проклял в душе Игорешу и сказал с явной интонацией старожилы среднекамской окраины:

— Чё зря выхваляться-то? Если бы по правде герой...

Тут сунулся «ушастый воробышек» Вовка:

— А по правде пошел бы?

— А ты? — огрызнулся Гай.

— Ой, я нет, наверно... — вздохнул простодушный Воробышек, и Гаю стало полегче. Тем более что на него уже и не смотрели. Смотрели на каменное укрытие пулеметчика.

Славка сказал в треугольную амбразуру:

— Эй, ты чего? Вылазь, сдавайся.

В гнезде было тихо.

— Ну, хватит уж, — сказал Артур. Без победного хвастовства и даже чуть виновато. — Все равно ты один остался и без пулемета. Все равно наша победа.

Незнакомый Гаю пулеметчик вылез на свет.

Он появился не из амбразуры, а из щели у стеньги. И поднялся, расставив перемазанные сухой землей ноги.

Гай сразу подумал, что мальчишка похож на свой пулемет. Костлявый, ломкий в суставах, с пятнами ржавчины на порванных шортах и на серой от пыли майке. Он был весь припорошен этой пылью. А в растрепанных волосах застряли комки земли и раковина улитки.

Гай ощутил стыдливую хмурую враждебность к мальчишке — такую же, как к его пулемету.

Казалось бы, чего злиться? Пулеметчик был младше Гая года на два. Беззащитный, пленный... Но нет, он не казался беззащитным. Он глянул на всех из-под пыльных ресниц, и во взгляде его был чистый синевато-стальной блеск. Тонко и непримиримо пулеметчик сказал:

— А почему ваша победа?

Все молчали, смотрели на гранату.

Граната висела на груди у пулеметчика. Она была не старая, не ржавая — не то что пулемет. Лакково-черная лимонка с медной трубкой запала и блестящим проволочным кольцом. Она цеплялась рычажком за вырез ворота и сильно оттягивала майку.

— А почему ваша победа?! — Пулеметчик вскопчил на верхушки двух камней над амбразурой. Секунды три он смотрел сверху — на одинаково удивленных противников и союзников. Потом втянул

сквозь сжатые зубы воздух и рванул у лимонки кольцо. И взметнул гранату над головой. Упала тишина, и Гай услышал в этой тишине звонкое шипенье. А потом — чей-то неразборчивый тонкий вскрик. Не страх, а похожая на сильный холод тоска приморозила Гая к месту. И он смотрел на зажатое в грязных пальцах мальчишки овальное ядро лимонки неотрывно. И копошилась под тоской пустая, ненужная мысль, что квадратики, на которые разделен корпус гранаты, похожи на шоколадные дольки. На одном квадратике горела солнечная искра.

А шипенье стало тише, и пулеметчик опустил руку.

— Ну? — сказал он.

— Тьфу, дурак, — выдохнул Артур. — Я уж подумал: настоящая...

— Я тоже, — часто дыша, признался Игореша. — Как заору. А упасть не догадался.

«Я ведь тоже решил, что настоящая», — понял Гай. И разлился на пулеметчика еще больше.

— Чего зря падать-то, — усмехнулся кудлатый Руслан. — У такой разлет осколков двести метров... Сержик, покажи.

Но пулеметчик Сержик, упрямо блестя взглядом, ответил:

— Вашей победы — нету! Теперь все убиты.

— И ты, — сказал воробышек Вовка.

— И я и вы. Все равно вашей победы нет.

— Ну нет, нет, — нетерпеливо согласился Артур. — Ничья. Прыгай сюда. Покажи игрушку-то...

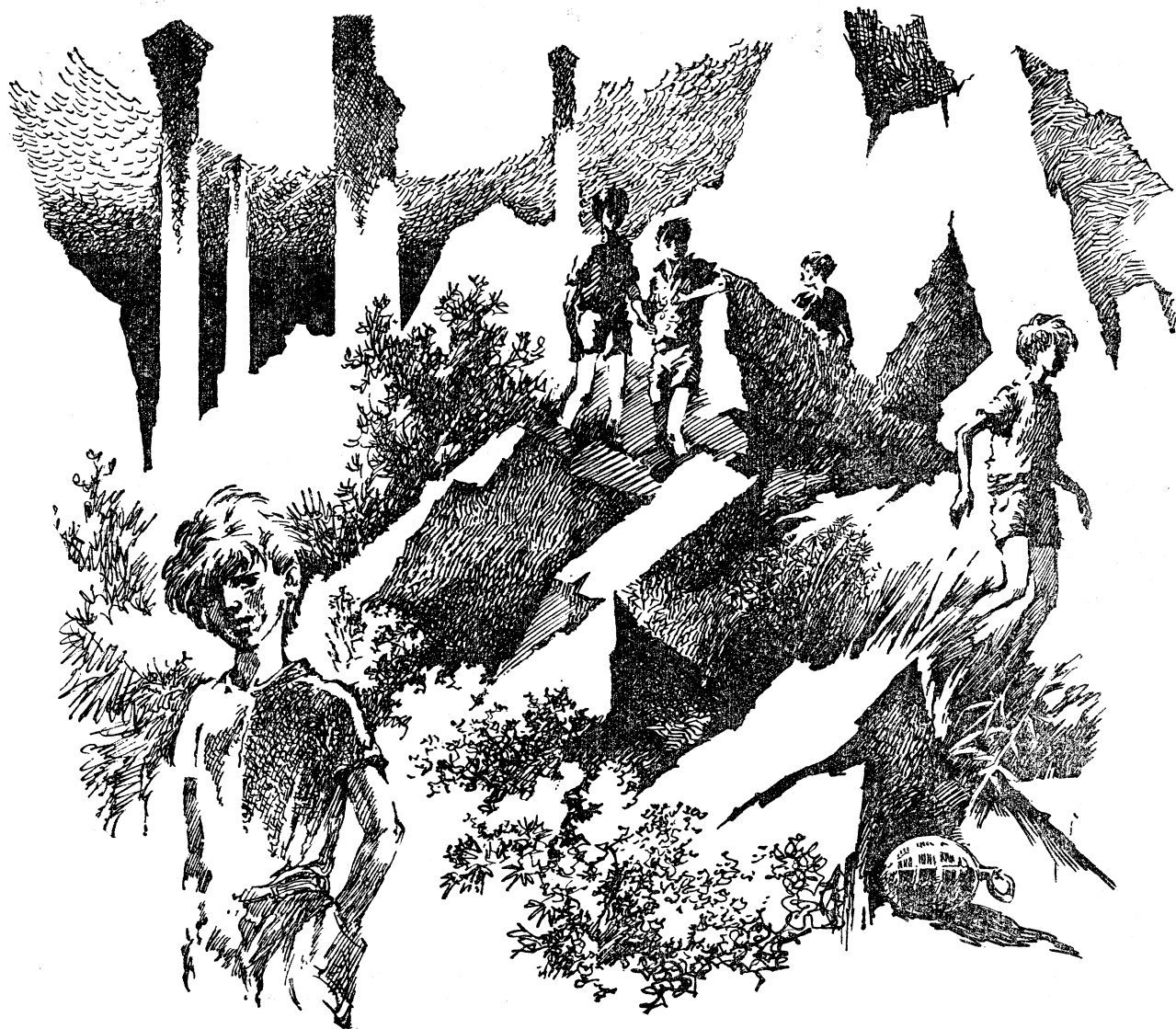
И мальчишка прыгнул с камней. Рукою с гранатой вытер под носом, размазав по щекам пыль, улыбнулся. И стал не пулеметчик, а просто поцарапанный и усталый Сержик.

— Ох и перемазался. Просто чучело, — сказала девочка.

Артур взял гранату.

— Как зашипит... Будто по правде запал горит... Где раздобыл такую? Или сам сделал?

— Не... — Сержик вытряхивал из волос землю. — Это Андрей, наш сосед. Там пружинка тонкая — как дернешь кольцо, она дребезжит, будто огонь шипит... Андрей, когда в армию пошел этой весной, мне на память оставил. А бабушка спрятала. Говорит: что за игрушка, страсть такая!

— Ну и правильно говорит,— негромко, но безбоязненно заметила девочка.— Все мальчишки безголовые...

— Андрей же пустую нашел, он понимает... А бабушка ее — за сундук. Я сегодня все равно отыскал...

Граната пошла по рукам. Каждый качал ее, тяжелую, рубчатую, в ладони, выдергивал кольцо, и жидкая пружинка в медной трубке запала отзвываясь тревожным шелестом.

Гай тоже подержал и дернул (и это, надо сказать, было приятно: в руке ощутилась грозная сила). Но он без задержки передал гранату Руслану. А сам отошел.

Стыдливая досада на себя не оставляла Гая. И усиливала раздражение против пулеметчика. Конечно, Гай и виду не показывал. Не то что от ребят, он и от себя-то был бы рад спрятать все эти едкие перепутанные чувства. Но от себя ничего не спрячешь.

Гай делал вид, что озабочен полусторванным карманом, и со скрытой ревностью поглядывал со стороны, как толкутся ребята вокруг Сержика. Видно, они считали бывшего пулеметчика героем.

А что он, в самом деле герой, что ли? Прыгнул, дернул кольцо... Попробовал бы так по правде...

Но почему-то пулеметчика никто не спросил, как Вовка спросил Гая: «А по правде пошел бы?» Видно, поверили, что Сержик и в самом деле смог бы.

«Просто дело в том, что граната как настоящая,— подумал Гай.— Увидели ее, вот и показалось, что он сам такой же... настоящий. А если бы бумажная, фиг бы кто поверил...» Но вспомнил Гай взгляд пулеметчика и понял, что все не так просто.

И все же он повторил про себя хмуро: «Потому что граната настоящая...»

Гранату все еще разглядывали. Потом Сержик засмеялся, что-то сказал и, будто объясняя, дернул опять кольцо и кинул гранату. Кинул не очень умело. Лимонка — тяжелая, а силенок-то у него... Граната упала недалеко, за кубическим пористым камнем на границе голой площадки. Пистолетно шелкнула по обломку ракушечника и тяжело покатила сквозь стебли сурепки вниз по склону. Путь ее был заметен по быстрому шевеленью мелких желтых цветов на верхушках травы. Потом шевеленье затихло.

Все побежали вниз. И Гай пошел торопливо. Лишь у кубического камня (наверно, цоколя старинной колонны) чуть притормозил, толкнул ступней в сторону широкую черепичную плитку.

Искали гранату долго. Вырвали всю траву, осмотрели места широко вокруг. Она как сквозь землю провалилась. То есть могла, конечно, и провалиться, здесь хватало древних колодцев и подземелий. Но поблизости ни одной отдушины или щели не нашли. Просто фокус какой-то. Не превратилась же лимонка в один из камней-кругляков, что валялись в траве!

Пулеметчик сник, все его жалели. Даже виноватыми себя чувствовали. А кого винить-то? Сам кидал. Нет, но куда она могла деваться?

Простодушный воробышек Вовка даже сказал:

— Может, кто прихватил, а? Лучше признавайтесь.

Все невесело рассмеялись: если бы кто-то и пошел на такое свинство, куда бы спрятал свою добычу? Любый карман оттопырится, любая майка отвиснет.

Ушастый воробышек неосторожно посмотрел на

сумку и брезентовую куртку девочки. Девочка легко уронила куртку, а сумкой деловито хлопнула Вовку по пыльной спине. И вздохнула:

— Дурак...

А Вадька — один из близнецов — ехидно спросил:

— Ну что, Вова? Есть там граната?

Все опять виновато посмеялись. Пулеметчик Сержик вдруг вскинул голову и решительно сказал:

— Ну ее, ребята. Пропала так пропала. Пошли купаться.

Все повеселели. Только Артур проговорил с недоумением:

— Но все-таки, где она?..

— Что теперь, бригаду с раскопок звать? — недовольно бросил Славка.

Сержик махнул рукой:

— Может, потом еще поищем... А может, и не надо. Мне из-за нее от бабки два раза уже ой как влетало! — Он смешно дернул лопатками — показал, что влетело крепко и что сейчас он не так уж расстроен потерей. — Пошли на пляж под колокол!

Он первый прыгнул к обрыву, и все за ним.

Только девочка осталась на месте. И Гай.

Артур вернулся:

— А вы чего?

— Мне в ларек надо, — сказала девочка.

— А ты, Мишка? Не будешь купаться, что ли?

— Я думаю...

— А чего думать? Окунемся — и обедать!

— Я не об этом думаю...

Он думал: «Сказать или не сказать?»

— Да пошли! — дернул его за руку Артур.

Толик, зная, что Гай теперь не один, больше не требовал никаких обещаний, Гай каждый день купался сколько хотел.

В жару даже самая теплая вода кажется прохладной. Гай с разбега бултыхнулся в глубину. Йодисто-соленая, шиплющая накаленную кожу свежесть смыла с Гая тревогу и сомнения. Гай открыл глаза. Увидел в просвеченной солнцем зелени стайку метнувшихся ставридок, бесцветное пятно медузы и коричнево-золотистые гибкие тела приятелей. Выгнулся и рванулся вверх...

И все же легкий осадок на душе остался. Когда ребята одевались, Гай сидел и молчал.

— Пойдем к нам, — предложили близнецы. — Бабушка блинчики с вареньем обещала сделать. По-едим — и в кино.

— Не, у меня дела...

Впервые за эти дни Гай хотел быть один.

Сомнения

Компания разбрелась — до завтра. Гай остался на берегу.

Он посидел минут десять, пересыпая камешки. В мокрой разноцветной гальке, в обкатанных осколках черепицы, сахарного мрамора и бутылочных стекол встречались белые кусочки костей. Чьих? Греческих, скифских, русских, немецких? Море все смешало в полосу прибой... Гай уже не первый раз подумал, что, может быть, скользнул между пальцев гладкий осколок дедушкиной кости. Но подумал без страха и

грусти, а лишь с оттенком привычного уважения. И снова стал думать о другом.

Вернее, ни о чем он не думал. Сидел, слушая шорох воды, и машинально отрывал от своих облупленных ушей пластики кожи. Уши от солнца шелушились все лето, ничего с этим нельзя было поделать...

Наконец он встряхнулся: надо одеваться. Правый карман сзади на шортах был оторван почти наполовину. Гай задумчиво оторвал его совсем. На выгоревшей материи остался ярко-синий квадрат. Гай усмехнулся и оторвал левый карман — для симметрии. Получилось ничего, даже красиво. А карманов хватит и боковых. Что в них, в карманах-то? Мягкий ненужный платок, ключ, несколько пятак да бумажный рубль — Толик дал на обед.

По зигзагам бетонной лесенки Гай поднялся на обрыв недалеко от морского колокола. Колокол был подвешен меж столбов, похожих на квадратные башни. Говорят, еще недавно в колоколе висел могучий чугунный «язык», и от него шел к недалекому белому домику трос. Во время штормов и туманов колокол тревожно гудел, предупреждал моряков о близких скалах. Но теперь другие сигналы, современные, а он так, пенсионер. Одна работа — побренчать для туристов, когда бросят камешком.

Гай миновал разрушенный желтый собор. Мальчишки рассказывали, что в первый час войны на купол собора упала немецкая парашютная мина — одна из тех, которыми фашисты пытались загореть выход из Северной бухты (фиг им, не вышло!).

Если бы не честное слово «не соваться», Гай давно бы побывал внутри, несмотря на грозные надписи «Опасно для жизни!» А сейчас приходится лишь разглядывать через проломы тускло-золотистую мозаику в полумраке таинственных развалин.

Гай прошел мимо переднего знака Лукулльского маячного створа. Знак был похож на вздыбившийся у обрыва рельсовый путь с черно-белыми шпалами. Гай привычно взбежал глазами по лесенке шпал. Красный фонарь створа светил несмотря на яркое солнце.

Солнце все погружало в дрему. Сонным был храм, замерли острые кипарисы, заколдованными войнами казались пыльно-белые колонны на древней площади Херсонеса. Не шевелилась сероватая сладко-пахучая трава. Дремали даже сизые катера на гладкой воде Карантинной бухты. И старушка в дверях будки у главного входа в Херсонес дремала, не взглянула на мальчишку.

Гай дождался автобуса — «пятерки» и доехал до проспекта Гагарина. Там пересел на троллейбус и скоро вышел у кинотеатра «Мир». Напротив стояла кафе-стекляшка с названием «Тюльпан».

Гай был голодный. Но в кафе солнце жарило даже сквозь зашторенные стекла, и от пластиковых столов пахло кислой капустой. При мысли о горячем супе замутило. Гай взял шницель с макаронами, но и его сжевал лишь наполовину. Запил теплым компотом. Столовой еды больше не хотелось, но в желудке все равно сосало от голода. И даже голова слегка кружилась.

Гай пошел к троллейбусной остановке. Троллейбус как раз подкатил и зашипел дверьми. Если побежать, можно успеть. Гай не побежал. Зато другие спешили. Его обогнала женщина с полными сумками. Из сумки выскочили на асфальт два алых мячика.

— Тетенька, помидоры потеряли! — лениво крикнул Гай.

Та, не оглянувшись, втиснулась в троллейбус, он уехал.

Гай подобрал помидоры. Если судьба что-то подбрасывает, зачем отказываться?

Гай ополоснул помидоры в мойке газировочного автомата, вернулся в «Тюльпан», обмакнул их в солонку и вышел опять.

Помидоры были спелые и прохладные. Откусывая от каждого по очереди, Гай перешел горячий от солнца проспект и нырнул в тень на улице Гавена. Он решил вернуться в Херсонес пешком.

Улица вывела его к школе, стоявшей на бугре. Школа была безлюдна. Но через две недели здесь все будет по-другому... А Гай будет дома, далеко-далеко отсюда. Это, конечно, хорошо, но ребятам, что учатся в этой вот школе, рядом с морем, рядом с древним таинственным городом, Гай от души позавидовал.

От школы тропинки вели через пологую ложбинку: одни к плоскому берегу Песочной бухты, другие — снова вверх, к остаткам крепостной стены и на мыс, к развалинам сторожевой башни. Развалины торчали над обрывом, как двойной зуб исполинского чушища.

Гай оттер с ладоней о майку помидорный сок и вприпрыжку припустил через ложбину к башне. Напрямик, без тропинок. Через солнечное, полное тишины и кузнечиков безлюдье.

Плети ползучих трав хватили за шиколотки, но не сильно, шутя. Подсохшие листья и колючки царапались, но не больно, а так, для порядка. Солнце горячими ладонями весело подтапливало Гая в спину и затылок. Он без отдышки взбежал к башне. Вот что значит два случайных прохладных помидора!

У башни Гай остановился. Море под обрывом слегка опускалось и подымалось. Со звоном, но почти без пены вода накатывалась на камни. Потом она отступала, и тогда из маленьких гротов и расщелин вырывались минутные водопады. Вдали море было ровно-синее, а под обрывом — разноцветное. Сквозь пологую, почти незаметную зыбь солнце высвечивало дно, как сквозь бутылочное стекло. Видны были зеленовато-желтые плиты песчаника со змеистыми проблесками от ряби и быстрыми тенями от рыбешек, красно-бурые мохнатые водоросли и черно-изумрудные провалы глубин. В глубинах качались размытые пятна медуз...

С моря тянул неторопливый ветерок. Из-под обрыва, как медленные вздохи, долетала прохлада. Кружили чайки.

Гай прислонился к неровным камням башни и глянул на горизонт. Синева моря отделялась от выцветшей безоблачной голубизны четкой, как фиолетовая струна, чертой. У этой черты маячили полупрозрачные силуэты сторожевиков. Их мог разглядеть каждый, у кого хорошее зрение.

Но Гай видел то, чего не увидят другие. Над струной горизонта вставал похожий на сизое плоское облако остров. Если приглядеться, можно было разглядеть сквозь дымку желтоватые обрывы и такие же, под цвет скал, башни и зубчатые стены. Кубики домов, пальмы, длинные лестницы на откосах. Шпиль и флюгера. Синюю цепочку лесистых гор позади крепости и домов...

Остров приближался, наплывал. Послушная командам Гая шлюпка с дружными гребцами шла к

острову под равномерный веселый скрип. И вот захрустел под тяжелым килем песок.

— Подождите меня здесь,— сказал Гай матросам.

— Да, капитан. Есть, капитан...

Капитаны бывают не только взрослые. Был, например, пятнадцатилетний капитан. Почему не быть такому, которому двенадцать? В своей сказке ты сам хозяин.

Гай придумал эту сказку-игру не здесь и не сейчас. Об острове, где всюду тайны, где в любом переулке можно наткнуться на приключение и где, если повезет, встретишь самых понимающих и надежных друзей, он мечтал лет с девяти. Иногда забывал, а иногда сказка захватывала все мысли. Даже снилась.

Гай стеснялся своей игры. Правда однажды, этой весной, он рассказал об острове Юрке Веденееву. Тот слушал внимательно и без всякой насмешки. Но и без большого интереса. Видимо, считал, что от придуманных приключений жизнь интереснее не делается. А друзей на острове искать ни к чему, если есть рядом Гай, а у Гая есть рядом он, Юрка. Плохо, что ли?

Это было совсем не плохо, Юрка — человек что

надо. Он доказал это еще зимой, когда в Парке судостроителей им повстречался полузабытый Дуняев с друзьями. Дуняев узнал Гая:

— Гайморит! Какая встреча! Старый друг!..

Гай себя трусом не считал, но сейчас сразу понял, на чьей стороне перевес, и, хотя было противно, слабо улыбнулся. Будто не обижается и все это так, шутка.

— Ты куда, Гайморит! Давай поговорим! — За рукав схватил. — Ты чего такой невежливый?

— Ну чё...— сказал Гай, а Юрка повел себя как надо. И дружки даже не посмели вмешаться, когда скуля и держась за глаз, Дуняев пошел прочь. Гай запоздало лягунул на прощанье одного из робких дуняевских спутников. А Юрке сказал:

— Знаешь, я как-то растерялся...— Иногда лучший способ избавиться от неловкости — это сразу признаться.

— Бывает,— рассеянно кивнул Веденеев. Будто ничего не случилось. Он был понимающий человек. Гай заметил это еще при первом знакомстве, в сентябре...

Но про остров Юрка не понял, и Гай об этом

больше с ним не говорил. В конце концов с Юркой и без всяких сказок было хорошо...

...Но порой сказка так тянет к себе, забирает в плен.

...Гребцы остаются в лодке, а Гай идет по тропинке к бугристой крепостной стене. Он ясно видит и камни, из которых сложена цитадель, и даже крапинки слюды в камнях — они поблескивают под вечерним солнцем, которое светит в спину. И неровную глинистую тропинку видит...

Стена как бы разрезана щелью. В щели — узкая лестница. Она стиснута высокими гранитными постройками без окон. Ступени — крутые и стертые, того и гляди ногу свихнешь. Когда Гай начинает уже уставать, слева он замечает в стене сводчатую нишу и дверь из тяжелых досок. Дверь приоткрыта.

Гай входит в извилистый прохладный коридор. Пусто. В полумраке горят над головой фонари — то ли со свечами, то ли с газом. Коридор тянется, тянется и приводит Гая в комнату с полукруглым окном. Солнце наклонными широкими лучами упирается в полки с кожаными старинными книгами. Блестит бронзовое кольцо на громадном глобусе. Рядом с глобусом, на низком дубовом столе лежат свитки и желтые разлохмаченные листы.

Гай чувствует, что на много шагов вокруг нет сейчас ни одного человека — ни в комнатах, ни в коридорах. А еще он знает, что в каждой книге, в каждом свитке со старыми морскими картами — какая-то загадка. Выбирай, Гай. Любую...

Он тянет со стола свиток.

Свиток тяжелый! Почему?

Гай тянет сильнее. Бумажная труба раскручивается. К ногам Гая падает черная круглая граната.

Гай вздрогнул. Такого еще не было в сказке...

Но и гранаты в его жизни до нынешнего дня не было! А сейчас она о себе напомнила. Гай повел плечами — стесненно, стыдливо и... нетерпеливо. Остров исчез. Быстро, уже без остановок Гай добрался до бугра с пулеметным гнездом.

Похожий на дохлого кузнечика пулемет по-прежнему валялся среди камней. Гай глянул на него искоса. Прошел выше, к кубическому камню.

Оглянулся. Поодаль бродили одинокие туристы, но близко не было ни души.

Гай ощутил толчки сердца, сел на корточки, отодвинул от камня кусок черепицы. В открывшуюся щель упал прямой луч. Яма под камнем была неглубокая, с полметра. Луч загорелся колючим огоньком на черной грани гранаты.

Когда пулеметчик бросил гранату, Гай стоял в стороне. Он видел то, чего не заметили остальные. Граната, упав за камень, выбила из земли серый, похожий на черепашку голыш. Он и покатился сквозь траву, обманув мальчишек. А лимонка рикошетом ушла в норку под большим камнем — словно решила перехитрить хозяина.

«Стойте, она там!» — хотел крикнуть Гай, когда все бежали вниз. Но ребята промчались очень быстро. Ладно, пусть поищут, а он потом хитро посмеется и скажет. И Гай пошел следом. На пути попала широкая черепичная плитка. Прямо под ногу. И Гай, еще не думая (или почти не думая), пяткой отшвыр-

нул ее к камню. Он виноват разве, что плитка так ловко, будто нарочно, прикрыла узкую черную норку?

Сначала, когда искали, Гай все ждал момента, чтобы сказать: «Прошляпили гранату? Эх вы! Да она совсем в другом месте!» Ждал, ждал... Сказать лучше всего было, когда пулеметчик совсем сникнет и, может быть, даже пустит слезинку. Гай сразу пожалел бы его.

Но пулеметчик сперва запечалился, а после махнул рукой: «Ну ее, ребята. Пропала так пропала...»

Едкая досада снова укусила Гая.

«Ну ее? Тогда ищи сам, если еще захочешь...»

Он понимал, что искать гранату выше по склону никому не придет в голову. «Не будешь в другой раз хвастаться и строить из себя героя», — добавил он, старательно ожесточаясь в душе.

И если так получилось, пускай лежит граната в тайнике под камнем, никому не известная. И, значит... уже ничья.

А что, разве зря все так вышло? И камень-кругляш, и незаметная норка, и то, что Гай лишь один все это видел? И кусок черепицы под ногой... Будто сама судьба хотела...

По дороге в кафе Гай вдруг встревожился: а если под камнем глубокое подземелье? Но теперь оказалось — просто выемка. То ли какой-то зверек вырыл, то ли дождевая вода размыва рыхлую землю... Гай вынул гранату. Покачал ее в руках — увесистую, рубчатую. В ней, хотя и в пустой, чудилась боевая мощь. Как в тяжелом пистолете «макарове», который однажды показал ребятам отец Витьки Лаврентьева, офицер. Дал Гаю, Витьке и Юрке подержать и разрешил даже по разику щелкнуть курком...

«С такой-то можно себя хоть кем вообразить», — опять шевелилась мысль. Но додумывать ее Гай не стал. Потому что пришлось бы представить и то, как среди врагов ты рвешь кольцо и... и тогда опять, как перед пулеметом...

И все же Гай дернул кольцо. Но уже с другой мыслью — с той, что шевелилась позади обиды на пулеметчика. С мыслью, как здорово будет притащить эту штуку в класс. «Гай, ух ты! Гай, она раньше была настоящая? Дай подержать! Гай, где взял?» — «Нашел там, у моря. В тех краях этого добра хватает, война ведь была...» — «Гай, давай меняйся!» — «Нет, я же ее не себе... Я Веденееву привез!» И тая от собственной щедрости, он скажет: «Юрка, держи, это тебе...»

Гай дослушал, как шипит в запальной трубке чуткая пружинка, и вставил на место чеку с кольцом... и услышал шаги! Дернулся, уронил гранату, обморочно съежился.

Шаги были легкие. Несомненно, кто-то из мальчишек вышел из-за каменной стенки.

Не сразу и через силу Гай повернул голову.

В траве шел серый тощий кот.

— У, бандюга... — чуть не со слезами сказал Гай.

Кинул в кота улиточной ракушкой. Тот не ускорил шага, только презрительно дернул поцарапанным ухом. Это презрение Гай полностью отнес к себе. Облегчения он не чувствовал. Стыд, хлынувший на Гая, был тяжелым, вязким и липким, словно сверху опрокинули цистерну холодной, но жидкой смолы.

Такой стыд Гай до этого испытал, пожалуй, лишь однажды. Два года назад он пробрался в кабинет

деда и в толстых медицинских книгах разглядывал картинки — те, что совершенно не для детского глаза. Гай понимал, что, скорее всего, помрет на месте, если его увидят за таким занятием. Но какое-то особое, «замыслительное» любопытство было сильнее запрета и страха. К тому же Гай знал, что дома он один.

Он увлекся настолько, что не услышал, как вернулась бабушка. И обмер, когда она вошла в кабинет.

Бабушка не сказала ни слова. Взяла у Гая книгу и поставила на полку. Потом ухватила его за ухо и повела в другую комнату. Обмякший от позора и ужаса Гай не пикнул и не оказал сопротивления. Он был готов к самой жуткой каре. Но бабушка оставила его одного и молча прикрыла дверь.

До вечера Гай тяжело томился в ожидании последствий. Но ничего не происходило. Только мама спросила, почему Гай такой присмиривший. Не заболел ли?

После ужина Гай носил на кухню чашки и не смотрел на бабушку, которая хлопотала у раковины. Бабушка вдруг сказала, будто продолжая разговор:

— Самое скверное даже не то, что ты совал нос, куда не следует. Любопытство можно, в конце концов, понять. Но ты обещал дедушке не трогать без спроса его книги. Значит, тебе нельзя верить?

Гай сопел, снова увязая в стыде, как в жидком студне.

— Иди сюда...

Он, волоча ноги, подошел (ох как было тошно). Бабушка вытерла белую, без цветочков и полосок, чашку — любимую пилу деда.

— Смотри, — она поднесла чашку к виноватому носу Гая. — Совесть у человека должна быть такой же, без пятнышек. Иначе будешь всю жизнь маяться, как сегодня. Понял?

Гай, краснея, но с облегчением выдохнул, что понял. И с той поры обещаний старался не нарушать. А то себе дороже.

...Но сейчас-то он никакого обещания не давал! И никому ничего не врал! Если бы спросили: не знаешь, где граната? — сказал бы сразу. А так что? Обязан он, что ли, докладывать?

Драный серый кот опять прошел в пяти шагах и глянул ехидно: «А чего же ты так обмер?»

«Потому что ребята могли подумать, что я нарочно стащил», — сказал Гай. Себе, конечно, а не коту.

«А ты не стащил?»

«Я?! — старательно возмущился Гай. Он уложил гранату в норку. — Вот! Пусть ее ищет, кто хочет! Пожалуйста!.. Смотрите, я даже черепицу выкинул, пускай будет все, как само собой случилось, я здесь вообще ни при чем... Пусть граната лежит хоть сколько... хоть целую неделю. А если не найдут и забудут, тогда... ну, тогда не все ли равно: здесь она останется никому не нужная или окажется... у того, кто про нее знает? Все будет законно...»

Гай выпрямился, шуганул кота и побежал к обрыву...

Каретта

Ему опять хотелось искупаться. Избавиться от жары, смыть усталость и... ну, и мысли всякие тоже пускай смываются.

Но когда Гай спустился с обрыва, сонливое утомление окутало его неодолимо. Гай только сбросил кеды и сел на ячеистый желтый камень. Небольшие волны перекачивали гальку, подбирались, заливали ступни. Гай привычно брал мокрые камешки, перебрасывал лениво, сыпал на колени... Потом глянул на горизонт и опять попытался представить остров. Не получилось.

Остров появлялся лишь в такие минуты, когда не было на душе тревоги. А сейчас Гая все еще точило сомнение. Насчет гранаты. Уже не сильно точило, но полного покоя не было.

Опять закружилась голова. Наверно, от ровного набега воды... Гай встал, встряхнулся. Скользя по камням, вошел в воду по колено. Плеснул в лицо полную пригоршню, фыркнул, выпрямился и... Что случилось?!

Он никогда не испытывал такой боли!

Ядовитая игла вошла в середину ступни, прошила Гая до затылка! Боль скрутила Гая, швырнула на берег, скрючила на гальке. Все стало едко-желтым — небо, море, камни, мысли...

Хотя нет, мыслей не было. Только нестерпимая игла в ступне и ощущение яда в каждой клеточке тела! Гай заорал бы во всю силу, но горло перехватило, воздух стал твердым, Гай корчился и выгибался, не понимая, почему еще не умер.

И никого не было рядом. Лишь в полусотне метров бултыхались несколько ныряльщиков с масками. Никто, конечно, не смотрел на скрюченного, задыхающегося мальчишку...

...Потом в боли появились как бы окошечки. Короткие послабления. В один из таких моментов Гай сел. Вытарашив глаза, стиснув ступню, он дышал разинутым ртом и с ужасом ждал, что игла вгонит в него новую порцию яда...

— Ты что?

В размытом желтом пространстве (которое тоже было болью) возникла девочка. Кажется, та самая, что была с мальчишками на бугре. Не все ли равно? Ой!.. Ну когда кончится эта мука?!!

— Ну-ка, дай... — она оторвала от ступни его руки. Взяла ее в свои ладони. Холодные. — Ну-ка, ляг...

Он откинулся на гальку.

Руки, маленькие, мягкие и решительные, сдавили ступню раз, другой. Сильнее. Словно выдавливали иглу. Прошлись быстрыми пальцами от щиколотки до колена. Опять сжали ступню упругим кольцом. Прохладные ладони будто втягивали боль в себя, яд нехотя уходил из Гая. К небу, к морю медленно возвращались голубые тона. Гай со стоном приподнялся на локте. Боль все еще была отчаянная, но уже из тех болей, которые можно кое-как терпеть. И к тому же она смягчалась.

— Лежи, лежи, — сказала девочка. — Ты, наверно, на дракончика наступил.

— На кого? — спросил Гай со всхлипом.

— На рыбу такую, ядовитую. Не знаешь разве?

— Я не здешний...

— А... Ну, лежи. Ты не сильно наступил, это ничего.

Гай опять упал на спину. Ладони девочки снова прошли по ноге, убирая еще один слой боли. И Гай, который всегда смертельно боялся щекотки, сейчас лишь благодарно улыбнулся.

Девочка опять сказала, глядя на свои руки:

— Ты не сильно наступил... У дракончика в плав-

нике такой шип ядовитый. Если глубоко воткнется, тогда всякое бывает. Даже больница... А у тебя поболит и пройдет...

Болело уже совсем обыкновенно. Гай сел. Девочка подняла лицо. Оно было загорелое. Нос вздернутый и веселый, глаза серые и серьезные. Она смотрела сквозь длинные пряди волос. Потом, кажется, смутилась. Опять взялась за его ногу. И маленькие решительные ладони приказали боли стать еще мягче и глуше.

Гай мигнул мокрыми ресницами и спросил вполне серьезно:

— Ты колдунья?

Она сказала без улыбки:

— Я внучка колдуна. Он вон там...—И кивнула на море.

Метрах в двухстах от берега стояли веши рыбачьих сетей. Маячило несколько лодок. Стрекотал мотобот.

— Значит, твой дедушка — рыбак?

— Да, он в бригаде. Ставриду ловят... Был меха-

ник на траулере, а как на пенсии оказался, пошел в артель. Чего, говорит, дома сидеть. В море, говорит, и помру...—Девочка вздохнула и поправила волосы.

— Ты же сказала, что он колдун,—слабо улыбнулся Гай.—Колдуны не умирают.

— Так это он сам говорит... Но он еще крепкий.

— А почему колдун?

— Потому что все про море знает. Про ветры, про рыб... И меня маленько научил разбираться.

— Ничего себе «маленько»,—опять улыбнулся Гай.—Нога уже почти не болит... То есть болит, но так... по-человечески.

— И еще поболит. Но не сильно. А завтра совсем пройдет... Если будет больно ходить, ты не бойся, все равно ступай. Дедушка говорит, это полезно... Ты далеко живешь?

— Ох, далеко,—огорчился Гай.—На ГРЭС.

— У-у...

— А ты здесь?

— Нет, я в городе... Я дедушке поесть приносила, а потом он попросил за папиросами сбежать.

— Разве колдуны курят? — опять улыбнулся Гай.

— Да. «Беломор»... А еще велел робу домой отнести, зашить. — Девочка шевельнула на песке брезентовую куртку.

— Тебе, наверное, домой надо, — виновато сказал Гай. — А ты со мной возишься...

— Я не тороплюсь. Когда сможешь, вместе пойдем. Я тебя до Графской пристани провожу.

— Да ну... — с неуверенной бодростью отозвался Гай. — Я сам дойду. — Он поднялся. — Вот, уже можно ступить. Ой...

— Нам все равно по пути до Графской, — сказала девочка.

— Тогда ладно.

Гай не ощущал скованности, какая бывала раньше при знакомстве с девочками. С этой девочкой ему было хорошо и спокойно. Ну, почти как с Галкой. Только сестра старше Гая на шесть лет, а эта — ровесница. Одного с Гаем роста, тоненькая, в бело-синем выгоревшем платье, с облупленными мальчишечьими коленками и в старых полукедах... Она заметила скользкий взгляд Гая, а Гай понял это и смутился. Но смущенье было легкое, даже приятное.

И Гай опустил глаза, поспеел и спросил:

— Тебя как зовут?

— Ася.

Гай вздохнул удивленно — так подходило ей имя. Почему-то представился тростник с белым волокном головок и спокойный посвист ветра в стеблях.

— А меня... Мишка... — Он поморщился от досады на себя и сказал решительно: — А чаще меня зовут Гай. Из-за фамилии.

Ася кивнула без улыбки:

— Гай — это хорошо. Похоже на Гайдара, да?

— Ну... не знаю... — Сравнить себя с Гайдаром было бы большим нахальством. Но стало все-таки приятно.

— Тебе у Гайдара какая книжка больше нравится? — спросила Ася.

— Не знаю... — Гай никогда об этом не думал и теперь старался сообразить. — Может быть, «Школа»...

— А мне «Судьба барабанщика»... Книжка и кино. Ты смотрел этот фильм?

Гай кивнул. Ася наконец улыбнулась. Неожиданно.

— Я когда в первом классе была, думала, что байдарка называется «гайдарка». Лодка для пионерских походов. Пела: «На гайдарке, на гайдарке по реке наш путь далек...»

Гай обрадованно сказал:

— А я раньше думал, что «пирога» от слова «пирог». Потому что бабушка такие острые пирожки стряпает, как лодочки... Смотри, Ася, я уже ступаю.

Они ехали в город в полупустой «пятерке», что ходит от Херсонеса до площади Нахимова. Автобус неторопливо подвывал на подъемах. Гай держал на коленях твердую брезентовую куртку. От нее пахло рыбой и табаком.

— Ты откуда приехал? — спросила Ася.

— Из Среднекамска. Слышала?

— Конечно, слышала... Далекое-то как.

— Всего три часа на самолете.

— Я на самолете только в Москву летала. Один раз... У меня там тетя. А у тебя здесь кто?

— У меня?.. Мы так приехали, ни к кому. С Толиком...

— С братом?

— Ага... То есть это мой дядя, но он все равно что брат. Я его раньше «дядя Толя» звал, а потом он сказал: «Какой я тебе «дядя»! Не старь меня перед девушками».

— Значит, молодой еще...

— Он с виду будто студент. А вообще-то уже тридцать лет... Ты думаешь, он отдыхать сюда приехал? Он подводный аппарат испытывает. Такого робота-разведчика... Ася, этот аппарат может и рыбные косяки в море искать! Толик рассказывал...

— Рассказывал? — слегка удивилась Ася. — Значит, это не секретный аппарат?

— Ну... не знаю. По-моему, нет. С чего ты взяла?

— Я «Судьбу барабанщика» вспомнила. Там мальчик Славка отца-инженера спросил про новое изобретение. Отец стал объяснять, а Славка как закричит: «Ты же мне про сепаратор рассказываешь, который у бабки в деревне!» Помнишь?

— Ага... — соврал Гай. — Но Толик не про сепаратор... Он сперва сказал: «Представь, что океаны — это космос. Так вот, наша штука — это то же, что спутник в космосе».

Ася осторожно возразила:

— Спутники в космосе всего десять лет летают. А в морях подводные лодки уже давным-давно. И аппараты всякие.

— Я Толику так же сказал. А он говорит: «У нас совсем другое дело. Системы не те, и задачи другие». И объяснял про всякую автоматику. Я тогда вроде бы все понял, а сейчас в голове перепуталось... У них теперь в лаборатории последняя подготовка, Толик там с утра до вечера. А я, видишь, гуляю... — Гай виновато поспеел. — На дракончиков наступаю... — Нога ныла ровной несильной болью.

Ася сказала с шутливой назидательностью:

— Маленьких мальчиков нельзя оставлять без присмотра.

— Ага, — подыграл ей Гай. — Но выхода не было. Отец с зимы в Алжире, там химический завод строят, он специалист. Маму к себе в отпуск вызвал, а про меня сказали, что нельзя. Галка, это сестра моя, в студенческом отряде, они Ташкент восстанавливают. А бабушке наконец-то путевку дали в Ессентуки... А с дедушкой ни мама, ни бабушка меня ни за что на свете оставить не решились бы. Говорят: все равно, что двух младенцев со спичками дома запереть... А тут как раз Толик приехал. Он вообще-то в Москве живет...

— Поезду тебе, да?

— Ага... Мама говорит: «Толик, спаси, а?» Он спрашивает: «А ты не боишься этого пирата со мной отпущать?» Это меня то есть... А она: «Боюсь, конечно. Но все-таки ты серьезный человек, кандидат наук...» Ну вот, приехали, а здесь все не так, как думали: Толик по уши в работе, а я шастаю... Мне-то даже лучше, только он переживает...

— Тебе у нас нравится?

— Еще бы, — вздохнул Гай. — Первые дни я как-то ошалел. От моря, от всего... А сейчас будто давным-давно здесь живу... У меня дедушка почти севастополец.

Это вырвалось у Гая неожиданно, хвастаться де-

дом он не собирался, просто захотелось показать, что он, Гай, здесь не совсем чужой.

— Он что, раньше в этих местах жил? — спросила Ася.

— Он не жил... Он здесь воевал и погиб... Это не тот дед, который в Среднекамске, а мамин отец. И Толика...

Автобус потряхивало. Ася сбоку молча смотрела на Гая. Волосы ее качались над плечами. Гай сказал тихо:

— Он в этих местах погиб, у Херсонеса. От мины...

Дед — политрук Нечаев — всегда казался Гаю похожим на командира с известного фотоснимка «Комбат». Как он с пистолетом поднимается из окопа и зовет бойцов в атаку. Но сейчас дед представился другим. Лежащим в земле. Вроде каменного великана, вросшего в глубинные толщи херсонесских берегов, спявшегося с глыбами древней разрушенной цитадели. И с бетонными блоками дотов и оружейных гнезд. Он — сама эта земля. Громадный, просто километровой, лежит он, сложив на груди каменные руки... И... сверху через черную нору скатывается ему на руку тяжелая лимонка.

«Что это?» — спрашивает дед, не поднимая бетонных век.

«Это... так. Дедушка, это случайно. Я потом убе-ру...»

«Уберешь? Куда? И зачем?..»

«Ну... это вроде трофея...»

«А! Значит, ты добыл его в бою?..»

Что за подлая штука — непрошенные мысли! Гай с досадой трахнул пяткой о стойку сиденья. И вынул, охнул: ядовитая игла снова прошла от ступни до колена.

— Что? — испугалась Ася. — Опять?

— Да нет, я сам, нечаянно... — Боль милостиво отступила. Гай вытер лоб.

— Все-таки ты молодец, — сказала Ася. — Другие знаешь как орут от дракончика. А ты и не пикнул. Там, на берегу...

— Думаешь, почему не пикнул? — усмехнулся Гай. — Дух перехватило. А то знаешь как орал бы...

— Другие все равно орут, хоть и перехватывает...

Они сошли на площади Нахимова.

— Ну, как? Ступаешь?

— Нормально, — прихрамывая, сказал Гай. — Плохо только, что рано приехали. Мы с Толиком должны в полвосьмого на причале встретиться, а еще шесть.

— Ничего, подождем...

Не торопясь дошагали они до пристани. Ниже колоннады и лестницы, на дощатом широком настиле, толпились экскурсанты, и морской патруль вежливо требовал у растерянного дядьки вынуть из аппарата пленку: незачем снимать на рейде то, что не положено, город военный. Синели в бухтах боевые корабли, сновали катера. От них разбегались волны и звонко хлопали под досками.

Рядом с начищенными медными кнехтами сидели мальчишки-краболовы. Спускали на шнурах круглые сетки с наживкой и ждали, когда простодушные крабы сами заберутся в ловушку.

— Не люблю, когда крабов ловят, — сказала Ася. — Жалко их...

Гай кивнул:

— Если рыбу, это понятно. А их-то зачем?

— Их тоже едят... А еще чучела делают или сувениры — клешни на цепочке. Все равно жалко. Они

пользу приносят, дно очищают... Гай, ты был в нашем аквариуме?

— Нет... В Панораме был, в Музее флота, на Ма-лаховом кургане. А в аквариум пошли с Толиком, да там очередища...

— А хочешь?

— Сейчас? Билеты не купим.

— Если шагать можешь, пойдём...

Очередь была в самом деле большущая. И у кас-сы, и у входа. Но Ася решительно подвела Гая к двер-ям и что-то шепнула контролерше — дородной заго-релой тете. Та заулыбалась и кивнула.

Внутри обняла Гая благостная прохлада с резки-ми морскими запахами. В застекленных шкафах он увидел чучела рыб, кораллы, раковины. Со стен ска-лились чучела акул. Гай вздохнул и стал оглядывать-ся. Но Ася сказала:

— Да здесь все мертвое. Пойдем...

В следующем зале морской запах был еще силь-нее. В круглом бассейне ходили осетры и похожие на куски черной клеенки морские коты. Из «клеенки» торчали острые, как шипы, хвосты, и у Гая опять сильно кольнуло ступню...

Стены состояли из громадных аквариумов, просве-ченных солнцем. Ася и Гай медленно пошли вдоль стекол. За стеклами проплывали стаи серебряных и разноцветных рыб — узких и круглых, больших и мел-ких; юрких, как пацаны, и солидных, как пенсионеры. Пронеслись морские ласточки, важно глянул на Гая пестрый морской петух... Шелестели среди водорос-лей пузырчатые струйки воздуха, ходили по камням замшелые старые крабы.

— А вот дракончик, — сказала Ася.

Гай увидел невзрачную рыбку с коротким, словно подрубленным хвостом.

— Да ну его, — поморщился он.

— Все-таки запомни. Знать-то надо... Ой, Гай, иди сюда, смотри.

Сверху в пустой, без рыб, аквариум тихо вплыла исполнская ластоногая черепаха. Больше метра в поперечнике.

— Средиземноморская, — прошептала Ася.

Черепаша глянула на Гая печальными, совершенно человеческими глазами. Ему даже неловко сделалось: он на воле, а она здесь. Наверно, грустит по Среди-земному морю.

— Я читал, что такие черепахи очень умные.

— Конечно, умные... Этой больше ста лет... Зна-ешь, как такую породу зовут? «Каретта».

— Карета?

— Да, только с двумя «т»... На ней и правда мож-но кататься, как на карете, на облучке. Я видела в кино, как ребята катаются. Эти черепахи добрые, они даже моряков спасают, если корабль потонет...

Гай сказал со вздохом:

— Ты меня сегодня тоже спасла, как «каретта»...

Ася рассмеялась так звонко, что на нее оглянү-лись, а черепаха обиженно отвернулась.

— «Каретта» скорой помощи, — сказала Ася.

— Ага, — засмеялся и Гай.

В половине восьмого Толика на пристани не ока-залось. Это не встревожило Гая. Утром Толик ска-зал: «Если меня не будет, значит, я уехал раньше.

Добирайся один, а я за это время ужин приготовлю... В четверть девятого дома будь как штык».

Что же, Гай так и будет, успеет. Вот и катер пошел...

При прощании с Асей возникла грустная заминка.

— До свидания,— сказала Ася.

— Пока...— вздохнул Гай. Что еще сказать? Он набрался смелости и спросил: — А завтра дедушке обед понесешь?

— Не знаю... Мне завтра с утра на рынок надо...

— Мы утром с Толиком тоже на рынок заходим иногда,— неловко сказал Гай.

— Вы каким катером приезжаете?

Гай повеселел:

— Обычно в восемь сорок пять.

Ася укладывала в сумку дедушкину куртку. Не разгибаясь, быстро глянула на Гая. Сказала серьезно:

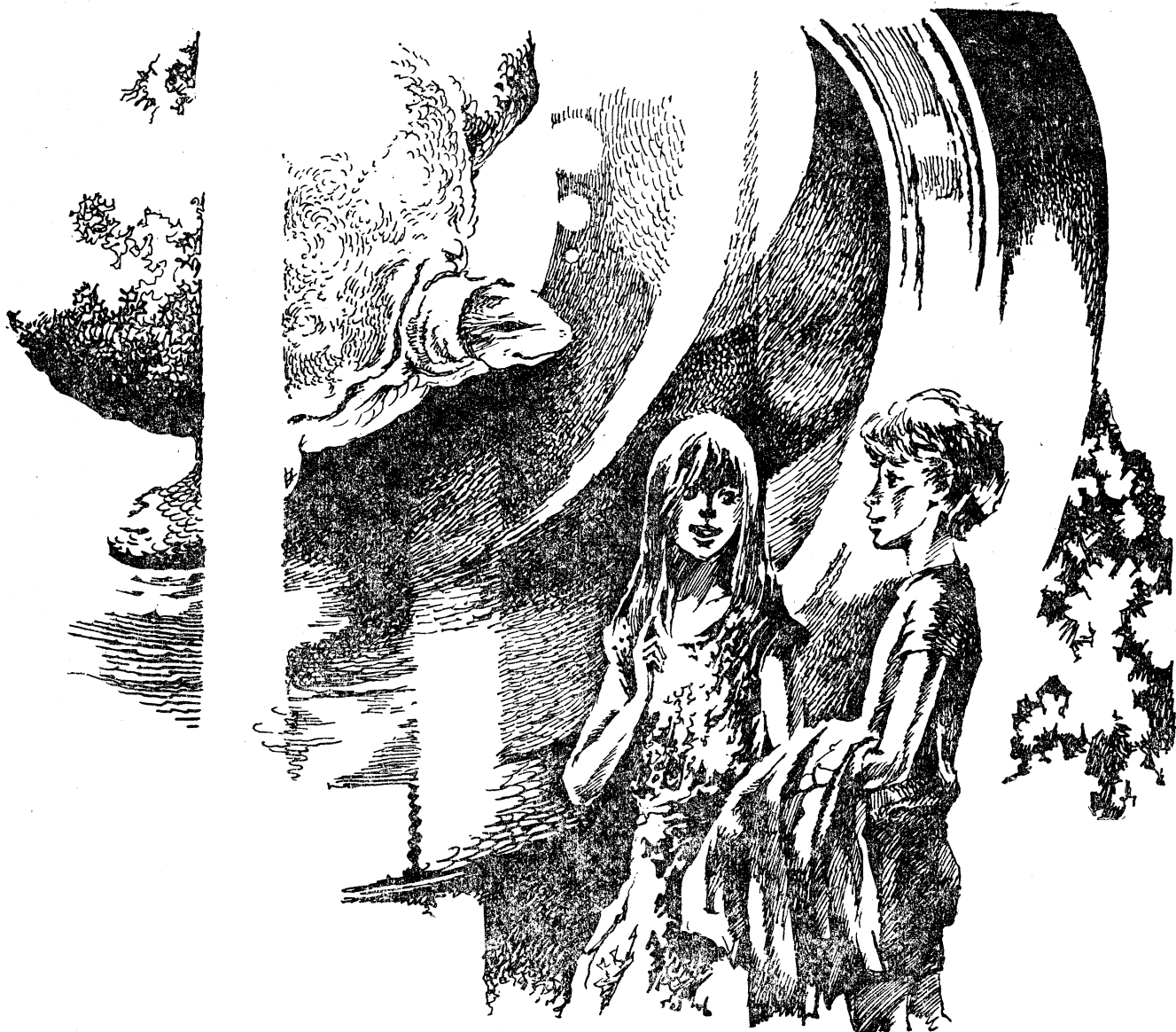
— Я запомню.

Последний из «Летающих «П»

Катера ходили на Инкерман по-разному. Одни резво бежали сразу до мыса Голландия, где стоит большее здание морского училища. Другие не спеша чертили бухту зигзагами — на Северную сторону, потом на Аполлоновку, затем опять на Северную...

«Румб» оказался таким вот неторопливым. Гай сидел на корме, на стопке твердых спасательных нагрудников, и нетерпеливо поколачивал по ним ногой. Правой, конечно. Левая все еще ныла.

Солнце уже потускнело и сваливалось к горизонту. Загорались пестрые облака. Небо стало желтовато-серым, вода — перламутровой, по ней бежали золотистые зигзаги. От этих зигзагов на черных корпусах и белых рубках теплоходов, что всюду стояли на якорях, змеились длинные отсветы. На палубе синего крейсера выстраивалась команда.

Все это было интересно и красиво, но Гая уже всерьез грызла тревога, что он опоздает. И тогда...

Хотя что будет тогда? Толик его сроду не ругал. Они оба уважали равноправие. Конечно, Толик мог что-нибудь не разрешить (например, лезть в старую минную галерею у Четвертого бастиона или нырять с камней в незнакомом месте за Хрустальным мысом), но это было не обидно. Толик всегда объяснял, почему нельзя. Слегка насмешливо, но терпеливо. Лишь один раз рассердился. Выдал Гаю напрямик:

— Ты говоришь «хочется». Мало ли кому что хочется! Мне сегодня, например, хотелось засесть с приятелями на весь вечер в «Волне». Там знаешь какие чебуреки! А я с вашим сиятельством гуляю, достопримечательности показываю.

Да, это было один раз, в самом начале. С той поры Гай вел себя умнее. Понял, какой груз взвалил на себя молодой дядюшка, согласившись взять с собой беспокойного племянника.

Было даже удивительно, что так легко согласился. Конечно, они с Толиком и раньше неплохо знали друг друга. Толик приезжал в Среднекамск часто. А в прошлом году Гай с мамой жил у него целый месяц в Москве. Но именно поэтому Толик не мог не знать, что племянничек его (или брат, если хотите) не из породы тихих мальчиков.

Гай вспомнил разговор Толика и мамы незадолго до отъезда. Он слышал его сквозь приоткрытую дверь. Толик смеялся:

— Да ладно, Варь, управлюсь. Надо привыкать. Глядишь, когда-нибудь своих заведу.

Мама, кажется, сказала, что пора бы. А Толик вздохнул:

— Все на свете повторяется. Опять старшая сестра, которой некогда, опять мама, которой надо ехать, а мальчишку некуда девать... Помнишь, это было в сорок восьмом году, в Новотуринске? Меня тогда в лагерь сплавляли...

— Сейчас путевку не достать,— сказала мама.— Да и попробуй уговорить этого паршивца поехать в лагерь. Для него режим и дисциплина страшней всех казней... Ты тоже был обормот, но как-то рассудительнее.

— Всякое бывало,— усмехнулся Толик.— А Мишка-то чем плох? Он же добрый, только поскакать любит... Знаешь, есть такое слово, не очень современное, но для Мишки подходящее: «постреленок».

Мама, помолчав, сказала:

— Вполне современное. И подходящее, конечно. Хотя, видишь ли, Толик, он постреленок, но... не так все это просто. Вот идем мы, например, по улице, он пустую консервную банку гонит по асфальту, гремит. «Перестань сейчас же»,— говорю. «Ага, мама...» И еще пуше. И вдруг — тихо. Смотрю — стоит. «Что с тобой?» А он банку ногой чуть-чуть пошевеливает, и от нее — зайчик на заборе. От золотистого доньшка. «Смотри,— говорит,— будто невидимка мне желтой ладошкой машет...» И потом целых полчаса ходил тихий...

Гай не помнил случая с банкой. Но, с другой стороны, что особенного? Сказки и в самом деле иногда придумываются на ходу. Так придумался однажды и остров.

...На острове, у самых стен старой крепости — желтые широкие пляжи. На песке лениво и безбоязненно греются каретты. Смотрят карими понимающими глазами на загорелых пацанов, когда те прибега-

ют на пляж из соседней школы. На острове круглый год — лето. Мальчишки не в серой суконной форме, а в разноцветных рубашках, сшитых из шелковых сигнальных флагов, которые подарили им отцы — капитаны и смотрители маяков...

Ребята бросают на песок сумки и прыгают на добрых послушных черепахах. Те возят их по песку и мелководью. Брызги и смех...

Но бывает, что мальчишки не тревожат каретт. Это если у тех вылупляются из зарытых в песок яны детеныши — юркие твердые черепашата. «Пострелята». Они роют в песке норы, забираются на камни, с веселым стуком падают друг на друга, а потом вереницей бегут к морю...

Веселая черепашка ребятня... Только... что-то немного не так. Словно тень пробежала по золотистым пескам. Может, оттого, что панцири черепаших пацанят напомнили Гаю половинки гранат-лимонок? Но при чем здесь это?

Гай сердито встал. Игла опять ощутимо кольнула ступню, но он не сел, подошел к борту. Грудью лег на планшир...

Если сравнивать совесть с фаянсовой чашкой, то она никогда не была у Гая как после бабушкиного мытья. Случались на ней пятнышки и крошки, похожие на прилипшие чайники. Были и трещинки — их не смоешь, сколько ни оттирай. Например, тот случай с Дуняевым или история с дедушкиными книгами. Или с сигаретами в четвертом классе... Ну да ладно. Трещинки эти иногда шипало, или почесывались они, как зарастающие царапины, вот и все. А теперь на дне белой чашки каталась черная дробина. И у дробины, если приглядеться, была форма рубчатой гранаты.

«Но я же не взял! Я ее до последнего дня, до самого отъезда трогать не буду, вот!.. Ну... может быть, я ее совсем не возьму! Пускай так и лежит, наплевать...»

Дробина перестала кататься. То ли исчезла совсем, то ли притаилась. Гай прислушался к себе, словно качнул чашку: не покатится ли железное зернышко снова?

Вроде бы не катается, но...

Но сразу забылось все. Гай поднял глаза, и то, что он увидел, было чудесно и неправдоподобно. Почти как его остров.

Катер отошел от причала Голландии и развернулся левым бортом к Инкерману. И на фоне оранжевых, освещенных последними лучами обрывов перед Гаем возник парусник.

Парусов не было, но тем не менее любой мог понять, что это именно парусник. Корабль из книг о кругосветных путешествиях. Мачты его, пересеченные строгими горизонталями реев и паутина тросов создавали волнующий рисунок, знакомый по картинкам из Станюковича и Жюль Верна. До сих пор Гай смутно чувствовал, что в здешней чудесной морской жизни чего-то все-таки не хватает, и теперь понял: не хватало вот такого корабля. И сейчас он возник — вздымал свои мачты над притихшими от зависти сухогрузами, танкерами и лесовозами.

Корабль стоял носом к морю. К плавучей бочке тянулись из клюзов провисшие швартовы. Белый корпус делался все ближе, Гай прочитал на борту черное название:

КРУЗЕНШТЕРН

Про такой парусник Гай и не слышал. Знал, что

есть «Седов», «Товариш», немагнитная шхуна «Заря». Слышал, что в фильме «Алые паруса» недавно снималась трехмачтовая «Альфа». А оказывается, еще и вон какой есть на свете!

Гай ехидно сказал себе: «А воображал, будто в морских делах разбираешься»...

Катер шел недалеко от борта с крупным пунктиром иллюминаторов. Корпус «Крузенштерна» был громаден — не меньше, чем у лайнера «Россия», который Гай недавно видел у пассажирского причала рядом с Графской пристанью. А мачты вообще уходили в поднебесье.

Катер прошел. «Крузенштерн» стал удаляться, словно тихо скользил в сторону открытого моря. Теперь он четко чернел на красно-лимонном закате во всей красе своих мачт и снастей.

Гай вздохнул — со смесью радости, зависти и тоски.

— Что? Хорош? — услышал он мужской голос.

Рядом оказался пожилой моряк в мятой торфлотовской фуражке и кофейной куртке с черными погончиками штурмана.

— Откуда такой? — выдохнул Гай.

— С Балтики. Рейс делает с курсантами.

— Счастливые, — сказал Гай.

— Это правильно, — согласился штурман. — Не каждому повезет, чтоб на паруснике. Да еще на чегырехмачтовом барке... Знаешь, что такое барк?

— Ага. Я в судомодельном занимался...

Моряк искоса глянул на Гая:

— А сейчас? Значит, уже не занимаешься?

— Руководитель уволился.

— Бывает... — Штурман придвинулся к Гаю. —

А я курсантом на «Товарише» ходил. Не на нынешнем, а на довоенном. Очень он похож был на «Крузенштерна»... Ну, правда, этот из другого семейства. Слышал про «Летающих «П»?

— Не...

— Были такие... В Германии, у судовладельца Фридриха Лаеша. Все они назывались на букву «П». В начале века много их было. Возили через океаны шерсть, руду, уголь...

— А летающие, потому что быстрые?

— Именно.

— Клиперы?

— Нет. Большинство их построили уже после клиперов. Это были последние океанские парусники, стальные винджаммеры — выжиматели ветра. Этот вот назывался «Падуя». Спустили его на воду сорок лет назад, даже раньше. В двадцать шестом, на верфи в Бремерхафене. А в сорок шестом году, когда мы с союзниками делили трофейный флот, «Падуя» перешла к нам. И стала «Крузенштерном»... Про такого капитана слышал?

Гай не то чтобы обиделся, но счел нужным сказать:

— Что я, совсем дремучий, что ли?

Моряк посмеялся. Гай объяснил:

— Я книжку «Водители фрегат» читал. Там про Крузенштерна и Лисянского целая повесть... А этот «Крузенштерн» быстрее клиперов ходит?

— Рекорды клиперов никакие большие парусники перекрыть не могли. Но винджаммеры ходили почти так же, а грузу брали гораздо больше. И обходили мыс Горн при любых ветрах. Их иногда так и звали — «капгорнеры».

«Летающие «П», «винджаммеры», «капгорнеры» —

это как из какой-то морской баллады. И рассказывает о них настоящий моряк, такой, что сам под парусами ходил! Это уже само собой как приключение. Гай млеет от ощущения небывалого подарка судьбы. Чтобы не угас разговор, он торопливо спросил:

— А много еще на свете «Летающих «П»?

— Да нет, дружок. Это последний.

— Жалко...

— Да... Десять лет назад погиб его собрат «Памир», учебное судно Западной Германии. Опрокинул во время урагана...

Гай вопросительно вскинул глаза.

— Говорят, капитан распорядился взять в трюмы сыпучий груз, — сказал моряк. — А переборки убрали, чтобы выгадать объем. Ну, а при крене груз вроде бы сместился к борту... Но надо сказать, что в эту версию не все верят. Трудно представить, чтобы опытные моряки так просчитались...

— А тогда... почему?

— Возможно, необычная, непредвиденно большая волна. Такие иногда возникают в океане, явление это еще не изучено...

— А люди спаслись?

— Всего семь человек...

Гай оглянулся на «Крузенштерн». Барк был уже далеко, но выделялся четко. Стройный, гордый, он казался в то же время и печальным. Черный на закате... Может, в этот вечерний час он грустил о погибших братьях? Невесело быть последним...

Но вдруг на корме «Крузенштерна» белой звездочкой мигнул огонь. Яркий, неунывающий. Живем, мол...

«Месяц звонкий и рогатый...»

Все было не так просто, как думалось Гаю. Инженер-конструктор Анатолий Нечаев решил взять с собой пемьяника не сразу. Были всякие сомнения. Но понимал Толик, что сестре Варваре очень надо повидаться с мужем, который застрял на строительстве где-то в африканских песках. Бывает в жизни, когда человеку что-то очень надо. Иначе бы Варя и не решилась отпустить своего Мишку с братом за три тыщи верст от дома.

Позволить, чтобы Мишкина бабушка — и его, Толика, мама — отказалась от санатория, он тоже не мог. Мама много лет маялась с печенью, да и вообще здоровье было неважное. Возраст-то уже за шестьдесят...

«Вот видишь, никуда не денешься», — сказал себе Толик, чтобы убедить себя окончательно. Потому что, с точки зрения здравомыслящего человека, это была явная авантюра: тащить с собой непоседливого мальчишку, когда едешь работать.

Но помимо всяких объективных причин для этой «авантюры» была еще одна причина — лично его, Толика.

Как многие взрослые люди, запоздавшие с устроением семейной жизни, он с глубоко спрятанной завистливой ласковостью смотрел на чужих детей. Особенно на мальчишек. Потому что в каждом мужчине живет мечта: чтобы у него был сын. Может быть, мечта эта не всегда и осознанная, дремлющая под пластами повседневных забот и жизненных сложностей, но она есть, она теплится и порой обжигает душу вспыхнувшим ревнивым огоньком — при виде

растрепанной голосистой вольницы, гонящей мяч на пустыре, или отчаянных велосипедистов, обогнавших тебя по поребрику тротуара (один на седле, другой на багажнике — ноги вразлет, зацепил, обормот, пыльным кедом по брючине), или при встрече с деловитым семилетним музыкантом, который несет по улице большущий, с себя ростом, футляр...

Сыновья — надежда, радость и гордость мужчин. Мечта о сыне — голос природы. И пока нет своего, смотришь на чужих пацанов с тайным вздохом неграстращенного отцовского чувства.

А Мишка-то не был чужим. Сын любимой сестры. И мудрено ли, что привязанность Толика к «белобрисому черкесу» была хотя и сдержанной, но прочной. Гораздо прочнее, чем можно было заметить со стороны. Правда, самому ему эта привязанность казалась не отцовской, а скорее как к младшему братишке. Но это, наверно, потому, что и себя-то инженер Нечаев не всегда ощущал взрослым.

В прошлом году, когда Варя с сыном гостила у брата, Толик с удовольствием возил Мишку по Москве, лазил с ним по крутым склонам Ленинских гор, по заросшим оврагам в Коломенском и купался на пляже в Химках. Мишка был непоседлив, неутомим, изредка капризничал, но в общем-то они жили душа в душу. И, видимо, поэтому Варя сейчас решила без особых страхов отправить Мишку с Толиком.

Конечно, не предполагалось, что Гай будет болтаться один, пока Толик занят в лаборатории. Зимой Толик познакомился с молодым штурманом Васей Калюжным. Вася в то время только что списался с гидрографического судна «Шокальский» и поступил преподавателем в детскую морскую флотилию. Такой невыгодный для зарплаты и биографии шаг он сделал ради того, чтобы каждый день быть вместе с молодой супругой, ибо праздновал медовый месяц. У Васи и его жены были две комнаты в трехкомнатной квартире плюс кладовка-боковушка. Толик созвонился с Васей, и счастливый штурман охотно согласился пустить на месяц в боковушку Толика и Гая. Мало того, они договорились, что, когда Толик будет занят, Гай сможет с пользой проводить время с ребятами во флотилии. А со стороны Васиной супруги ожидался кой-какой женский присмотр за Гаем.

Увы, все складывалось настолько удачно, что на самом деле и быть не могло. Пока Толик и Гай готовились к путешествию, пока добирались до Севастополя с трехдневной остановкой в Москве, у супругов Калюжных произошла стремительная, но не редкая в наши дни драма. Недовольная тем, что муж теперь не ходит в выгодные заграничные рейсы, Васина жена вывезла на грузовике вещи и уехала с ними к маме. Было неясно, куда она денет мебель и телевизор в тесном мамином домишке, но скоро выяснилось, что у «мамы» черные усы, погоны старшего лейтенанта и должностные начальника вещевого склада.

Штурман Калюжный с горя тут же уволился из флотилии и ушел третьим помощником на траулере, промышлявшем у кавказских берегов. А Толику оставил ключ и записку:

«Анатоль!

Такова жизнь, счастье недолговечно. Комнаты в твоём распоряжении. С этой стервой, если придет выскребать последнее имущество, обходись в соответствии с обстановкой, но лучше всего гони в шею. Одежда, подушки и простыни — внутри дивана. Соседка — Агния Леонтьевна — покажет, где посуда, и

сообщит подробности. Она (соседка) — мрачна снаружи, но добра душой.

Привет тебе и племяннику, будь здоров. Не жеманься.

Базиль».

Толик беспомощно выругал несчастного Базиля и его супругу, выслушал о деталях супружеской драмы от Агнии Леонтьевны — высокой полной тетки с суровым лицом и печальным голосом — и задумался. Но думай — не думай, а не отправлять же Мишку обратно. Так и стали жить. Самостоятельно.

Конечно, Толик за Гая тревожился. С неугомонным мальчишкой случиться может всякое: тут море, скалы, пещеры и все такое. Слышал Толик и рассказы, как ребята нет-нет да и откопают что-нибудь взрывчатое... Но, с другой стороны, Гай поклялся в ненужные места не соваться и непонятные штуки в руки не брать. А Толик знал, что, если Гай обещает, верить можно... И в конце концов, живут же нормальной вольной жизнью здешние пацаны.

Кроме того, у Толика была в душе необъяснимая теплая уверенность, что этот город ни ему, ни Гаю никакой беды не принесет. С первого приезда сюда, еще в шестидесятом году, Толика не оставляло чувство, что здесь люди по-особому добрые, море — самое теплое, улицы — ласковее и красивее, чем в других городах. Может быть, потому, что за этот город дрался и погиб здесь отец? Погиб — и своей жизнью, своей кровью защитил от будущих бед сына и внука...

Севастополь был для Толика городом удач. Всякая работа шла здесь у него со знаком плюс. И сейчас аппарат оказался готов к спуску раньше, чем можно было ожидать.

...Это, конечно, великая удача, что упрямый Тасманов согласился наконец на изменения в схеме. Толик мог бы, как руководитель проектной группы, настаивать на этом и вопреки Тасманову, но тогда возникла бы в группе та напряженная разобщенность, которая вызывает суеверное предчувствие неудачи. А сейчас у всех на душе праздник и ощущение каникул. Праздник — потому что вся логика, все расчеты, вся интуиция говорят, что испытания пройдут удачно. А каникулы — потому что все готово, и остается ждать, когда начальство даст капитану «Стрельца» «добро» на выход. Едва ли даст раньше десятого сентября — срока, назначенного в соответствии с графиком.

Теперь пара дней отладки, последнее «нырянье» в бассейне, и подойдут дни относительно свободные и беззаботные. Толик еще вчера пообещал Гаю, что теперь они чаще будут вдвоем.

— Потому что выкинули этот ваш блок ДЗД? — спросил Гай.

— Угу...

— А что это такое? Объяснил бы хоть...

— Дополнительная защита двигателя. Идея ненаглядного Гришеньки Тасманова. Нужна, как рыба зонт... Нет, в самом деле! Это все равно, что в подводной лодке укутывать моторы в полиэтилен, а экипаж одевать на всякий случай в водолазные скафандры...

Гай вспомнил этот разговор, когда от причала ГРЭС карабкался по тропинкам к верхним улицам поселка.

Уже сгушались сумерки. Вода в бухте была еще светлая (и силуэт «Крузенштерна», видимый с высоты, четко рисовался на ней), но кусты, в которых петляли тропинки, окутались мохнатой темнотой. Гай продирался по ним наугад. Любая тропинка приведет к верхней улице. А там еще немного по лестнице, и дом — вот он.

Этот двухэтажный белый дом был уже привычный, почти свой. И одно было плохо: далеко от города. И высоко. Вечером приезжаешь с гудящими ногами, с пустым желудком, а тут еще восхождение...

Ну, ничего. Вот уже и улица, и двор в акациях... Почему-то света нет в окне на втором этаже. А Толик, наверно, на кухне...

Гай поднялся по скрипящим ступенькам и оказался в коридорчике, где пахло керосином и копченой рыбой. Дернул дверь своей комнаты. Заперта! Он сунулся на кухню:

— Агния Леонтьевна! А где Толик?

— Не приходил еще, Мишенька... Ты голодный небось? Хочешь, супчику налью?

— Не... спасибо...

С упавшим сердцем Гай шагнул назад. Постоял. Нашарил в кармане ключ, отпер дверь. Нащупал выключатель.

Голая лампочка загорелась ярко, но сиротливо. Почти пустая побеленная комната (диван, раскладушка, табурет вместо стола) впервые показалась Гаю неуютной.

Гай потерянно сел на застеленный одеялом диван. Потом лег — затылком на валик...

День побегал в памяти, как запущенная с конца в начало кинолента: тропинки, катер, «Крузенштерн», каретта, Ася, дракончик, нора под камнем, купанье, пулеметчик... А перед этим — утро на причале. Толик:

— Если меня не будет, добирайся один. Значит, я уже дома, ужин готовлю...

Раньше Толик никогда не опаздывал. От Гаю требовал точности, но и сам — если скажет, можно не сомневаться. А сейчас что? Беда какая-то?

Гай сказал себе, что никакой беды, конечно, нет. Толик застрял в лаборатории, споря с Тасмановым. Или просто опоздал к катеру на несколько минут. Приедет на следующем. Но это Гай умом понимал. А беспокойство никуда не девалось. Такое, что даже тоска брала.

Гай лежал, слушая, не простучат ли на улице шаги по ракушечной плитке. Иногда стучали, но не его, не Толика. Да и бессмысленно было ждать сейчас. Катера ходят через сорок минут.

«А если и тогда его не будет?» — заранее ужаснулся Гай.

Так или иначе эти тоскливые минуты надо было пережить. Гай велел себе не раскисать и потянулся рукой назад, за изголовье. Там лежала на полу стопа книжек и журналов.

Под руку попало несколько «Огоньков», прошлогодние, за разные месяцы. Гай полистал... Повесть о шпионах (без начала, без конца — неинтересно). Мягкая посадка автоматической станции на Луну. Встреча Л. И. Брежнева с Иосипом Броз Тито... Рассказ о ташкентском землетрясении...

Как там, в Ташкенте, Галка?

И как дела дома?

Мама должна в эти дни уже вернуться...

Гай зажмурился и представил свой дом на Старореченской улице. Родной, привычный, с запахом вымытых половиц, поскрипыванием тяжелых дверей. Будто прошелся по всем комнатам, полным книг и познания старых, еще прабабушкины люстры... Но легче от этого не стало. Наоборот, почувствовал Гай, как далеко он от дома и какой он одинокий. И какой усталый до чертиков, и голодный. И нога, оказывается, все еще болит...

И за что на него все это свалилось?

А может, есть за что? Может, так ему и надо? Судьба?.. Однако Гай прогнал эту мысль. В конце концов, если он заслужил наказание, то мало, что ли, дракончика?.. И вообще это чушь. Никакой судьбы не бывает.

«А там, когда граната закатилась, говорил: судьба...»

«Ну, закатилась, и черт с ней. Я про нее уже и не думаю...»

Гай сбросил на пол журналы и снова пошарил за изголовьем. Под руку попала толстая книга в мягкой обложке. Оказалось — «Морской астрономический ежегодник» на 1965 год. Гай обиженно вздохнул и все же открыл книгу. На середине.

Цифры, цифры. Скуднейшие столбики чисел. Из слов — только названия месяцев, дней недели и небесных тел. Да еще какая-то «точка Овна»... Рядом с именами планет — особые значки. Потому что для каждой планеты астрономы придумали эмблему. Но и эти эмблемы были сухими, как математические знаки.

Лишь один значок — у Луны — нарушал неумолимую строгость. В страну сплошных цифр забрела еле заметная сказка. Это был крошечный полумесяц с глазом, носом и улыбающимся ртом. Вроде тех картонажных серебряных месяцев, что вешают на елки.

Гай вспомнил запах елки, который смешивается с запахом печи, истопленной березовыми дровами, лиловый вечер за морозными стеклами, познание шариков, ощущение спокойного праздника и уюта в старом, но крепком доме, где ничего плохого не может случиться, потому что каждому здесь хорошо и вся семья вместе... И маленький месяц подмигнул Гаю. Дружески так подмигнул, как прибежавший с улицы Юрка...

Гаю стало капельку легче. Однако тревога не уходила, притаилась рядышком. Гай сквозь дремоту продолжал слушать шаги на улице... И вздрогнул, испуганно сел: за стенкой, у Агнии Леонтьевны, пискнуло радио — девять часов.

Да что же это такое? Куда Толик провалился?

Может, пойти на причал, подождать там? Все же не так одиноко... Но при мысли о крутых тропинках беспомощно заболело все тело... Или позвонить с ближнего автомата в лабораторию? Телефонистки на заводском коммутаторе не очень-то охотно соединяют, но можно попробовать... Двушку надо...

Гай привстал, шаря по карманам... и внизу хлопнула дверь.

И шаги на ступенях!

И веселый голос, его:

— Добрый вечер, Агния Леонтьевна! А этот пират уже дома?

Толик бухнулся навзничь и сделал вид, что внимательно читает «Ежегодник».

— Привет, Майк!
Он никогда не называл его Гаем. Говорил «Мишка», просто «Миш», а чаще полусутоливо: «Майкл», «Мишель», «Майк»...

— Привет,— гробовым голосом сказал Гай.

— А чего валяешься? Меланхолия?

Он еще спрашивает!

Гай перевернул страницу. Толик постоял посреди комнаты. Проворчал, явно пряча за недовольством виноватость:

— Не ужинал, конечно... Мог бы и приготовить что-нибудь. Яичницу соорудить — дело нехитрое. Не маленький...

Это было уже слишком.

— Я приготовил бы яичницу,— стекляннм голосом сказал Гай из-за книги,— если бы ты не провалился куда-то!

— Ох ты, господи! — Толик сел на табурет.— Мишель! Ну что такого случилось?

— Сам обещал, а сам... Если обещал, надо по-честному, а не врать...— Гай поперхнулся. Во-первых, ему что-то шепнуло, что про честность сегодня особенно-то не надо. Во-вторых, он прилагал старания, чтобы не разреветься.

— Ну, опоздал на катер. Обстоятельства всякие... Бывает же! — сказал Толик.

Гай старательно перевернул лист.

— Миш...
— Сам только и знаешь: «Я за тебя беспокоюсь, я за тебя волнуюсь...» — выдохнул Гай.— Думаешь, ты один умеешь беспокоиться?

— Ну всего-то несчастные сорок минут...

— Почти час! А если бы я на столько опоздал?

— Ладно,— вздохнул Толик.— Ты уж меня прости...

А он и так простил! Сразу же! Внутри у Гая булькало ликование, что все в порядке и вот он Толик! Прямо хоть на шею ему кидайся! Но Гай не кидался и даже не смотрел. Словно рядом с ним уселся на диван другой мальчишка — с упрямой обидой и зажатými слезами.

— Хлеба-то мы не купили,— деловито размышлял вслух Толик.— Ладно, зайдем у доброй тетушки Агашки. И что-нибудь наскребем в холодильнике...

Гай безмолвствовал. Толик шагнул к нему:

— Что читаешь? — Глянул на обложку.— Батюшки, да что ты здесь нашел?

Гай слегка жотеснил с дивана своего насуспенно-го двойника. Хотя и суховато, но ответил:

— Нашел...

— Что?

— Вот...— Он показал на месяц.— Кругом математика, а он, как с елки...

— А ведь правда! — Толик нагнулся, разглядывая месяц-малютку. И вдруг сказал доверительно (видимо, подлизываясь): — А он для меня старый знакомый. Тоже с елкой это связано... Я про него стихи сочинил, когда был такой, как ты.

— Ну? — с хмурой требовательностью сказал Гай.

— Что?

— Какие стихи-то?

Толик смущенно pokrхтел.

— Такие вот...

Месяц звонкий и рогатый
С неба звезды сгреб лопатой.
Новый год, Новый год,
Нынче все наоборот...

«Наоборот» — это потому, что перед Новым годом всякие чудеса случаются... Ну как?

— Ничего,— сказал Гай. Только похоже на другое:

Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил делушку лопатой...

Толик захохотал, схватил Гая за плечи.

— Ну, критик!.. За такую непочтительность к талантливому дядюшке — наряд на кухню!.. Пошли готовить глазунью.

Но Гай выскользнул из его ладоней. Пальцами притянул к носу рукав Толика.

— Та-ак... «Красная Москва», да? У нашей Галки такие же духи.

— Ну... и что? Не выдумывай давай.

— У меня, между прочим, нос как у охотничьей собаки...

— А у нас в лаборатории, между прочим, такими духами старушка-машинистка Наталья Петровна себя опрыскивает. А я рядом с ней сидел, письмо диктовал гидрографам...

— А помада на щеке у тебя тоже от нее?

Толик хлопнул себя рядом с ухом, словно убивал комара.

— Я пошутил,— деревянным голосом сообщил Гай.— Нету помады.

— Знаешь ли, дорогой...— Толик встал.— Я не думал, что ты такой провокатор.

— Еще и обзывается,— буркнул Гай, чувствуя, что перегнул.

Толик стал перебирать на подоконнике тарелки. Гай сказал ему в спину:

— А стихи сочинять — это хорошо. Вот когда если гуляешь с кем-нибудь по парку или вообще... Девушкам нравится, когда им стихи читают.

— Ты-то откуда это знаешь? — осведомился Толик.

— Из книжек.

— Я стихи не сочиняю... Я в жизни всего два стихотворения написал. Про месяц да еще про Крузенштерна.

— Про кого? — Гай спустил с дивана ноги.

— Про Крузенштерна. Тоже в давнем розовом детстве... Я бы и не вспомнил, если бы не ты...

— А я-то при чем? Ты про Крузенштерна вспомнил, потому что корабль увидел...

— Какой еще корабль?

— Ой, будто не видел! Четырехмачтовый барк «Крузенштерн» стоит на бочке у Голландии. Такая громадина!

— Честное слово, не видел! Я внутри, в салоне ехал, задумался... Возьми в холодильнике помидоры, помой на кухне.

Гай взял и помыл. Вернулся и сообщил:

— Я сегодня, между прочим, тоже познакомился с девч... с девочкой одной.— Он хотел сказать «с девочкой», потому что термин «девочка» среди среднекавказских друзей-приятелей считался излишне благопристойным и сентиментальным. Но слово «девчонка» Асе совершенно не подходило.

— Вот видишь! — обрадовался Толик.— А я, потвоему, не имею права на личную жизнь?

— Имеешь, имеешь,— хмыкнул Гай.— Только не надо опаздывать. И не надо голову терять. А то даже океанский парусник на рейде не заметил! Куда уж дальше...

Толик разрезал на сковороде помидоры, вытер полотенцем нож и миролюбиво попросил:

— Чадо мое, хватит меня пилить. Лучше расскажи, что делал днем.

— Я сегодня на дракончика наступил. Наверно, помер бы, если бы не та... девочка. Она меня спасла.

Толик со звяканьем бросил нож.

— На кого наступил? Где?.. Какой ногой?

Гай дурашливо дрыгнул незашнурованным кедом, сбросил его. Качнул ступней (уже не болела). Толик стремительно присел, взял его за щиколотку.

— А-а-а! — Гай отлетел, спиной шмякнулся на диван.

— Что?! Так болит?!

— Да не болит! Я же щекотки боюсь!

— Дубина! — в сердцах сказал Толик.

— Тебя бы так за ногу...

— Когда девочка бралась, ты так же орал?

— Она лечила, а ты хватаешь.

— Сам хуже девочки. Цаца капризная,— буркнул Толик.

Рядом с Гаем опять уселся упрямый и обиженный мальчишка. Даже не рядом, а внутри Гаея. Гай взял «Ежегодник».

Толик один пожарил яичницу и сказал из кухни:

— Иди лопать.

Гай лежал.

Толик подошел:

— Мишка, ты чего?

А чего он? Гай и сам не знал. В глазах и в горле словно жгучая соль. Он быстро лег на бок — лицом к диванной спинке.

— Ну, Майк, — осторожно сказал Толик.— Миш...

Гай подтянул к животу колени и прерывисто сопел. Толик сел рядом. Спутанные волосы Гаея пахли водорослями. А сам он был пыльный, исцарапанный и несчастный.

Коротко вздохнув от виноватости и жалости, от резкого толчка нежности, Толик сказал:

— Гай...

Тот полежал тихо секунды три, рывком обернулся, метнулся к Толику. Облапил его, прижался лицом к рубашке.

Толик молча гладил его вихры...

Через полминуты Гай прошептал:

— А стихи прочитаешь?

— Какие?

— Про Крузенштерна.

— Может, сперва поедим все-таки?

— Ага...

— Иди умойся. Дитя портовых улиц...

Пропавшая рукопись

Они молча поужинали. Толик отскреб сковородку, а Гай вымыл тарелки. Из кухни в комнату Гай вернулся первым. Прилег на диван. Пришел и Толик, стал возиться в углу над чемоданом: выбирал себе чистую рубашку.

Гай смотрел на Толика и думал, что он совсем не похож на ученого. Похож на Галкиных однокурсников: по-мальчишечьи курносый, с короткой ершистой прической. Щуплый такой...

Щуплый-то щуплый, а дубовый стул крутит за переднюю ножку одной рукой. А если они с Гаем борются — кто чью ладонь прижмет к столу, — Гай давит на левую руку Толика двумя да еще пузом помогает, и никакого проку: Толик шевельнет рукой — и Гай весь припечатан к столешнице. А поглядишь — у Толика и мускулов-то вроде бы нет...

Мама сказала перед отъездом: «Толька, от тебя одни глаза остались. Вы там постарайтесь отдохнуть, ешьте как следует, фрукты покупайте...» — «Обязательно», — сказал Толик.

Первые вечера он приходил из лаборатории просто черный. Что-то не ладилось с этим ДЗД, какие-то неясности возникали в плане испытаний.

— Ты же говорил, что все отлажено, все в порядке, — сказал однажды Гай.

— Это у нас отлажено. А там... — Толик возвел глаза к потолку.

— В Москве? — понял Гай.

— Не все зависит от Москвы...

— А от кого?

Толик посмотрел на него без улыбки.

— От Байконура.

Гай вытаращил глаза.

— Да? Ай, да ты смеешься...

— Отнюдь... — вздохнул Толик.

— А... при чем тут ваши аппараты?

— Все связано. Это раньше мы были сами по себе, а теперь комплексная программа исследований.

— Секретная? — прошептал Гай.

— Не секретная... Но и не такая, чтобы идти на площадь, вставать у памятника Нахимову и громко вещать всем туристам...

— Я и не собираюсь,— обиделся Гай.

— Вот и молодец,— серьезно сказал Толик.

...В последние три дня он повеселел: дела наладились. Но все равно забот полно — руководитель конструкторско-исследовательской группы или как там еще... В общем, командир, хотя и моложе всех. «Ох, несладко ему приходится. А тут еще я...» — не первый раз уже подумал Гай. И вздохнул:

— Ладно уж, не читай.

— Что «не читай»?

— Стихи. Которые обещал...

Толик отложил рубаху, сел рядом с Гаем.

— Я ведь понимаю,— сказал Гай.— Ты со мной и так замучился.

Толик притянул его к себе. Гай потерял облупленным ухом о майку Толика.

— Ладно уж, слушай,— сказал Толик.— Это было, когда мы с мамой жили в Новотуринске. Я тогда такой, как ты, был... Нет, поменьше, в четвертом классе... Под Новый год мама подарила мне книжку «Русские кругосветные мореплаватели». Там как раз все с Крузенштерна начинается. Я, конечно, зачитался... И вот в те же дни познакомился я с одним человеком. По фамилии Курганов... Пожилой он был, одинокий и, видимо, неудачливый в жизни. Но было у него дело, которое помогало ему жить: он писал повесть про Крузенштерна... Помню, в новогоднюю ночь он мне отрывки из этой повести читал; так получилось, что мы вместе сорок восьмой год встречали... Мы с ним, с Арсенем Викторовичем, даже подружились, хотя я мальчишка был, а ему пятьдесят стукнуло... Вот как раз к его дню рождения я стихи и написал. В подарок. Неумелые стихи, конечно...

Толик повозился, покашлял и с таким выражением, что, мол, куда деваться-то, продекламировал:

Когда Земля еще вся тайнами дышала
И было много неизведанной земли,
Два русских корабля вокруг земного шара
Сквозь бури и шторма на поиски пошли.

Далеких островов вдали вздымались скалы,
И тайною была морская глубина,
И Крузенштерн стоял отважно у штурвала,
И билась о корабль могучая волна...

И буду я всегда завидовать, наверно,
Тем морякам, которые ушли в далекий путь.
На карте начерчу дорогу Крузенштерна
И, может, поплыву по ней когда-нибудь...

— А говорил «неумелые»,— сказал Гай.— Нормальные стихи, как у поэта. Хорошие... А говорил «не помню»...

— Начал читать и вспомнил... А вот еще:

Теперь Земля уже почти что вся открыта.
Остались тайны только в синей глубине.
Они — как старый клад, на острове зарытый,
Но, может быть, одна откроется и мне...

Но это я уже потом сочинил, эти строчки в эпитафию не вошли.

— Куда не вошли?

— В эпитафию... Ну, это такое как бы вступление маленькое к книге или рассказу...

— Да знаю я, что такое эпитафия! А к какой книге-то?!

— Я разве не сказал? Курганов стихи эти взял для своей повести «Острова в океане».

— И, значит, их в ней напечатали?!

— Да нет, ничего не напечатали... Курганов неожиданно умер, а рукопись пропала. У него был всего один экземпляр, после смерти его не нашли... У меня только эпилог остался. Тут так получилось: мама перепечатывала Курганову рукопись, а я копирку раскладывал и на последних страницах перепутал, не той стороной положил. Мама этого не заметила, а я начал потом разбирать готовые экземпляры и ахнул: первый-то отпечатан, и не только с лицевой стороны, но и сзади, по-зеркальному, второй — одна «зеркалка», а третий лист вовсе пустой... Ну и с перепугу сел перепечатывать сам. Умел немного... Напечатал заново, а те листы, с первой отпечаткой, сунул в подставку машинки, там вроде тайника было... А потом и эти страницы пропали вместе с машинкой.

— Почему?

— Мама ничего про тайник не знала, это мой секрет был... Когда приехали в Среднекамск, маме купили новую машинку, а эту она отдала ребятам в школьный музей. Мальчишки ходили по домам, выпрашивали разные предметы старого быта, а машинка-то была просто древняя, «Ундервуд». Мама и пожертвовала... Я понять не мог, как она решилась на такое. «Ундервуд» этот у нас был с довоенных времен, мама его так любила...

— И все-таки отдала!

— Я уж после догадался: потому и отдала, что любила. Машинка-то сломанная была, рассыпалась. Вроде бы бесполезная вещь, место занимает, а выбросить жалко... И, видно, стеснялась мама этой привязанности. И подумала: в музее машинку сберегут, там она даже в почете будет... В общем, пришел я с уроков и вижу — машинки нет. Я в крик: что ты надела!

— А вернуть нельзя было?

— Я ходил по школам, спрашивал, да не очень-то с мальчишкой разговаривали... К тому же, я думаю, те пацаны могли машинку в музей и не отдать. Может, она им так понравилась, что решили оставить себе. Там кое-какие клавиши еще работали, для игры годилась...

«Вот уж свинство-то!» — едва не сказал Гай, но вспомнил нору под камнем в Херсонесе и сердито засопел. И спросил:

— Если повесть с копиркой перепечатывали, почему у Курганова один экземпляр оказался? Остальные-то где?

— Это особая история... Курганов сжег два экземпляра. Прочитал после перепечатки, расстроился: показалось, что повесть никуда не годится. А нервы у него были, видимо, так себе. Вот и бросил в камин все: черновики и два отпечатанных экземпляра... А третий был у меня. Я, по правде говоря, хотел его замылить, Курганов о нем не знал...

От того, что и Толик в детстве мог что-нибудь «замылить», Гай почувствовал облегчение. Толик сказал:

— Мама про это узнала, мне, естественно, влетело... Но потом оказалось, что все к лучшему. Отдал я третий экземпляр, Курганов ожил...

— Но все равно потом и третий пропал,— вздохнул Гай.

— Да, но все-таки с Кургановым повесть была до конца. Ему было легче... Хотя в одном издательстве

рукопись уже тогда раскритиковали и отказались печатать.

— Почему? Разве она плохая была?

— Да нет... Скорее непривычная. Не столько описание подвигов и открытий, сколько разбор всякого... ну, характеров, отношений. С Крузенштерном плыл посланником в Японию Николай Петрович Резанов, человек с капризным характером, вельможа. Они часто ссорились. Резанов даже обвинил Крузенштерна в бунте. Почти все офицеры поддерживали своего капитана, а молодой лейтенант Головачев встал на сторону Резанова...

— Почему?

— Ну, это надо всю повесть пересказывать.

— Толик... еще ведь и одиннадцати нет.

— Да я и до утра не кончу, если про все...

— Ну, ты хотя бы коротко... Толик, ведь человек-то писал, старался, а книга пропала. Пускай хоть кто-то про нее будет знать! Пока только вы с бабой Людой эту повесть знаете, а теперь и я буду. Получится, будто еще читатель прибавился.

— Уговаривать ты умеешь...— Толик опять пригнул Гая к себе.— Ну, слушай...

Гая было ясно, что рассказал Толик не все. Только основные эпизоды. Но и этого хватило, чтобы задуматься. Особенно о горькой судьбе Головачева, которого бросил и забыл Резанов.

— Зря он застрелился...

— Это мы понимаем. А он не понимал. Думал, что единственный выход,— сказал Толик.

— И никто не остановил...

— Не успели... Об этом и речь... Конечно, в повести хватало и приключений, и бурь, но главная мысль, по-моему, о человеческой вине.

— Как это?

— Вот так... Часто люди виноваты в несчастьях других людей. Не по закону виноваты, а перед своей совестью. И никуда от этого не денешься. И рад бы исправить вину, да поздно.

— И что тогда делать? — испуганно спросил Гай.

— Жить... Это, собственно, и была повесть о жизни и смерти. О том, что жить надо по-человечески, если даже тяжело. А если умирать, то и тогда думать о других... Мне кажется, Курганов хотел сказать, что Головачев умер просто ради смерти, а капитан Алабышев — ради жизни.

— Алабышев?

— Ох, я же эпилог-то еще не рассказал!.. Помнишь, в самом начале я говорил о кадетике Егоре Алабышеве? В эпилоге он — капитан-лейтенант. Крымская война, он приехал в Севастополь...

«Совпадения какие,— подумал Гай.— Алабышев был здесь, «Крузенштерн» здесь, мы здесь...» И Толик понял его:

— Все в жизни переплетается... Я, когда читал про Алабышева, думал, что он похож на отца. То есть отец на него. Так казалось. Я ведь отца почти не помнил...

Гай виновато подумал, что размышляя о совпадениях, забыл о дедушке.

— А разве Алабышев тоже погиб?.. Ах да, ты же сказал...

— Он погиб не на бастионе, а на улице, спасал ребятшек. Они играли в снежной крепости, Алабышев случайно там оказался, а в крепость влетела

английская бомба. Точнее, артиллерийская граната. Крепость была замкнутая, выход узкий, деваться некуда. Алабышев на гранату — грудью...

«Да что это такое?» — подумал Гай.— Целый день про одно и то же, как нарочно!»

— А почему — граната? — сумрачно спросил он.

— Так небольшие круглые снаряды назывались. С запальными трубками...

Продолговато-круглый рубчатый снаряд с медной трубкой запала Гай словно ощутил в своей ладони. И сказал ему мысленно: «Чтоб ты провалился к чертовой бабушке! Знал бы, дак не связывался...» Но вспомнилась не только граната. Еще и хозяин — пулеметчик. Он — упрямый и жестко-неустршимый — соединился в мыслях Гая с капитан-лейтенантом Алабышевым, хотя, казалось бы, ничего похожего не было. Нет, было... Бесстрашие.

И с горьким откровением, со злостью на себя Гай сказал:

— А я сегодня струсил. Вот.

— Да ну... — осторожно проговорил Толик. Видно, почувствовал, как задервенело плечо Гая.

— Да! Вот так,— выговорил Гай. Хотелось очистить душу.— Мы играли в войну, а там, в камнях, залег пулеметчик. Я гранатами промазал. Все думали, что я сам кинусь на пулемет... а я не пошел. Надо бросаться вперед, а я лежу...

Толик помолчал. И медленно произнес:

— Наверно, ты не струсил, Гай. Ты задумался. Для всех была игра, а ты стал думать: а что, если бы это всерьез? Так?

— Ты откуда знаешь?!

— Знаю. Не с тобой одним это бывало.

— Нет, я не думал, что это всерьез,— вздохнул Гай. Но теперь он, кажется, понимал, что его остановило перед пулеметным гнездом. «Если бы кинулся — значит, будто обещание дал: когда по правде такое случится, сделаю так же», — подумал Гай. И вспомнил: «Но ведь сколько раз в войну играли: тах-тах, ты убит! Ура, в атаку!.. Ты убит, я убит, все убиты!»

«Тогда просто не думал про такое,— сказал он себе.— А в этот раз пришло в голову...»

Почему пришло? Может, потому, что видел обкатанные морем осколки костей? Может, потому, что в глубине души все время он помнил о дедушке — даже тогда, когда казалось, что забыл?

— Я не знаю, смог бы на самом деле или нет,— хмуро сказал Гай.— Наверно, ни за что на свете не смог бы...

Толик негромко и словно нехотя проговорил:

— Этого никто не знает до решительного момента.

Решительные моменты в жизни будут, Гай это понимал.

Он еще не знал, кем станет. Может, вовсе и не моряком, хотя при виде кораблей и флотской формы сердце стучало от волнения. Думая о своем острове, Гай представлял себя капитаном. Но можно быть и просто путешественником. Можно — археологом: раскапывать города вроде Херсонеса. Можно пограничником...

Осенью учительница литературы задала пятиклассникам сочинение: «Почему я хочу быть космонавтом?» Гай написал, что не хочет. Во-первых, берут в космонавты очень немногих; во-вторых, на Земле

куча интересных дел (и под водой тоже, как у Толика); в-третьих, все пишут, что хотят быть космонавтами, потому что так полагается писать, а на самом деле еще и не думали, кем станут. Это «в-третьих» особенно раздосадовало Аллу Григорьевну. Была вызвана мама. Вместо мамы пришел папа. Спокойный тихий папа, глядя сквозь толстенные очки, вежливо спросил Аллу Григорьевну, действительно ли она уверена, что каждый мальчик должен идти в космонавты? Алла Григорьевна сказала, что пойдет не каждый, но мечтать об этом обязан всякий советский школьник. Папа понтересовался, сильно ли наступил на горло своей мечте сын Аллы Григорьевны, когда пошел в медицинский институт — приобретать профессию зубного врача. Алла Григорьевна спросила, на что папа намекает. Папа ответил, что намекает на следующее обстоятельство: нельзя ставить человеку двойку за то, что он честно излагает свои мысли.

Алла Григорьевна сказала, что пусть папа тогда сам учит своего сына. Но она не уверена, что при таких взглядах папы из пятиклассника Гаймуратова выйдет толк. Неизвестно, кем он станет.

Тут Гая дернуло за язык:

— Да уж не зубным врачом.

За это ему попало от Аллы Григорьевны и от папы, который велел перед Аллой Григорьевной извиниться. Потом ему (и папе заодно) попало дома от мамы, от бабушки и даже от деда.

— Я хотя и не зубной, но тоже врач, — сказал дед. — Неужели медик — столь презренная профессия?

Гай так совсем не считал. Он высказался в учительской просто назло Аллушке... Но, с другой стороны, он и в самом деле не мог представить себя зубным врачом. Так же, как, скажем, бухгалтером или директором магазина. Он твердо знал, что его жизнь будет связана с путешествиями, открытиями, испытаниями и приключениями. Для этого совсем не обязательно быть мореплавателем или космонавтом. Вон, Толик — инженер, а разве жизнь его не приключения? Все время изобретает, ищет, в моря ходит... Или папа. Уж вроде бы совсем «кабинетный» человек (подойдешь к нему, а он, сидя за столом, обнимет тебя одной рукой, а другой все пишет, пишет свои формулы и конспекты), а ухитрился в Африке оказаться. Или дед. Таким врачом и Гай не от-

казался бы стать! В тридцатых годах хирург Гаймурагов прыгал с парашютом на зимовки к заболевшим полярникам. А в сорок первом, когда немцы пытались ворваться в село, где был полевой госпиталь, дед прямо из окна операционной палил из пистолета (хотя и говорит, что ни в одного немца не попал и вообще стрелял по-боевому единственный раз за всю войну)...

— Да, Гай не знал еще, кем станет, но то, что в жизни будут решительные моменты, он чувствовал.

А если и такой — самый решительный — как сегодня? Только уже не в игре? Тогда что? Опять Гай прижмется к земле?

Гай сердито вздохнул, потому что ответа на вопрос не было. Вместо ответа лезли в голову всякие хмурые мысли. О том, что много в жизни у людей суровости и опасностей. Да к тому же и несправедливости! Как с Кургановым!

— Все-таки обидно...

— Что? — отозвался Толик.

— Курганов... Жил, книгу писал, а потом — ничего...

— Я об этом тоже думал... Я даже хотел назвать его именем свой первый аппарат, чтобы память о нем сохранилась. Об Арсении Викторовиче...

— Назвал?

— Не все так просто, как в детстве кажется...

— Не разрешили? — понял Гай.

— Но все-таки ту малютку группа и все испытатели называли «Толиком». Неофициально...

— А при чем Курганов?! — Гай даже возмутился.

— «Тайный океанский лазутчик имени Курганова». Это я, еще когда маленький был, придумал...

— Все равно это не то, — непримиримо сказал Гай. — Все равно обидно.

— Что поделаешь...

— Толик, а Курганов моряк был?

— Вообще нет. Типографский техник и немного журналист. Потом в конторе работал... Но, знаешь, Гай, он был моряк в душе. Когда я к нему приходил, казалось, будто в каюту к старому капитану попадаю... Я его комнату хорошо помню. Дома, когда хронометр стучит, закрою глаза и будто опять у Арсения Викторовича...

— А что за хронометр?

— Курганова. Он у меня остался, вроде как наследство.

— А почему я не видел?

— Когда вы с мамой приезжали, я его как раз отдавал в институт, для ремонта и проверки. Старенький уже... Но сейчас ничего, тикает исправно.

— Это морской хронометр?

— Да, корабельный. Его Курганову один капитан подарил. Старый морской волк, он в юности даже на клиперах ходил... Знаешь, что такое клипера?

— Здравствуй, я ваша тетька, — обиделся Гай. — Я и про виндjamмеры знаю. «Крузенштерн» был виндjamмером. Он из серии «Летающие «П». Был такой судовладелец, у него все названия...

— Да известно мне про «Летающие «П», — сказал Толик. — Тоже не лыком шит. Про все рекорды «Падуи» слышал: от Гамбурга до Талькауно в Чили, вокруг мыса Горн за восемьдесят дней. От Гамбурга же до Австралии, до Порт-Линкольна — шестьдесят семь суток. Похлеще некоторых клиперов...

— А ты откуда это знаешь? — ревниво спросил Гай.

— Читал... Я вообще старался про все читать, что с именем Крузенштерна связано. Этим меня Курганов на всю жизнь заразил... А кроме того, мне штурман Морозов про «Летающие «П» рассказывал. Мы с ним в шестьдесят первом году познакомились. Он одно время на «Крузенштерне» служил...

— А сейчас он тоже там?

— Сейчас нет.

— А другие знакомые у тебя там есть?

— Н-нет... А что?

Гай посмотрел на Толика: «Ты еще спрашиваешь!»

— А вдруг все-таки есть, а? Мы бы подъехали к борту, ты бы спросил...

Желание оказаться на палубе «Крузенштерна» сотрясло Гая, как короткий озноб.

— Ну, ты придумал... — неуверенно сказал Толик. И в этой неуверенности Гай увидел зацепку.

— Толик! Ну, не съедят же! А вдруг пустят?!

— Вообще-то, — вздохнул Толик, — у меня были другие планы. Я думал, мы с тобой завтра полазим по пещерному городу в Инкермане, крепость Каламиты осмотрим...

— Значит, ты завтра свободен?! — возликовал Гай.

— Да. Но...

— То-лик... — шепотом сказал Гай. Отодвинулся и глянул из угла дивана умоляюще-восторженными глазами.

— Моя мама, — сказал Толик, — в подобных случаях говорила: «Мелкий авантюрист и вымогатель»...

— Ура! — Гай подскочил, будто в диване сорвались все пружины. — Завтра утром, да?!

— За что мне такое несчастье... — печально отозвался Толик.

— Ура!! Толик! Я за это... Я буду самый-самый-са...

— Брысь в постель. А то завтра тебя не поднимешь.

Демонстрируя сверхпослушание, Гай стремительно скинул шорты и майку и влетел на раскладушку. Вытянулся под простыней и затих. Потом одним глазом глянул на Толика.

— Что? — сказал Толик.

— А ты завтра совсем-совсем не занят?

— По крайней мере, до вечера.

— Ой... а вечером опять пропадешь?

— Слушай, ты что за хвост! Как трехлетнее дитя... — Да ничуть. Просто интересно. На свидание пойдем?

— Не ваше дело, сударь!

— Ну и пожалуйста... А ее как зовут?

— Стукну!

— Странное какое имя. Она иностранка?

Толик со зверским лицом стал подниматься с дивана.

— Сплю, — хихикнул Гай и натянул на голову простыню.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Евгений СОЛДАТКИН,
действительный член
Географического
общества СССР

В ПОИСКАХ

БЕСЕДА
С УЧАСТИЕМ
СКЕПТИКА

МОЧЕТРОВ

Рис. автора

— Слышали? В Африке обнаружено неизвестное животное, очень крупное, чуть ли не с двухэтажный дом! Все его тело покрыто коричневыми пятнами, а на голове маленькие рожки, заканчивающиеся шариками!

СКЕПТИК: С двухэтажный дом? Рожки с шариками? В наше время открыть такое животное? Да вы что?! Впрочем, позвольте... позвольте... но ведь это же обыкновенный жираф!

— Да, это действительно обыкновенный жираф. Однако признайтесь, услышав столь «сенсационное» сообщение, вы не сразу догадались об этом. Зато тут же сработало отрицательное отношение к оригинальной новости.

«Не может быть!» Не так уж редко приходится слышать эти слова, когда речь заходит об открытии новых видов животных, причем самых обыкновенных на вид. А что же говорить о необычных?

В 1961 году в нашей стране вышла книга бельгийского зоолога Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных». В ней, обращаясь к советскому читателю, он писал: «...Во многих странах природу слепо разрушают, и при этом погибают живые существа. Мы еще можем спасти тех животных, которые нам известны. Но есть животные, которых мы еще НЕ ОТКРЫЛИ! А ведь сколько есть мест, где они были обнаружены уже после того, как вымерли. Неизвестных зверей нужно спасти от уничтожения».

Мыслимо ли сегодня открывать новые, да еще и крупные виды животных? Возможно, кое-кто и не поверит, но их открывают. Мелких (прежде всего насекомых) — тысячами! Крупных — десятками. Да что там виды! Совсем недавно датский зоолог Рейнгард Кристенсен из Копенгагенского университета открыл новый тип животных, то есть их высшее классификационное объединение. Правда, на этот раз речь шла о существах микроскопических. К стати сказать, в XX веке были открыты три новых типа животных!

Такие новости воспринимаются с трудом. Нам кажется, что фауна планеты изучена достаточно полно, — а открытия следуют одно за другим. В книге «Следы невиданных зверей», изданной в 1964 году (второе издание), писатель-натуралист И. Акимущкин указал, что за 60 лет с начала века открыто 34 неизвестных прежде вида и подвида зверей и птиц. Так, в 1903 году в горных лесах Центральной Африки была обнаружена самая крупная из ныне живущих обезьян — горная горилла, а в 1929 году в лесах Конго — карликовый шимпанзе. С 1900 по 1914 год открыли 3 подвида... слонов (!), подвид носорога, несколько видов и подвидов копытных и других животных.

...В 1937 году посетители Парижского зоопарка с удивлением смотрели на необыкновенного дикого быка. К сожалению, это совершенно неизвестное науке животное быстро погибло. К 1940 году на территории нынешней Кампучии был добыт еще один экземпляр. На сей раз его череп и кости попали в Гарвардский музей сравнительной зоологии. Открытый вид крупного зверя получил научное название купрей — «серый бык».

СКЕПТИК: Да, но это было пятьдесят лет назад.

— Верно, но и в наши дни время от времени появляются сведения об открытии новых видов животных. В 1978 году американский журнал «Аляска» в одном из номеров поместил фотографию странного существа длиной 6 сантиметров, пойманного в море во время промысла крабов. Никто из тех, к кому обратились краболовы, не смог объяснить, что же все-таки они выловили. Биологи штатов Аляска и Флорида, которым редакция журнала предоставила возможность ознакомиться с фотографией загадочного существа, ничего определенного сказать не смогли. Более того, некоторые из них заподозрили фальсификацию, но другие с ними не согласились и считают, что на фотографии запечатлено реально существующее неизвестное науке животное.

Несколько лет назад на одном из островов архипелага Фиджи английский биолог Джон Р. Х. Гиббонс обнаружил новый вид игуаны. Особой оказалось очень мало — всего около 300, но они есть. А семь лет назад (в 1981 году) произошла сенсация у орнитологов: на одном из островов архипелага Окинава был открыт новый вид нелегальной птицы, причем вполне приличной по размерам (примерно 30 сантиметров длиной). Ямбару-куина — так ее назвали — сразу же стала известна всей Японии. Затем фотографии птицы обошли многие журналы и газеты мира... Проходит немного времени — и японский зоолог Имайзumi обнаруживает на тех же островах неизвестную ранее небольшую пятнистую кошку...

До сих пор речь шла о животных хотя и новых, но обычных. Однако особый, повышенный интерес у людей вызывают периодически появляющиеся в печати разных стран сообщения о поисках загадочных существ. Из них три пользуются наибольшей популярностью. Это «снежный человек», или йети, несравненная Несси и таинственный обитатель африканских болот Конго с труднопроизносимым именем «мокеле-мбембе».

Сведения о волосатом обезьяноподобном существе, обитающем в горных районах Азии, привез в Европу англичанин Б. Х. Ходжсон, посетивший в 1832 году королевство Непал. С тех пор вот уже более 150 лет ученые и просто энтузиасты ряда стран пытаются запечатлеть это существо в свои руки. Были организованы десятки экспедиций. Опрошены сотни «очевидцев», зарисовано и сфотографировано множество отпечатков следов йети, сделано немало слепков с них. Недавно, говорят, появились и фотографии «снежного человека». Различного материала накопилось такое количество, что в пору открывать музей.

СКЕПТИК: Но в нем не будет главного экспоната!

— Да, это правда. В печати не раз подчеркивалось, что все встречи с йети обычно описывались со слов людей случайных, вряд ли заслуживающих серьезного доверия к их рассказам. Но ведь известны случаи, когда загадочные существа видели и ученые. Так, в 1906 году с одним из них встретился английский исследователь Гималаев

Дж. Элуис. Вспоминал о своей встрече с йети и монгольский профессор Ц. Ж. Жамцарано. Видел его в 1925 году греческий исследователь Гималаев Тамбози, видели и другие.

СКЕПТИК: Видели... но ведь не поймали?

— Представьте себе, имеются сведения и о том, что «снежного человека» и убивали, и ловили. Так, в 1890 году английские солдаты в Гималаях подстрелили странное обезьяноподобное существо. По рассказу генерала М. С. Топильского, в 1925 году в горах Памира при преследовании одной из орудовавших там банд было убито и осмотрено человекоподобное существо мужского пола. В 1939 году в районе Халхин-Гола попали под смертоносный огонь два человекоподобных волосатых животных. К сожалению, во всех случаях трупы не исследовались.

Да, существование йети не будет (да и не должно быть) признанным до тех пор, пока ученые не исследуют хотя бы один его экземпляр. А сегодня ни слепки следов, ни многочисленные рассказы о встречах с ним, ни даже фото- и киноматериал не могут убедить нас с вами в том, что реликтовый гоминоид существует.

Немного о Несси. По сути дела, это пресноводный вариант рассказов о так называемом морском змее. О морских чудовищах — страшных драконах — арабы знали еще в X веке. В средние века в Европе мало кто не верил в их существование. В начале XIX века появляется множество рассказов о загадочном змееподобном животном (длиной около 30 метров), встречающемся морякам у побережья США и Канады. Встречи со змеем продолжались и в XX столетии, причем сообщают о нем не только очевидцы-одиночки, но и группы мореплавателей. В 1905 году его видели (и описали в «Трудах Зоологического общества») два профессиональных английских зоолога. В 1915 году один морской змей был случайно убит немецкой подводной лодкой (что зафиксировали несколько человек). К сожалению, змей быстро затонул и его не удалось сфотографировать. Видели загадочного змея и в устье Амазонки, и в других местах Мирового океана.

Как всегда, когда достоянием гласности становятся сведения о загадочных или просто неизвестных существах, мир ученых делится на два лагеря. Одни верят в их существование, другие — нет. Так в наши дни обстоит дело и с морским змеем.

Но ему далеко до популярности Несси. По-разному описывают писатели и журналисты знакомство с этим таинственным жителем шотландского озера Лох-Несс.

СКЕПТИК: Но пока достоверно только то, что вот уже более 50 лет за счет него кормится целая армия корреспондентов различных журналов и газет. А где же само чудовище?

— Да, в руках ученых его нет. Зато благодаря многочисленным сообщениям очевидцев о встрече с ним пыльным цветом расцвел своеобразный бизнес. «Старик Несси» (почему не старуха?) — золотая жила для туристических фирм. Повсеместно в окрестностях озера, как грибы, растут отели, выпускаются тысячи сувениров. Кому же из побывавших здесь туристов не хочется увезти с собой миниатюрную Несси, хотя бы пластмассовую...

Неизвестное науке животное огромных размеров... А может быть, это действительно один из представителей динозавров — надотряда ископаемых пресмыкающихся?

В книге «По следам неизвестных животных» Бернар Эйвельманс отметил, что если и стоит где-нибудь искать крупные виды неоткрытых животных, то прежде всего в Африке. «Неведомых науке животных нужно искать в дремучих африканских лесах. Гигантской стеной перегораживают они поперек почти всю Африку от Либереи до Больших Озер. Именно здесь, в этой непролазной чаще, открыты за несколько последних десятилетий шесть новых видов зверей».

Одной из причин, побуждающих искать динозавров в Африке, служат и многочисленные сведения о встречах местных жителей с огромными неизвестными животными, напоминающими по внешнему виду именно динозавров. При анализе рассказов очевидцев получается, что в разных местах континента обитает, по крайней мере, три вида чудовищ. Все они живут в пределах огромной территории, входящей в состав Судана, Заира, Замбии, Уганды, Анголы, Камеруна и некоторых других государств.

Как у любого известного науке животного, у них тоже есть имена. Одно из них — динозавра-хищника — зовут «чипекве» (в некоторых источниках указывается как «шипекве»). О нем слышал известный путешественник Ганс Шомбургк еще во время своей поездки в Африку в 1907 году. Тогда ему показалось странным, что на болотистых берегах озера Бангвеулу (Замбия), столь подходящих для обитания бегемотов, их нет. И Шомбургку рассказали о существовании здесь огромного чудовища, пожирающего не только бегемотов, но и носорогов, и даже слонов. Слышал он о нем и 25 лет спустя, приехав в Африку в восьмой раз. Знал об этом чудовище организатор многочисленных экспедиций для поставки зверей в зоопарки Карл Гагенбек. Он соглашался с мнением, что в африканских джунглях вполне может существовать животное, ведущее родословную со времен динозавров. В 1932 году о чипекве сделал сообщение для прессы известный охотник Гроблер, вернувшийся в Кейптаун из поездки по Африке. Он сообщил о нем даже некоторые подробности. По его словам, ящер (он назвал его игуаной), обитающий в болотах озера Дилоло (Ангола), весит не менее четырех тонн. Он даже видел сфотографированного ящера, пожирающего бегемота!

СКЕПТИК: Но, как выяснилось позже, эта фотография оказалась подделкой.

— К сожалению, это так. Кстати, группа Шомбургка тоже пыталась заснять это таинственное существо, но потерпела неудачу.

Английский писатель Фрэнк Меллэндж, побывавший в Африке, описал со слов очевидцев их встречу с другим динозавром, вернее сказать, с птерозавром — летающим ящером. Туземцы зовут его «конгамато». По их рассказам, это существо, живущее в болотах Джунду, похоже на летающую ящерницу с крыльями, как у летучей мыши. Длина животного не менее двух метров! «Тело без перьев и без чешуи, очень большой клюв, зубы крокодила, крылья такие же, как у летучих мышей, но большие-пребольшие, кожа красная и блестящая, кричит сдавленным голосом». Вот сколько подробностей рассказал один старый местный житель еще одному путешественнику по Африке — маркизу де Шателло, описавшему свои путешествия в 1920—1921 годах в книге «Далеко от проезжих дорог». Эти и многие другие примеры знакомства отдельных людей с доисторическими ящерами приведены в книге «Следы невиданных зверей» И. Акимовкина. В ней упоминается и о третьем виде динозавров Африки — знаменитом «мокеке-мбембе». Это существо относится к травоядным животным. А знаменито оно пока только тем, что сведений о нем имеется значительно больше, чем о других африканских динозаврах.

В 1913 году правительство Германии направило в свои африканские колонии геологическую и картографическую экспедицию под руководством капитана Штейн цу Лузница. В отчете он рассказал о странном существе, держащем в страхе население Конго, нижней Ибанги, Занга и Икембемба (Камерун). Его существование подтверждалось, как считают, тем, что люди из разных мест, незнакомые друг с другом, давали примерно одинаковые описания этого животного. По их рассказам, ростом оно со слона, имеет длинную и гибкую шею, длинный, как у крокодила, хвост. Живет в подводных пещерах под обрывистыми берегами рек. Питается дном. Штейну даже показали любимую пищу мокеке-мбембе — один из видов лиан.

В конце двадцатых годов в Камеруне работала британская экспедиция под руководством известного теперь

зоолога и писателя Ивана Сандерсона. По его сообщению, на берегу реки Кросс-Ривер удалось обнаружить гигантские следы, напоминающие следы бегемота, только более крупные. Слышал он и подозрительные шумы в пещере на берегу реки. Когда что-то с грохотом плюхалось там в воду, негры-носильщики со страхом шептали: «Мокеле-мбембе!» Сандерсон уверял, что даже видел это животное. По его словам, оно было гораздо крупнее гиппопотама. Кстати сказать, рассказывал Сандерсон и о том, что вместе с товарищем по экспедиции видел он в горах Ассумбо и летающего ящера, о чем сообщил в письме Бернару Эйвельмансу.

Но все это в прошлом. А сегодня? Может быть, страсти поутихли хотя бы в Африке? Да нет. В периодической печати многих стран все еще появляются сообщения о новых экспедициях за динозаврами. В 1981 году американский путешественник Херман Регастерс побывал в районе озера Телле (Конго). По его утверждениям, он своими глазами видел чудовище длиной более 10 метров. И видел не один, а вместе с товарищами, причем пять раз в течение 32 дней их путешествия. Больше того, им удалось записать на пленку голос чудовища. Магнитная лента была передана калифорнийскому ученому Кениту Темплину. Исследовав ее (очистив от шумов и сравнив с записями голосов других африканских животных), Темплин пришел к выводу, что записанные звуки принадлежат неизвестному существу.

В том же 1981 году на поиски мокеле-мбембе отправляется во внутренние районы Заира (в северную его часть) еще одна экспедиция, организованная американским нефтяным магнатом Джеком Брайаном и биологом Роем Маккелом. С большими трудностями пробирались сквозь джунгли ее участники, прорубая дорогу с помощью мачете. Бывали случаи, когда сутками приходилось плыть по воде. И вот однажды они почувствовали, как их каное вдруг закачалось на волне, образовавшейся от только что погрузившегося в воду какого-то крупного животного. Среди туземцев, сопровождавших экспедицию, началась паника. Кто-то предположил, что это мог быть бегемот, слон или крокодил. Но дело в том, что бегемоты в этих местах не водились, слон никогда не погружается в воду полностью, а крокодил, даже огромный, оставляет за собой лишь небольшую волну. Немного позже один из туземцев, указывая на широкий проход в джунглях, сказал: «Мокеле-мбембе!»

И вот местный зоолог Марселен Агнагна, участник того путешествия, решил посетить эти места еще раз, организовав уже свою собственную экспедицию. В апреле 1983 года, преодолев множество трудностей, его группа достигла и берегов озера Телле, расположенного, кстати сказать, в сильно заболоченной местности.

Несколько дней прошли в безуспешных поисках динозавра, а затем произошло вот что: прямо перед глазами Агнагны и его коллег на поверхности озера показалось некое существо, «очень странное животное, с широкой спиной, длинной шеей и маленькой головой». Его внезапное появление и страх, объявивший всех участников экспедиции, помешали произвести фотографирование.

СКЕПТИК: Ведь это ж надо! Какое невезение!

— Больше члены экспедиции не встречали мокеле-мбембе, но Агнагна планирует провести еще одну экспедицию. А в 1984 году западногерманский журнал «Гео» сообщил читателям, что африканский биолог Марселен Аньянья был уполномочен правительством Народной Республики Конго провести специальное исследование в связи с многочисленными известиями о похожем на динозавра чудовище, обитающем все в том же озере Телле. Аньянья утверждал, что ему удалось увидеть чудовище. Он изучал озеро с помощью местных жителей в течение трех дней и однажды заметил примерно в трехстах метрах от берега коричневое животное размером чуть больше слона, имевшее длинное туловище и тонкую шею. Животное оставалось в поле зрения 20 минут.

Что можно сказать по поводу подобных сообщений? Пока что мы встречаемся со множеством рассказов, мало-

понятными сомнительными фотографиями, записями таинственных голосов, неопознанными следами. Конечно, все это внушает мало доверия, особенно ученым.

В книге «Динозавра ищите в глубинах» А. Кондратов указывает на ряд причин, почему наличие где-либо животных, подобных динозавру, более чем сомнительно. Рассматривается возможность существования сегодня животных столь огромных размеров вообще и рептилий гигантского размера в частности, их возможность прокормиться и наличие необходимого количества особей для существования популяции, рассматривается, наконец, экологический параметр. Получается, что вроде бы жить бедным динозаврам и негде, и нельзя. Правда, в конце книги автор предлагает читателям самим решить вопрос, «насколько велики шансы динозавра дожить до наших дней».

И все-таки некоторые ученые допускают такую возможность.

СКЕПТИК: А как же с вопросом о выживаемости популяции?

— Многочисленные факты постоянных открытий новых видов животных не оставляют сомнений в том, что далеко не ко всем рассказам очевидцев о существовании странных животных следует относиться с предубеждением. Стремись повысить доверие к своим действиям, ученые и отдельные исследователи-энтузиасты среди верующих в динозавров создали международную организацию по изучению не найденных пока еще животных — Международное общество криптозоологов (ISC).

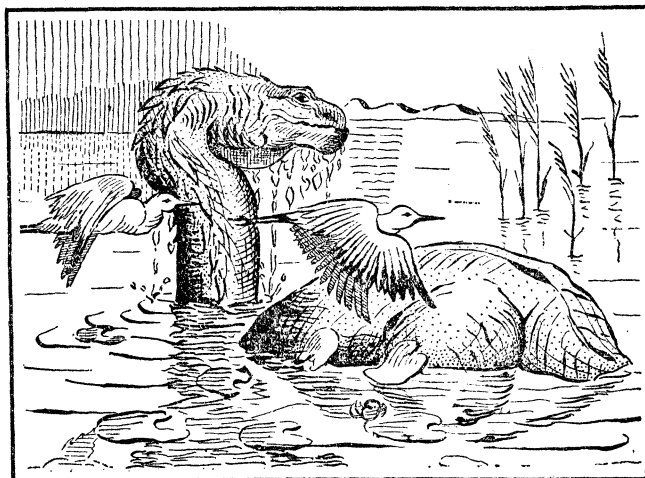
По заявлению его создателей, основная цель, которую они перед собой ставят, это изучение возможности существования предполагаемых животных. Основателем криптозоологии считается уже упоминавшийся нами зоолог Бернар Эйвельманс, посвятивший этому вопросу 35 лет своей жизни. Но официально Международное общество криптозоологов было создано им совместно с группой ученых только в 1982 году.

СКЕПТИК: Но... можно ли и следует ли относить криптозоологию к науке?

— В этом вопросе ученые тоже расходятся во мнениях. «Люди — самые умные, но и самые доверчивые, легко поддающиеся обману существа среди всех животных», — писал в 1984 году ныне покойный Джордж Гейлорд Симпсон, один из крупнейших в мире эволюционистов. — Только эти характеристики могут объяснить веру людей в сотворение мира, появление НЛО и некоторые аспекты криптозоологии».

И все же так думают не все ученые. Кто прав? Не будем спешить с ответом на этот вопрос. Подождем. Человеку свойственно надеяться.

СКЕПТИК: Но и заблуждаться тоже...

ОСУЖДЕНИЕ ЗЛА

Борис РЯБИНИН

Неожиданный телефонный звонок: вежливый, но в то же время достаточно властный женский голос уведомляет — вас вызывает в Чкаловский райотдел милиции города Свердловска следователь Банных. Милиция есть милиция, отложил все дела, мчусь туда.

Следователь — молодая, милоридная женщина с погонами старшего лейтенанта — Алевтина Павловна Банных вначале держалась подчеркнуто сдержанно, вопросы задавала строгим официальным тоном, но потом, когда разговор пошел о наших четвероногих домашних друзьях, быстро подобрела, строгость пропала, на лице появилась улыбка.

Что случилось, для чего я понадобился ей? Насколько помню, это был первый в моей жизни такой вызов в милицию.

А случилось вот что. Все объяснила стопка писем, лежавшая перед нею на столе. В номере седьмом за 1987 год журнал «Уральский следопыт» опубликовал несколько коротких историй под общим названием «Когда плачут кролики», — и вот продолжение этих историй, точнее, общественный резонанс, который они вызвали и отзвуки которого долетели сюда, в Чкаловский райотдел внутренних дел и в виде стопки писем легли на этот стол...

В общем-то, если вдуматься, ничего неожиданного. В редакции уже до этого лежала внушительная пачка писем. Вероятно, есть смысл процитировать некоторые из них.

«Прочитала статью «Когда плачут кролики» и по сию пору не могу прийти в себя. Я очень люблю животных, и у нас всегда живут собачки, домашние хомячки. Всю жизнь. А когда я узнаю, что человек убивает какое-нибудь животное, мне становится не по себе. Что-то делаю дома, а вся эта трагедия стоит перед глазами. Живем мы в такое прекрасное время, все у нас есть, работай и радуйся. Но почему есть такие люди, которые занимаются такими вещами, хотя бы как Ганорицки, который сдирает с живого кролика шкуру... Издеваться над маленьким беззащитным существом! Лучше бы не знать про такие страшные вещи, душа разрывается. Я бы сажала таких людей года на два, пускай посидит, подумает. Раз такой человек убивает животных, он может убить и человека...»

Шумилова Зоя Федоровна,
работник детского сада, Пермская область.

«Прочитал статью очень внимательно и невольно содрогнулся. Меня очень задело письмо женщины из Херсона, и я очень благодарен ей, не побоявшейся назвать палача и мучителя животных. А что дальше? Наказан преступник или нет? Ведь он и на людей с ножом бросается! Читал и не верил, что у нас в Советском Союзе могут проживать такие... Где же наше духовное воспитание? Куда подевались из ума таких людей есенинские строки: «...и зверей, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове...» Читал ли, слышал ли он их хоть раз? Мне очень жаль женщину, которая вынуждена жить рядом с таким соседом-изувером. Ведь он не имеет права жить среди людей! Не имеет права иметь детей и т. д. Я поневоле начинаю испытывать неприязнь и к нашему чересчур гуманному закону... Где уголовная ответственность за насилье над животными? До каких пор это можно терпеть?»

Сергей Орлов,
г. Южно-Курильск.

«Уважаемый товарищ Рябинин! Прочли мы всем классом Ваш рассказ «Когда плачут кролики» и очень огорчены. Как обидно, что среди советских людей есть такие, которые истязают животных. Дома и в школе нас учат любить людей и животных, и мы их любим. Почему же до сих пор живут среди нас люди, которые так жестоко относятся к животным, а значит, и к людям. Мы, 3-й «В» класс школы № 79 города Алма-Аты, хотим, чтобы взрослые и дети больше не слышали, как плачут кролики и другие животные. Мы хотим, чтобы был такой закон, который наказывает этих людей.»

Лебедева Лена, Алимбекова Лариса,
Исмаилов Вагиф, Артюх Дима,
Бобров Андрей... (Всего 32 подписи.)

Написано крупным четким детским почерком, без единой помарки и ошибки.

«Мы — Власовы, ветераны труда и участники войны, мы с мужем присоединяем свой голос к тем, кто требует статью для подобных живодеров. Ведь действительно садизм недопустим в нашем социалистическом обществе...»

А. Власова и В. Власов,
г. Тихорецк Краснодарского края

К письму приложена газетная вырезка: «Тот первый бой неравным был...» — о подвиге В. К. Власова и его боевых товарищей в годы Великой Отечественной войны. Понимай: пишут не хлопички, не слюнтяи какие-то, а настоящие люди, герои, не шадившие ни крови, ни жизни своей ради отечества, и, конечно, кто, как не они, имеют право высказываться критически о нравственном облике советского гражданина, предъявлять ему высокие требования!

Ну и еще одно. Еще о Ганорицком:

«Такого надо изолировать от общества. Надо карать! Силой закона! Надо забить в колокол! Наше будущее — в сегодняшнем. А такой... издевается над нашей моралью и совестью честного советского человека! Пусть не думает, что ему все можно, а то мы возьмем отпуск и приедем. Народ на Кавказе горячий... С уважением, ваши читатели.»

Кабардино-Балкарская АССР,
г. Прохладный,
рабочие завода
полупроводниковых приборов

Как видите, пишущие весьма единодушны в оценке и выводах, будь то взрослые, люди с опытом, прожившие большую жизнь, или подростки-школьники, и настроены весьма решительно.

Но вы заметили, что до сего времени разговор у нас шел в основном об одном случае — с кроликами. Дело в том, что в истории с убийством дворняжки Пальмы был указан адрес виновного — Ю. Гаврилова, и все письма, минуя редакцию, пошли прямо к нему. Гнев народный обрушился на его голову.

А. П. Банных познакомила меня с ними. Как только его не честили! Приведу всего одно, остальные и цитировать невозможно, в них сплошная брань.

«Алкашка Гаврилов! Я вот что тебе посоветую, — измывался один из пишущих. — Позови своих друзей-алкоголиков и пусть они тебя сбросят с 4-го этажа, как ты сбросил собаку...»

Дошло до того, что кто-то повесил на столбе около дома «героя» нашей публикации объявление:

«Здесь живет пьяница и живодер Ю. Гаврилов. О нем написано в журнале «Уральский следопыт» № 7 1987 г.»

Всемогущество печати, общественной гласности. Не дай бог никому прославиться подобным образом! В конце концов Гаврилов не выдержал и вынужден был обратиться в милицию.

Как сказали в милиции, Гаврилов признал свою вину. Наказание он получил заслуженное: всеобщее осуждение — это уже наказание. Но наше внимание привлекло следующее обстоятельство. Почти все письма Гаврилову были анонимные, без подписи. Почему?! Имелось послание вообще не написанное от руки, а составленное из печатных наклеенных букв, вырезанных из какой-то газеты или журнала. Ругательное предельно. Вероятно, потому призвавший его не указал своей фамилии, даже побоялся писать, а прибегнул к помощи ножниц и клея: вдруг определит по почерку!

Не многим лучше были и другие письма. Особенно возмутило одно — сплошное сквернословие. Но самое страшное и отвратительное даже не это. В конце текста стояло: «Возмущенная молодежь города Волгограда» — и дальше полтора десятка размашистых подписей, очень

похожих одна на другую; после этого — строчки: «Пионеры 90-й школы гор. Волгограда. 9 подписей» (фактически их нет), «Октябрята 3 «В» класса 126-й школы Петя Семенов, Сеня Петечкин».

Это что же получается: писал кто-то взрослый печатными буквами, а для вящей убедительности привлек молодежь, пионеров, октябрят?.. Ребят учит письменному мату?.. Недомыслие? А может быть, делалось все вполне сознательно и преднамеренно: пускай детки тоже разговаривают на нашем языке. Что мы, интеллигентки какие-то, которые чураются обиходных слов...

Словом, письма эти анонимные ставят много проблем. Начиналось вроде бы с одного, с осуждения жестокости, а пришло...

Бороться за добро нельзя с помощью грубости, неприличных ругательств, уличного сквернословия. Это значит унижать добро. Да, добро должно быть с кулаками, чтобы летела шерсть клоками с того, кто лезет на добро, сказал поэт, но это не значит, что все средства хороши. Ни под каким видом!

Грязное слово чернит душу.

Ругань — это как плевок. Грубое выражение предполагает грубый поступок, утверждал Корней Чуковский. Нам вообще надо избавляться от сквернословия, которое бытует в разных слоях населения, а тут...

Отвратительная, роняющая человеческое достоинство привычка, перенимаемая юностью от дурно воспитанных старших; пора объявить ей такую же войну, как жестокости, неуважению к жизни другого существа, распушенности нравов.

Принципиально против мы и всяких анонимок и анонимщиков. Если человек скрывает свою фамилию, это уже говорит о многом. Кто-то правильно сказал: анонимка — донос, а не информация. Ну, а что за люди доносчики, едва ли надо объяснять. Короче: если верить написанному, получается, что письмо из Волгограда. Нам, увы, проверить это невозможно. Но, может быть, кто-нибудь из наших волгоградских читателей попытается выявить, действительно ли принимали участие в написании такого письма пионеры 90-й школы, октябрята 126-й школы. Узнать, право, не мешало бы. Выявите и сообщите, пожалуйста, нам...

МУЗЫКА И МЫ

Разговор впереди

«Приятно, что мой любимый журнал обратился к теме музыки, вы коснулись наиболее. Мне 27 лет, инженер-строитель, отец четверых детей. В свое время я сделал каталог групп за период 1970—76 гг. — более 300 групп, в основном западные. Теперь с большим вниманием слежу за нашими группами и вижу, что они ничуть не хуже. Александр Гаркавенко, Чернигов».

«Дайте нам хороший советский рок, и я сотру у себя весь зарубежный! Единственная путёвая группа в Союзе — «Ария», это нормально?! Андрей Воробьев, Новокузнецк».

«Хочу поблагодарить редакцию за раздел «Музыка и мы». Проблема назрела очень остро. Игорь Александров, Архангельск».

«...До сих пор считал ваш журнал искренним — ошибался! Вы пошли на поводу у классики и советской эстрады... Дмитрий И., Первоуральск».

«Если вы и дальше будете в таком духе отзываться о «металле», я всех своих друзей подговорю не подписываться на ваш журнальчик... «Металлисты» народ нервный, могут больно сделать!» Без подписи, Нижний Тагил».

«А вы знаете, что в Магнитке все — «металлисты»? У нас даже есть выражение: «Металл Магнитки — металл мира». Максим Т., Игорь В., Александр Д.»

«Я рабочий, мне 24 года. Половину жизни увлекаюсь популярной музыкой. Предпочтение отдаю хэви-металу и арт-року, люблю старый хард-рок, не отвергаю и классику. Думаю, что клич «Назад в пещеры!» — ложная тревога. В наше бурное время хэви-метал — самый прогрессивный стиль. Моральным уродом или ущемленным себя не чувствую. М. Орлов, Челябинск».

«Расходятся мнения о роке. Одни пишут, что это тупость, извращение, а другие — нечто среднее. В «Рабочей смене» один комсомольский работник вообще усмотрел в роке ускорение и перестройку... Пожалуйста, согласовывайте свои действия, чтобы не было противоречий. Только поймите правильно — не в смысле согласовывать с начальством. Владимир Фоменко, литейщик из Ташкента (только лью не металл, а пластмассу)».

«Хотя в штампе «Мелодии» появилось английское «R» (что, надо думать, означает — качество гарантируется), но качество-то плохое. Даже лицензионные диски не избежали этой участи... Карпов, Пермь».

«Даже если некоторые ответы у меня неверные, само участие в викторине доставило удовольствие. Раздел о музыке нужен в «Следопыте», с его появлением журнал стал интереснее. Михаил Свечков, Хабаровск».

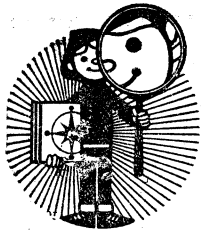
«Хотелось бы, чтобы появилась публикация о диско-музыке, которая переживает второе рождение. С. Ларькин, Винницкая обл.»

«Хочется верить, что информация о музыкальном мире в «Следопыте» будет такой же богатой, как фантастика. Курсанты летнего училища, Ворошиловград».

«В. Киселев подтолкнул меня на мысль: а что если при журнале создать некий заочный рок-фолк-брейк-джаз-диско-СП-клуб? Кто-нибудь взял бы на свои плечи этот труд. Сергей Бочаров, Комсомольск-на-Амуре».

ОТ РЕДАКЦИИ: Из нескольких сотен писем, пришедших в адрес раздела «Музыка и мы», мы процитировали пока лишь эту «чертову дюжину». С помощью читателей готовим более полный обзор, который опубликуем в одном из ближайших номеров журнала. Так что — разговор впереди.

МИР

на лагони

«Звезды» в Звездном

На аллее среди темных елей — яркая афиша. Жителей Звездного городка, сотрудников Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина приглашает на очередное заседание МКИВ — молодежный клуб интересных встреч.

Встречи, оформленные в виде устного журнала, действительно интересны. За два года в клубе побывали артисты из театров на Таганке, имени Вахтангова, имени Маяковского, писатели-сатирики М. Генин, В. Колечитский, М. Задорнов, политические обозреватели Гостелерадио В. Цветов и А. Жолквер, журналисты, кинематографисты, модельеры, члены сборной СССР по хоккею и ветераны «Динамо»... В «журнале» есть странички политические, а есть и — для самых маленьких, в одной из них недавно выступал «дядя Володя» Ухин, ведущий телепередачи «Спокойной ночи, малыши!». В клуб собираются целыми семьями, зал Дома космонавтов всегда полон.

Родился МКИВ по инициативе комсомольцев. Еще весной 1984 года они подготовили вечер, посвященный 50-летию Ю. А. Гагарина. Пригласили всех жителей Звездного. Среди почетных гостей были Булат Окуджава, кинодраматург Елена Райская. Вечер очень понравился. Вдохновившись, комсомольцы организовали еще один, к 40-летию Победы. И решили сделать это традицией. Молодежь поддержал тогдашний начальник Центра подготовки космонавтов Г. Т. Береговой. С 1985 года выпуск устного журнала стал ежемесячным.

Листаю альбом-летопись МКИВ. Первую запись оставил актер Театра на Таганке Семен Фарада: «Нам почетно и интересно выступить у вас... Давайте дружить домами». А это что? «Надеемся на игру в космосе». Так написала Наталья Стеценко — редактор телевизионной передачи «Что? Где? Когда?».

— Мы сыграли с «Клубом знатоков», — вспоминают комсомольцы Звездного, — и... проиграли с почетным счетом 5:6. Правда, знатоки выставили команду из шестерых капитанов...

В той игре принимал участие

весь зал. Общение с гостями молодежного клуба всегда проходит неформально, весело, накоротке. Заканчивается «заседание» театрализованной дискотекой. А перед началом встречи с актерами Театра имени Маяковского состоялся футбольный матч. За команду клуба играли космонавты А. Березовой и В. Ляхов. Счет матча был ничейным, но по пенальти выиграл МКИВ.

Космонавты охотно помогают комсомольцам. Членом редколлегии МКИВ является В. Д. Зудов. Часто подключаются к проведению вечеров А. Н. Березовой, П. И. Климук, Ю. В. Малышев, выступал в устном журнале А. А. Леонов.

Организаторы МКИВ, создавшие свой клуб еще до выхода положения ЦК ВЛКСМ о удобных неформальных объединениях, делятся опытом с коллегами, выезжают в комсомольские организации Подмозья.

Ребята мечтают сделать МКИВ хозрасчетным. Пока им приходится детали оформления, призы приобретать за свой счет. Руководство Центра подготовки космонавтов помогает, конечно, но ведь убегаешься за каждой мелочью к начальству.

...Пока я беседую с членами редколлегии МКИВ, к ним то и дело подходят одноклубники. Очередное заседание на носу. Художница Светлана, раскрасневшаяся, как яблочко, что держит она двумя измазанными в краске пальчиками, рисует радужное «оперение» будущей программы. Сегодня она заработается до полудня и едва не опоздает на последнюю электричку в Москву. На таких энтузиастах и держится МКИВ.

С. КАЗАНЦЕВ

Лазер строит газопроводы

Ускорить темпы работы коллективу комплексного технологического потока из треста «Омскнефтепроводстрой», который прокладывает магистральные газопроводы, берущие начало в Тюменской области, помогают... лазерные установки.

На экскаваторе крепится датчик, принимающий луч лазера от прибор-

ра, который находится на расстоянии до 400 метров. Световой луч позволяет экскаваторщику точно придерживаться проектных параметров траншей. Лазерная установка особенно незаменима при работе ночью и в условиях плохой видимости. Новинка разработана и изготовлена сотрудниками Омского политехнического института.

М. РАФИКОВ

Верблюды и колодец

В Южно-Гобийском аймаке (Монголия) скотоводы приучили нескольких верблюдов накачивать воду из колодцев. Со временем сами животные производили эту операцию, чтобы напоить стадо, — без команды человека и даже когда пастухов вообще рядом не было. Один верблюд оказался эгоистом — он налегает грудью на рукоятку водоподъемного механизма только в том случае, если рядом нет сородичей. Но другие верблюды накачивают воду до тех пор, пока все стадо не утолит жажду, а уж затем пьют сами.

Почти три тысячи лет назад

Раскопки одного из древних поселений на территории Башкирии принесли археологам неожиданные результаты: были найдены железный нож, железные обломки, другие вещи, свидетельствующие о том, что железное дело началось на Урале раньше, чем считалось до сих пор — еще за тысячу лет до нашей эры. Все эти находки соседствовали с типичными для эпохи бронзы предметами. Теперь их можно увидеть в музее археологии и этнографии, принадлежащем ученым Уфы.

С. ПЕТРОВ

Кот Том путешествует

В США отмечен рекордный переход домашнего кота по кличке Том. Его хозяйка Жанина Брок из Детройта поехала отдыхать в горы штата Арканзас. Она подумала, что и Тому не вредно проветриться — взяла его с собой. Но едва они оказались в горах, как послушный прежде кот исчез. Он явился домой в Детройт через семь месяцев. Самый короткий маршрут возвращения кота, как оказалось, мог пролетать через пять штатов, а в километрах это — почти 500! Сколько прошагал кот Том на самом деле — сказать невозможно, но совершенно ясно, что его путь не мог быть прямым.

И С Е Р Ь Е В Н О Е И К У Р Ь Е З Н О Е

У нас в гостях — ребята из Клуба веселых и находчивых Уральского политехнического института: Раиф Мухаметхазиев, Михаил Котик, Евгений Антропов. Первый свой КВН на союзной арене команда политехников провела со студентами Севастопольского приборостроительного института осенью 1986 года. Мы предложили политехникам провести разминку в «Следопыте» — чтобы они не потеряли формы и заодно помогли редакции решить некоторые проблемы. Игра, как говорят, пойдет в одни ворота: мы будем задавать вопросы, а они пусть отвечают. Если что не так, в конечном счете отвечать все равно придется нам.

Итак, «Мы начинаем Ка-Вэ-Э-эн...»

КВН: «Следопыт» — УПИ

— У каждого человека есть метрика, в ней записаны отец-мать, год-место рождения. У журналов она тоже есть. На титульном листе «Уральского следопыта» написано, что мама у него — писательская организация РСФСР, а папа — Свердловский обком комсомола. У одной — резиденция в Москве, второй постоянно проживает в Свердловске.

— Как же они делают родительские права? И кто дает на карманные расходы?

— Ну... они не то чтобы развелись, но и не сходились даже — так что никак не делают и никто не дает. Вопрос: какому социальному образу соответствует такое «дитятко», как «Уральский следопыт»?

— Скорее всего, трудный ребенок из неблагополучной семьи. Вам должна заняться комиссия по делам несовершеннолетних.

— ...Прописан журнал в Свердловске, зовется «Уральский», а из дому убегает, ходит по всему Союзу. Мурманск, Ярославль, Ставрополь, Хабаровск, Ессентуки, Ленинград — куда он только не наведывается. Путешествует без билетов, в почтовых вагонах.

— Настоящий следопыт.

— ...При этом собирает по 40 копеек с людей, которые называют себя подписчиками, и около полумиллиона ему дают...

— Как много у нас в стране сердобольных людей! Хорошо, что он не просит: «Дяденька, дай миллион».

— Миллион он не попросит, миллион у него уже есть — прибыли.

— Красиво живете.

— Да как сказать... У нас в штате нет художника. И фотокорреспондента нет, и дизайнера... И бумагу дают неважную. Мы до сих пор в тех же пеленках, как и тридцать лет назад. Если бы нас кто-нибудь усыновил на всесоюзном уровне — и оформление было бы другое, и штаты... Но мы уже много лет ходим по разным инстанциям: «Дяденьки, дай миллион?» — и никто не берет! Будь у модельера Зайцева такие условия, что бы он сделал?

— Зайцев волком бы был...

— Зайцев бы выгрыз бюрократизм!.. У него все-таки союзный статус, а у нас — региональный... В общем, прошлое неясно и будущее темно. Кстати, на тему прошлого и будущего. Есть краеведение — оно обращено в прошлое. Есть фантастика — она смотрит в будущее. Эти два медведя должны уживаться в одной берлоге, то есть в журнале. Есть какой-то способ, чтобы соблудности здесь равновесие?

— Наверно, надо всегда говорить о прошлом так же фантастически открыто, как сегодня.

— Это хороший совет. Может, еще под рубрикой «Народный календарь» опубликовать «Понедельник начинается в субботу»?.. Еще вопрос. Наш главный редактор — не хуже газетных редакторов, но они каждый день ездят на машине, а наш еще ни разу не ездил. Нет машины у журнала: ноги, сами понимаете, не колеса. Не подскажете ли вариант приобретения какой-нибудь завалющей машины? Стоянка есть.

— «Следопыт» — это пешеход, так? Вот если бы вы были «Автомобилист», у вас у каждого была бы своя машина...

— Увы... Ну, нет так нет. Продолжим нашу беседу.

С января редакция «Следопыта», как многие фабрики и заводы, перешла на новую хозяйственную систему. Если наш тираж упадет, хозрасчетная фортуна повернется к нам спиной. В этом году «Следопыт» еще не угодится Невьянско-Пизанской башне, но чем бы нам, страховки ради, подпереть свой тираж?

— Пусть в вашем тираже каждый четвертый номер будет выигрышным, а на остальные номера выпадет выигрыш по одному рублю. Можно также предложить Министерству финансов, чтобы обложка журнала имела хождение наравне с государственными казначейскими билетами и обеспечивалась всеми богатствами Среднего Урала.

— Вообще, знаете, в журнальном мире — действительно, как в лотерее — тесно и беспокойно. Так у студента в сессию бывает, но у сессии хоть конец есть... При такой жуткой конкуренции «Следопыту» нужна реклама. Но нам бы не хотелось при этом изменять своей природной скромности. Может быть, вы знаете пример скромной, но действенной рекламы?

— Такой, например, вариант: «Купите наш журнал, вы можете его и не читать; а прочитав, можете не покупать... другие журналы».

— Еще одну маленькую неясность помогите прояснить. «Следопыт» считают журналом семейного чтения. Как это — читать всей семьей?

— Если семья рабочая — то в рабочем порядке. Если театральная — по ролям. Если военнотрудовые — то по уставу... не положено.

— Спасибо. В зарубежных изданиях для любителей фантастики наш журнал называется «Ural Stalker», а Сталкер, как вы помните, часто ходил в запретную зону. Что вы нам посоветовали бы вынести из запретной зоны, окажись мы в ней?

— Вынесите двери.

...После этой беседы мы спустились в наш музей. Показали его ребятам и спросили:

— Какого экспоната здесь не хватает?

— Того, что вы сейчас нам подарите, — скромно предложили они.

— Ну и шуточки у вас...

За команду «Следопыта» выступали
Нина Широкова и Сергей Казанцев

Нина ШИРОКОВА

БАТАЛИИ, каких не было в Италии

Ни один полководец не мог похвалиться
большой преданностью своих солдат.
Монтен

— Егерей на холме убирать надо. Два орудия выкатываем и — картечью... Доверни чуть пушку на прямую наводку.

— Как бить-то, Андрюша, мы свою пехоту цепляем...

— Там всего батальон, так и так смертники...

— Ну, Бонапарт... Ну, живодер!

— Огоны!.. А-а, круто тебе. Вовик! Там, на левом фланге, возьмите в плен кирасирского полковника — он мне все глаза намозолил!..

— Веллингтону надо легкоконный выводить во фронт... Судья, у него есть два хода?

— Полтора, он полхода уже использовал — возьмите тетрадку с правилами, выучите их, ради бога!.. Сдаваться тебе придется, Антокольский.

— Я пехотой еще попытаюсь...

— Пехотой против кавалерии?..

— Посмотрите там по правилам: легкий пехотинец может поразить легкого кавалериста?

— Может. Даже среднего — может.

— А спешить я их могу?

— Гусары не спешиваются!.. Нет, Вовик, влохи твои дела. Два конно-егерских и один линейный полк потерял — сдаваться надо.

— Погоди... Эта пушка живая?

— Живая. Но у тебя больше нет ни одного выстрела — только полтора хода.

— А этих... на лошадей нельзя посадить?

— Откуда у тебя лошади, они что — в обозе бежали? Все, Вовик, не обманывай себя... Битву под Неаполем ты проиграл.

...Битвы этой под Неаполем никогда не было. Не было егерей на холме, не попадал в плен кирасирский полковник, не проигрывал сражения, имея мощный арьергард, герцог Веллингтон, и не одерживал такой виктории Наполеон.

Все это — игра, фантазия, вымысел. Кроме... пластилиновых солдатиков. Они реальные. Так же, как и участники игры, хотя уже можно догадаться, что «в миру» лорда Веллингтона зовут Вовик, а Бонапарта — Андрюша...

Потрясающее это зрелище! Сотни солдатиков, конных и пеших, пушки, лафеты, лошади — и посреди сего бранного поля, как Гулливеры, ползают на коленях взрослые дядьки, а счастливая ребятня с готовностью заряжает крошечными снарядами пушечные стволы. Настоящее представление — с режиссурой, сценарием, костюмами.

Солдатики — в палец величиной, а амундцию их можно полчаса разглядывать. Кивера, треуголки, султаны... Ментики, эполеты, лампасы... Скатки, седла, штандарты... Штыки, сабли, ятаганы... И каждый эфес,

каждая пряжка, каждая пуговица соответствуют мундиру. Если у какого-то рода войск должен быть золотой росшир на обшлагах, то он есть; если определенного цвета перевязь, то она такого цвета...

Зачинщик всей этой игры — свердловчанин Андрей Абол.

— ...Я рос в военных лагерях. Магазины с игрушками были далеко, но развлечений хватало: смотры, ученья, парады... Естественно, мы с дружкой момм тоже думали, как бы нам «повоевать». Началось с пяти-шести солдатиков, никакой формы не придерживались — просто у него армия, у меня... Правила придумали... Дружок мой Сергей Павлушин — художник, живет сейчас в Заречном.

— Андрей, почему основная участница ваших игр — французская армия, а не римские легионеры, например?.. Не дружины русских князей, не итальянские кондотьеры или германские ландскнехты? И почему именно пластилин?

— Пластилин мне впервые сунули в руки года в полтора, и я начал лепить зверушек. А в первом классе мне попала книжка Брагина «В грозную пору» — о войне 1812 года, с двумя вкладышами великолепных иллюстраций. Это было потрясение! Я оставил зверушек и стал лепить солдатиков... Потом увлечение переросло в интерес к военной истории, который со временем сузился до времен наполеоновских войн. Но диапазон мы увеличиваем: сейчас взяли всю первую половину XIX века, а Наполеон, как вы помните, умер в двадцатых годах.

— Кто ваши партнеры?

— Про первого я уже сказал. Самым стабильным партнером был мой двоюродный брат Виктор Сандаков, мы росли вместе. Сейчас он лет на пять вышел из игры — уехал учиться в Киев. Постоянные партнеры: Михаил Слуцкер, клубный работник, — он представляет австрийскую армию и императора Франца-Иосифа; Алексей Рождественский, ассистент режиссера, — он играет за короля Испании Фердинанда; учитель истории из Сургута Володя Антокольский — играет за Англию...

— Он из Сургута приезжает?

— Да, мы обязательно приурочиваем к его приезду сражение... Я почти всегда играю за Францию;

учитель Михаил Черняховский — за Польшу; Ваня Степанов, десятник-классник, — за датского короля... Ваня с нами уже несколько лет и ни одной игры не пропустил.

— ...И что же, все эти армии есть?!

— Европейские — все. Даже папский легион есть. И турецкое войско... Сейчас у нас 1000 фигурок. Идеальный вариант будет при 7000 — кстати, он отразит соотношение реальных сил того времени.

— Как вы прокомментируете последнее сражение? Почему его проиграл Антокольский?

— Вообще-то он здесь проявил несвойственный ему авантюризм. Сам предложил соорудить холм, рассчитывал, что мы изо всех сил будем его занимать. А мы не стали... Подставил под удар два полка, допустил много ошибок. Арьергарды зря берег... Теперь ему только к испанцам за помощью идти; значит, следующее сражение будет с испанцами.

— Аналогий с историей вы не придерживаетесь?

— Нет, исторических реалий никаких. Это уже не игра — когда все заведомо известно. Хотя варианты правил носят характер сражений тех времен. Деление на корпус, дивизии... Самые крупные сражения отмечаются надписями на знаменах — «За взятие такого-то города», тоже было принято. Или вот: пленных французы не расстреливали, они после 1812 года начали расстреливать, а тогда еще был четкий моральный кодекс, — и мы пленными обмениваемся.

— Легко ли в точности воспроизвести форму — мундиры солдат, офицеров, обозначения различных родов войск?

— Различие не только в форме — в цвете, элементах... Это очень сложно. Литературы мало, иллюстративного материала — того меньше. Я долго искал форму вестфальских кирасир, по деталям восстанавливал: раз кираса — значит, нагрудник и спина железные, каска — само собой... Из двенадцати французских гусарских полков восстановил только три — они все различались. Форму австрийских стрелков до сих пор найти не могу. Не знаю, чем отличались наполеоновские гренадеры от его же егерских полков... Вот недавно раздобыл редкую книгу — Лилиан и Фред Функен «Униформа и вооружение солдат Первой империи». Много по ней уточняю, у двух полков уже сменил шапки. Но и загадок новых полно... Белгийцы, например, в то время воевали на стороне французов, а на их седельных чепраках и кавалерийских ташках * почему-то вензель Веллингтона... Никак они не могли воевать за Англию! Или вензель обозначает что-то другое... Много таких головоломок.

* Ташка — плоская сумка.

культуры имени Свердлова играли, в мастерских у художников — там просторно... Вот у вас, в «Следопыте», провели игру...

— Спасибо. Мы получили возможность сделать слайды и показать их нашим читателям.

— Я рад. Только... нас с вами не обвинят в милитаризме?

— Не думаю. Когда солдаты лежат в коробках, кони — в чемоданах, а пушки — в старом «дипломате», кому они страшны?..

Фото Игоря Горячева

— А лепите вы один?

— В основном, но помогают. Из друзей Миша Черняховский прекрасно лепит. Ребяти много ходит, обучаю их — анатомию бюсти, детали выдерживать. Практически пользуемся только ножницами. Фольга, пленка, нити золотые, шоколадные обертки — все собираем. Килограммов десять пластилина у меня в квартире всегда есть в запасе. Правда, пластилин в продаже плохой — как песок рассыпается... Качественный пластилин приходится очень беречь — чтобы только примешивать.

— У лошадей в ногах проволочки, а у фигурок нет каркаса? И дюжат?.. Сколько они живут, пластилиновые солдатики?

— Есть фигурки, которые я сделал лет пятнадцать назад. Ремонта они, конечно, время от времени требуют. Но тем и хорош пластилин, что он легко восстанавливается и поддается точности исполнения — не как отливка, например. Иногда даже внешнего сходства удается добиться — не для каждого солдата или даже генерала, которых у Наполеона более 300 было, а для маршала, допустим, — их всего было 33.

— Сколько же вы сделали солдатиков за всю свою жизнь?

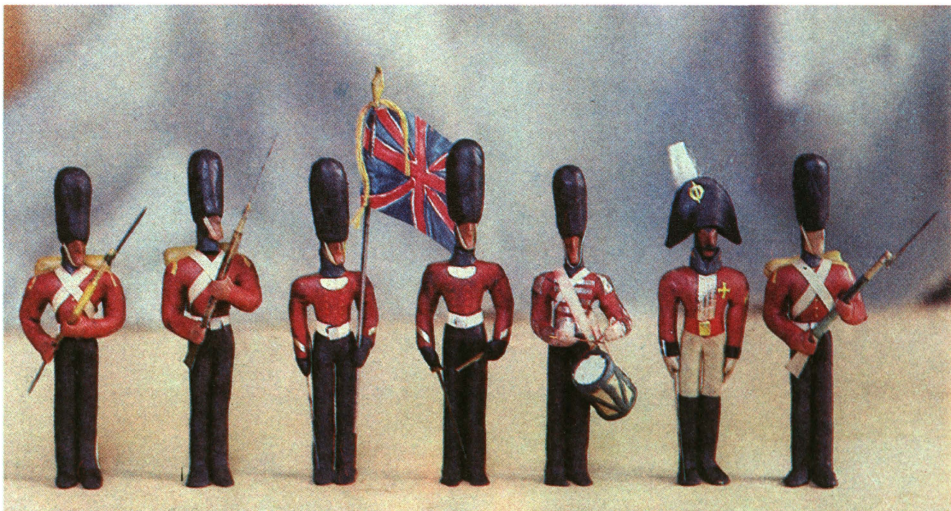
— О-о-о... Вот этого не могу сказать — столько раздарено! А растащено или, как принято говорить, на сувениры взято — не считать...

— Что вы еще можете сказать о других своих увлечениях, о своей жизни, Андрей?

— Имею кое-какой литературный опыт, занимаюсь скульптурой... Учусь на искусствоведческом отделении. Учеба, работа, семья — все как обычно.

— И сколько лет идет игра в солдатики?

— С шестого класса по-серьезному, значит... уже шестнадцатый год. В году устраиваем сражения раза четыре, не чаще. Громоздкое это дело, да и негде играть... В квартирах тесно, а площадки — где их взять? В Доме

Жюль Верн:

«КТО ЗНАЕТ, ПОЯВИТСЯ ЛИ ДАЖЕ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ВТОРОЙ «НАУТИЛУС»!»

Сомнения великого фантаста оказались несостоятельными...
Свердловская рок-группа «Наутилус» доказывает это своим творчеством!

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

«Уральский следопыт» готовит интервью «читатели — группа «Наутилус». Ждем вопросов...
Авторов самых интересных вопросов ждет приз: фото «Наутилуса» с автографами исполнителей.

Фото Игоря Горячева

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский следопыт, № 4, 1—360.